

Любовные истории в истории Франции

НАПОЛЕОН
И
ЖОЗЕФИНА

Ги Бретон

Наполеон и Жозефина

Государственный переворот, великие сражения, головокружительный подъем на вершину власти, честолюбивые планы завоевателя половины мира и многочисленные романтические любовные связи с известнейшими красавицами — такова удивительная судьба императора Бонапарта. Какую же роль сыграла в его жизни самая известная из всех женщин — Жозефина, его жена?

Для широкого круга читателей.

Содержание

#1	0005
Жозефина приносит Бонапарту в приданое командование итальянской армией	0006
Беспокойная свадебная ночь Бонапарта	0016
Бонапарт в честь Жозефины покрывает себя славой	0021
Бонапарт хочет застрелить любовника Жозефины	0026
Англия обнародовала супружескую неудачу Бонапарта	0036
Чтобы поднять свой авторитет, Бонапарт заводит любовницу	0040
Англичане нарушают идиллию Наполеона с Полиной	0049
Подтверждение измены жены мешает Бонапарту победить турок	0055
Бонапарт возвращается в Париж и находит свой дом пустым	0062
Дезирэ Клари — тайная союзница Бонапарта	0068
Любовь помогает совершить государственный переворот 18 брюмера	0076
Грассини изменяет Наполеону со скрипачом	0082
Бонапарт теряет сознание в объятиях мадемуазель Жорж	0087
Бонапарт оставляет мадемуазель Жорж, чтобы стать императором	0093
Маршал Ней хочет сделать из своей жены новую мадам де Монтеспан	0099
Наполеон, влюбленный в свою племянницу, бежит за ней по коридорам дворца	0103
Жозефина предстает обнаженной перед папским камердинером	0111
В Италии Наполеон влюбляется в чтицу	0113
Наполеон обнаруживает в замке Аустерлиц обнаженную женщину	0120
Жозефина подозревает, что Наполеон был любовником своей сестры Полины	0129
Наполеон становится отцом маленького Леона	0133
Мария Валевская от имени Польши приветствует Императора	0139
Был ли у Наполеона сын от его падчерицы Гортензии?	0151
Из любви к Марии Валевской Наполеон создает Великое герцогство Варшавское	0156
Каролина Мюрат становится любовницей Жюно, чтобы возвести на трон своего мужа	0163
Наполеон хочет жениться на своей племяннице	0173
В Мадриде Наполеон бежит из постели от слишком благоухающей девицы	0178
Прежде чем покинуть трон, Жозефина требует три замка и три миллиона в год	0188
Оглавление	0198
#31	0199
#32	0200
#33	0201
#34	0202
#35	0203
#36	0204
#37	0205

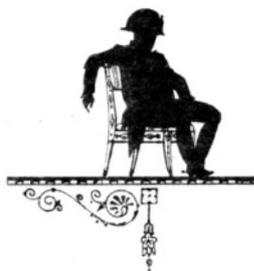

*Histoires d'amour
de l'histoire
de France*

**Ги Бретон
НАПОЛЕОН И ЖОЗЕФИНА**

Guy Breton

**NAPOLEON
et
JOSEPHINE**

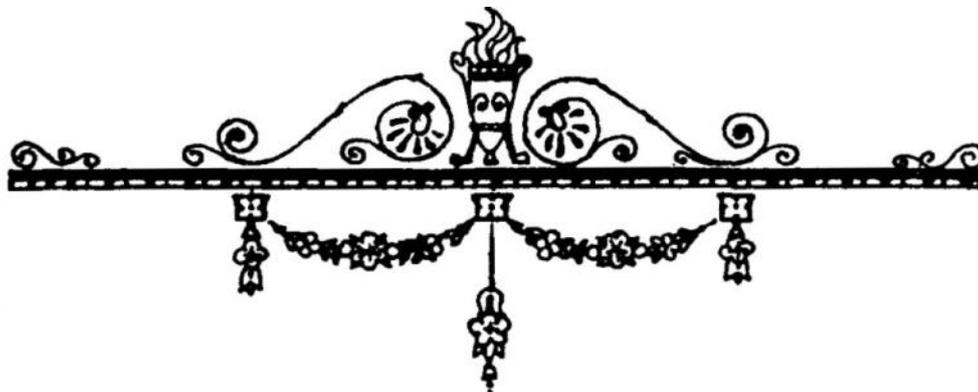
Presses Pocket
1960
Paris

Ги Бретон

**НАПОЛЕОН
И
ЖОЗЕФИНА**

Москва
Стройиздат
1994

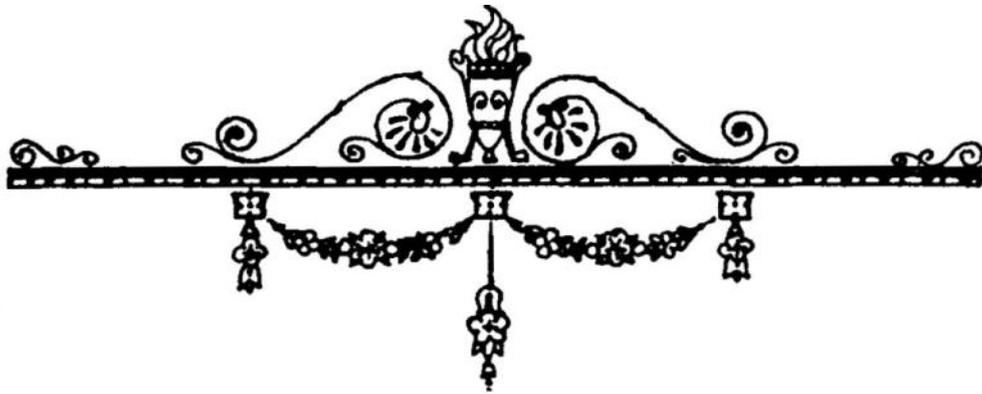
В больших испытаниях удел женщины — смягчать наши неудачи.
Наполеон

Портрет Наполеона, предлагаемый в этой книге, без сомнения, удивит читателя. Дело в том, что скучные, серьезные, обстоятельные историки, озабоченные лишь тем, чтобы изобразить Наполеона полубогом, не давали себе труда рисовать его, так сказать, обычным человеком в постели с женщиной.

Тем не менее Наполеон обожал женщин. Он был помешан на них. Чтобы встретиться с ними, он оставлял свои дела, планы сражений, своих солдат, своих маршалов. Чтобы завлечь их, он тратил миллиарды из казны, чтобы обольстить их, он писал им тысячи любовных писем. Чтобы насладиться их любовью, он посвящал им столько дней и ночей, что было непонятно, как он находил время, чтобы управлять Империей и вести войны. Известно, что у него одного было больше любовниц, чем у Людовика XV, Франциска I и Генриха IV вместе взятых. Общество женщин было ему настолько необходимо, что невозможно понять его как личность, если отказываться увидеть его резвящимся в постели. Со своими прекрасными подругами он проявлял одно из своих самых милых качеств — ребячество. То самое ребячество, которое толкало его играть в чехарду на лужайках Мальмезона с фрейлинами Двора; прятаться в подушках, чтобы развеселить мадемуазель Жорж; одеваться в костюм простолюдина, чтобы ночной порой отправиться на поиски любовных приключений; загримировавшись, гулять по Парижу с Марией Велевской или босиком бежать по коридорам дворца Фонтенбло, догоняя хорошенькую чтицу Императрицы, аппетитные формы которой привели его в восторг.

Все эти женщины не только доставляли ему минуты наслаждений. Некоторые из них оказали значительное влияние на его судьбу: благодаря Жозефине он стал главнокомандующим итальянской армии, Полина Фур помогла ему сделать карьеру в Египте, Дезирэ Клари была его верной сообщницей в организации переворота 18 брюмера.

Вот мы и отошли от легенды. Конечно, этот несколько необычный портрет Наполеона, предающегося шалостям и гонящегося за женскими юбками, возможно набросать, только подкрепив его неопровержимыми доказательствами. Именно поэтому автору придется приводить длинные цитаты из воспоминаний свидетелей наиболее экстравагантных сцен. Таким образом удастся констатировать, что Наполеон не всегда держал руку за отворотом своего сюртука.

Жозефина приносит Бонапарту в приданое командование итальянской армией

Приданое — это повод для женитьбы, а любовь — это предлог.
Коммерсон

2 октября 1795 года в четыре часа пополудни два конных жандарма расположились перед входом на мост Круасси-сюр-Сен и принялись заботливо накручивать свои усы с таким задумчивым и подозрительным видом, что это наводило на мысль об установлении коннополицейской стражи. В это же время на дороге из Нанта в Буживаль семьдесят их коллег заняли позиции с интервалом сто метров друг от друга и предалися такому же занятию.

Подобное развертывание сил не было предназначено ни для обеспечения охраны, ни для военного конвоя, ни для другой важной миссии. Появление семидесяти двух доблестных жандармов в ранний вечерний час золотистой осени означало лишь то, что виконт де Баррас совершает обычный еженедельный визит, связанный с не совсем пристойными, но такими естественными удовольствиями, к мадам де Богарнэ, обитательнице небольшого дома в Круасси.

Она сняла этот дом в 1793 году. После ареста мужа — виконта де Богарнэ, Жозефина волновалась за безопасность своих детей. Гортензия в это время была отдана в ученицы в магазин женского платья, а сын Евгений — учеником в столярную мастерскую.

Для придания остроты предстоящему веселью де Баррас — президент Конвента, проявлявший в любви склонность к стадному инстинкту, приглашал на вечер к своей любовнице развеселых легкомысленных подружек, всегда готовых предаться любовным утехам.

Затем к пяти часам вечера по Елисейским полям проследовал большой экипаж, в котором Дуайен, поставщик продовольствия и друг де Барраса, вез всяческую снедь и корзины с вином и шампанским, направляясь к дому мадам де Богарнэ.

Мари-Роз[1] вышла навстречу и сделала знак кучеру закрыть ворота сада. В этом не было особой необходимости, так как жители Круасси прекрасно знали, что в нынешние голодные времена хозяева Конвента не придерживаются вместе с народом вынужденного национального поста.

После того как ворота закрыли, провизия была вынута и расставлена на столах в небольшом салоне с камином, возле которого уже лежали заготовленные дрова. Тарелки и стаканы Мари-Роз обычно одалживала у своего сосе-

да, мсье Паскье, который впоследствии станет префектом императорской полиции. Через много лет Паскье вспоминал, что дом госпожи де Богарнэ походил на дома многих креолов: пышная роскошь с одной стороны, а с другой — отсутствие самых необходимых вещей. Кухня завалена домашней птицей, дичью, редкостными фруктами, а ведь было это во время сильного голода в стране, и в то же время в доме не было кастрюль, стаканов, тарелок, которые часто приходилось занимать в жалком хозяйстве мсье Паскье.

К шести часам подъехал другой экипаж. В нем прибыли мадам Тальен, мадам Гамелен — сладострастная креолка, околдовавшая многих мужчин, и два крепких молодых человека, которых прекрасная Терезия всегда прихватывала с собой "на всякий случай".

Мари-Роз встретила их радостными восклицаниями и светскими приветствиями, похлопывая при этом кучера, который был бравым мужчиной. Он смеялся в ответ.

В это утро де Баррас почувствовал, что ему надоело содержать женщину, которая готова на все ради еще одного украшения или отреза шелка, швыряла деньгами и делала долги, как особа благородного происхождения, полагая, что "природа предусмотрела вменить в обязанности мужчине платить по ее счетам".

Он решил порвать с ней. Но как? Немного поразмыслив, де Баррас улыбнулся. У него родилась довольно забавная идея. Чтобы избавиться от любовницы, надо женить на ней молодого Бонапарта, который многие месяцы ищет возможность упрочить свое положение женитьбой на светской даме.

Чтобы получить согласие очень капризной мадам де Богарнэ на этот необычный союз, ему достаточно приблизить к себе этого невзрачного генерала, которого она видела мельком с мадам Тальен, и дать ему повышение по службе. Что касается маленького корсиканца, он будет счастлив породниться с аристократкой.

У каждого из них будет ощущение удачно проведенной сделки, а глава Конвента сможет, освободившись от тяготившей его связи, целиком посвятить себя прекрасной Терезии, любовный талант которой он смог оценить в прошедшую ночь.

В то время как де Баррас подготавливал таким образом свое будущее, Мари-Роз угощала своих друзей. В десять часов мадам Тальен, мадам Гамелен и оба их кавалера сели в карету, которая привезла их сюда. В последний момент к ним присоединилась Мари-Роз.

— Я провожу вас до дороги на Париж, а потом возвращусь пешком.

На втором повороте она вышла из кареты. Кучер стегнул лошадь, и Мари-Роз, оставшись на дороге, долго махала им вслед рукой.

Когда карета исчезла из виду, виконтесса медленно пошла обратно, собирая цветы и любуясь осенними красками парка. Так, гуляя, она подошла к дому, стоящему на пригорке. Это владение привлекало ее своей историей. Рассказывали, что в XI веке в здесь поселился норманнский рыцарь Одон и отсюда совершал набеги с целью грабежа на проезжавших мимо по дороге. С некоторых он требовал выкуп, а кое-кого и убивал. Говорили также, что этот варвар похищал в окрестностях женщин и девушек и зверски насиловал их.

Этот Одон вызывал такой ужас у окрестных жителей, что они прозвали его жилище *mala mansion* (плохой дом). По прошествии веков местные крестьяне

утверждали, что в руинах давно покинутого дома обитает дьявол. Эта злоеющая легенда не помешала тем не менее монахам монастыря Сен-Дени заняться здесь сельским хозяйством... С 1792 года древнее жилище Одона (перестроенное в XVII веке) стало собственностью богатого банкира Лекульто де Кантелло.

Это владение, в окрестностях которого гуляла будущая императрица, по странному стечению обстоятельств станет постоянным местом ее прогулок. Оно называлось Мальмезон.

Де Баррас прибыл в Париж к полудню, как всегда элегантный, спокойный и довольный собой. Не успел он спешиться, как к нему подбежал с тревожными новостями секретарь Конвента. Роялисты, надеявшиеся на реставрацию Бурбонов, за несколько дней склонили на свою сторону некоторые отряды Национальной гвардии.

На следующий день, 4 октября (12 вандемьера), обстановка ухудшилась. Члены Конвента с удивлением поняли, что монархисты теперь располагают армией в сорок тысяч человек, готовой двинуться на Тюильри. Испугавшись, они назначили де Барраса главнокомандующим армией внутренних сил. Он начал с того, что повесил генерала Мену, уличенного в пособничестве противнику. Затем сказал членам Конвента:

— Нет ничего проще, чем заменить Мену. У меня есть человек, который вам нужен. Это Бонапарт, офицер, который спас Тулон. Он сделает все, что будет нужно.

Комитет общественного спасения с энтузиазмом согласился. Следует заметить, что, может быть, Конвент не был бы столь единодушным в назначении нового командующего, если бы Фрерон, влюбленный в Полину Бонапарт, не горел желанием завоевать расположение ее брата. Де Баррас объяснил, что этот маленький корсиканский генерал находится в резерве с тех пор как отказался служить в рядах армии Вандеи.

Президент Комитета общественного спасения приказал призвать Бонапарта на действительную службу. Это было то, что требовалось де Баррасу. Он тотчас же послал за Бонапартом в отель "Голубой циферблат". Гвардеец, отправленный со срочным приказом, быстро добежал до грязных меблированных комнат, где обитал будущий император. Через полчаса он возвратился, не найдя там адресата.

Де Баррас в ярости отдал приказ обыскать все отели и кафе, которые обычно посещал его протеже. К девяти часам вечера были безуспешно обшарены двадцать пять гостиниц и семнадцать таверн. Где же Бонапарт? А он находился в это время у противника.

В течение пяти часов (об этом почему-то большинство историков умалчивает) он вел переговоры с восставшими.

Почти не имея средств к существованию, оставаясь незамеченным среди более удачливых генералов, довольствуясь скромным жалованьем офицера топографической службы армии, он решил предложить свои услуги врагам Конвента, надеясь получить щедрое вознаграждение.

Переговоры были острыми. Роялисты, считая Бонапарта продавшимся корыстолюбцем, предложили ему некоторую сумму. Оскорбившись за свои недооцененные достоинства, он начал говорить о необходимости увеличить вознаграждение и требовать себе высокой должности в случае победы.

Когда переговоры уже близились к завершению, стенные часы пробили шесть, и Бонапарт внезапно встал:

— Мы продолжим наши переговоры вечером, — сказал он. — Срочное дело требует моего присутствия в Париже. До скорой встречи.

Это "срочное дело", которое должно было решить его судьбу, было любовным свиданием. Послушаем барона де Буйе.

"Накануне 13 вандемьера, — писал он в своих мемуарах, — Бонапарт уехал от роялистов, которые уже считали его своим, и направился в Комическую оперу, театр Фейдо, чтобы встретить там некую Сюзанну, жившую на улице Сурдьер в гостинице, в которой молодой офицер часто проводил ночи, предаваясь с ней самым приятным из своих занятий".

Эта восемнадцатилетняя девушка, фамилии которой он не называет, зарабатывала на жизнь, рисуя портреты. Бонапарт познакомился с ней в театре, который часто посещал по приглашению актера Тальма. Далее барон добавляет: "Комната Сюзанны была такой тесной, что, являясь к ней с галантным визитом, Бонапарт ставил свою шпагу на стул, а треуголку клал на кувшин с водой". Молодая девушка оказывала ему и другие услуги. Она приводила в порядок его белье, штопала чулки, чистила шпагу, угощала сосисками с чечевичной похлебкой. Ее любовь была большой удачей для Бонапарта. Давая молодой художнице небольшую сумму денег на ведение хозяйства, он мог экономить свое скромное жалованье.

И в этот вечер 12 вандемьера счастливая звезда Наполеона явилась в образе скромной очаровательной блондинки, так как почти наверняка, если бы он перешел на сторону роялистов, члены Конвента были бы перебиты 13 вандемьера, на французский трон взошел бы Людовик XVIII, и Наполеон никогда не создал бы Империи.

Бонапарт нашел Сюзанну в театре Фейдо, где давали "Лодоиску" Керубини. Они вошли в зал рука об руку и с нетерпением ожидали исполнения популярных куплетов, которые распевал весь Париж. В антракте к ним в ложу вбежал запыхавшийся младший офицер:

— Баррас повсюду ищет вас, — сказал он Бонапарту. — Вас только что назначили главнокомандующим внутренней армии, и он хочет взять вас к себе помощником.

Затем он рассказал Наполеону о положении в армии и описал растерянность Конвента.

— Вы не должны терять ни минуты.

Бонапарт, подумав, решил, что это назначение и новая должность более выгодны, чем предложения роялистов. Он оставил Сюзанну в одиночестве наслаждаться музыкой Керубини и бросился в Конвент.

Де Баррас встретил его холодно.

— Где ты был?

— В театре.

— В театре? Когда Республика в опасности? Ты безумец!

Обидевшись, Бонапарт все же спросил, какой должностью он может довольствоваться в борьбе против мятежников.

— Все должности заняты офицерами, которые прибыли первыми. Ты будешь одним из моих адъютантов. — Сказав это, главнокомандующий отправился за новыми донесениями, из которых узнал, что роялисты собираются

атаковать сегодня в четыре часа утра. Он повернулся к Бонапарту, который следовал за ним, низко опустив голову.

— Ты видишь, что упустил момент и у меня есть основание ворчать на тебя за то, что ты не пришел раньше...

После этого он смягчился и дал понять своему протеже, что тот может рассчитывать на должность помощника главнокомандующего.

Тогда Бонапарт поручил молодому пылкому кавалерийскому офицеру — это был Мюрат — доставить в Тюильри пушки, которые стояли в военном лагере под Парижем и плохо охранялись. На рассвете 13 вандемьера благодаря этой дерзкой операции он смог противостоять мятежникам.

Ранним утром роялисты стянули свои войска к улицам Сент-Оноре и Конвента (теперь улица Сен-Рох). Но Бонапарт, в распоряжении которого было всего семь тысяч человек, превратил Тюильри в укрепленный лагерь. Роялисты начали атаку в пять часов вечера, лицом к лицу столкнувшись с тем, кто накануне предлагал им свою шпагу. Встреченные жестоким огнем на мосту Руайяль, а затем на марше к церкви Святого Роха, они вынуждены были бежать, оставив на мостовых около пятисот убитых.

Восстание было подавлено. 24 вандемьера (16 октября) благодарный Конвент назначил своего защитника дивизионным генералом, главнокомандующим внутренней армии.

На следующее утро Бонапарт проснулся национальным героем. Его стали чествовать, поздравлять и всюду приглашать. Перед ним, который еще вчера не знал, где позавтракать, открылись все салоны Парижа. Каждый хотел принять у себя героя дня, "генерала Вандемьера".

Де Баррас воспользовался внезапной популярностью Бонапарта, чтобы занять его женитьбой, которая должна была освободить его самого от мадам де Богарнэ. Он дал обед, на который были приглашены Камбасерес, Фрерон, Карно, Тальма, Бонапарт и его младший брат Люсьен, банкир Уврар, мадам Тальен и Мари-Роз.

Мари-Роз не узнала в Бонапарте "кота в сапогах", скромного невзрачного человека, которого она встретила когда-то в салоне Терезии. "Чудесный гриб, выросший за восемь дней", по словам Октава Обри, Бонапарт выглядел властным и непринужденным. Новая должность преобразила его. Сидевшая рядом с ним прекрасная креолка подробно расспрашивала его о Корсике, которую она, впрочем, путала с Сицилией. Ее наивные вопросы, милое сюсюканье очаровали молодого генерала, воодушевление которого подогревалось добрым вином де Барраса. Краешком глаза де Баррас наблюдал за ними. Первое знакомство показалось ему многообещающим. Предвкушая будущие наслаждения, он поцеловал в шейку прекрасную Терезию, зубки которой, сверкающие белизной, контрастировали с некрасивыми зубами Мари-Роз.

После обеда те же мысли, что не давали покоя де Баррасу с его знанием женской психологии, пришли в голову и Мари-Роз. Убедившись, что де Баррас теперь увлечен мадам Тальен, она подумала о том, что Бонапарт может быть ей полезен, и решила еще раз встретиться с ним.

Но как? Она искала повод и — о женская хитрость! — нашла его. Зная, что генерал только что отдал распоряжение о сдаче оружия населением, она послала к нему своего сына.

Прием оружия производил командир взвода. Он привел в штаб мальчика

тринадцати лет, который просил главнокомандующего вернуть ему шпагу его отца — бывшего генерала Республики. Этот мальчик оказался Евгением де Богарнэ, будущим вице-королем Италии. Наполеон, тронутый пылкостью и нежным возрастом мальчика, распорядился исполнить его просьбу. Увидев шпагу своего отца, Евгений заплакал. Генерал был растроган и проявил к нему столько доброты, что мадам де Богарнэ посчитала себя обязанной прийти на следующий день, чтобы поблагодарить генерала. Наполеон поспешил нанести ей ответный визит.

Этот эпизод подтверждается королевой Гортензией и принцем Евгением в их мемуарах.

Хитрость удалась, и через несколько дней Бонапарт, польщенный визитом мадам де Богарнэ, звонил в дверь гостиницы на улице Шантерен, где она стала жить после 10 вандемьера.

Принятый как друг, он был очарован этой элегантной женщиной, которая казалась ему богатой и влиятельной. Так, они оба считали, что совершили удачную сделку. Она думала, что нашла себе покровителя, а он размышлял о богатстве, которым должна обладать мадам де Богарнэ.

Первое свидание вселило надежду в Мари-Роз, которая чувствовала, что маленький генерал как бы раздевает ее своим смелым взглядом. Она рассчитывала на новый визит. Но Бонапарт, занятый своими обязанностями, заставил ее ждать. Она послала ему записку, в которой не позволяла ему пренебрегать ее желаниями.

"Вы не приезжаете больше к своей приятельнице, Вы ее совсем забыли. Вы очень неправы. А она так привязалась к Вам... Приезжайте завтра к завтраку. Мне необходимо видеть Вас и говорить с Вами по интересующему Вас делу. Всего доброго, мой друг. Обнимаю Вас.

Вдова де Богарнэ".

Получив это письмо, немного удивленный Бонапарт в тот же день ответил ей:

"Не могу понять, что послужило причиной таких упреков. Я прошу Вас думать, что никто так не желает Вашего расположения, как я, и никто, кроме меня, не готов сделать больше, чем я, чтобы доказать это. Если мои обязанности позволят мне, я сам доставлю Вам это письмо.

Бонапарт".

В этот же вечер он пришел на улицу Шантерен, и мадам де Богарнэ оставила его обедать. После обеда она увлекла его в свою комнату.

Не теряя ни секунды, он устремился к ней, опрокинул ее на кровать, срывая с нее одежду. После чего, моментально раздевшись, овладел ею с тем неистовством, с каким "пожарный бросается в бушующее пламя".

В два часа ночи Жозефина (скоро она будет носить это имя), уснула с легким сердцем.

На следующий день Бонапарт послал ей такую записку:

"Я проснулся, наполненный тобой. Твой образ и воспоминание о вчерашнем пленительном вечере не дают мне успокоиться. Нежная и несравненная Жозефина, какое странное влияние оказываете Вы на мое сердце. Сердитесь ли Вы, грустны или волнуетесь — моя душа разрывается от боли и нет покоя Вашему другу. Но в этом есть и мое спасение. Когда я погружаюсь в чувство,

владеющее мною, я черпаю от Ваших губ и из Вашего сердца то пламя, которое сжигает меня. В ожидании встречи с Вами я шлю Вам миллион поцелуев. Но не возвращайте их мне, они сжигают мне кровь"...

Некоторое время они встречались тайком, но как только Бонапарт занял пост главнокомандующего внутренней армией (гарнизона Парижа), он решил жениться на Жозефине. Но несмотря на всю любовь, которую он испытывал к молодой вдове, он все же хотел выслушать чужое мнение, прислушаться к доброму совету.

И — по лукавству судьбы — он обратился к де Баррасу. Увидев Бонапарта, вошедшего к нему с озабоченным видом, директор[2] понял, что его план реализуется в соответствии с задуманным. Не показывая виду, что он догадывается, в чем дело, де Баррас суровым тоном стал упрекать Бонапарта в том, что роскошные подарки Жозефине он делает на деньги внутренней армии:

— Создается впечатление, что ты принимаешь вдову де Богарнэ за одного из солдат 13 вандемьера, которому ты должен выделять содержание; ты бы лучше послал эти деньги своей семье, которая в них действительно нуждается, и, видимо, мне придется помочь им.

"Бонапарт покраснел, — писал де Баррас в своих "Мемуарах", — но не признался, что потратил деньги на дорогие подарки. И когда я пошутил насчет его расточительности, что боюсь последствий его чрезмерной страсти, он начал смеяться над собой:

— Я отнюдь не задариваю мою любовницу и не собираюсь соблазнять девственниц, но я из тех, кто предпочитает готовую любовь любви, которую еще надо подготавливать. Ну что ж! Что касается мадам де Богарнэ... Если мое отношение к ней очень серьезно и если подарки, в которых вы меня упрекаете, — это свадебные подарки, что вы скажете тогда, гражданин директор?"

Де Баррас с трудом сдержал желание расхохотаться. Но он изобразил глубокое раздумье и ответил:

— После всего сказанного я думаю, что мысль о женитьбе не так уж смешна.

— А кроме того, ведь мадам де Богарнэ богата, — вставил Бонапарт. (Роскошь молодой женщины ослепила маленького генерала. Он не знал, что Жозефина жила только в долг и что имения на Мартинике, владелицей которых он считал ее, на самом деле принадлежали ее матери).

— И раз уж ты советуешься со мной, — продолжал де Баррас, — я отвечу тебе твоими собственными словами: "Почему бы и нет?!" Ты холост, тебя ничто не связывает. Твой брат Жозеф показал тебе пример: он выбрался из нищеты с помощью приданого Клари[3]. Ты сказал, что твои деньги на исходе, так не теряй времени! Женись: женатый мужчина лучше устроен в обществе, у него больше пространства для действий и лучшая сопротивляемость врагам...

Это была та самая поддержка, которую искал Бонапарт. Он поблагодарил за совет и ушел со спокойным сердцем, оставив де Барраса предаваться своему ликованию.

А затем, как в настоящем водевиле, к директору должна была прийти за советом молодая вдова. Так и произошло. Вот как сам де Баррас описывает эту сцену:

"Через несколько дней мадам де Богарнэ пришла ко мне со своим признанием. Она заявила, что на эту новую связь пошла не по велению сердца. Из

всех мужчин, которых она могла бы полюбить, этот "кот в сапогах", конечно, не самый лучший, к тому же он из нищей семьи. Правда, у него есть брат, который недавно удачно женился в Марселе и обещал теперь помочь.

Мадам де Богарнэ призналась мне, что Бонапарт делал ей такие богатые подарки, что заставил ее подумать, будто располагает состоянием, о котором она не знает. Она сказала, что сама никогда не делала секрета из того, что находится в довольно стесненном материальном положении. Он же думает, что она весьма состоятельная особа, и она знает, что он связывает свои надежды с именем на Мартинике.

— Но мне бы хотелось, мой друг, — попросила она, — чтобы он не узнал того, что знаете вы. И так как я не люблю его, я просто должна вступить в эту сделку. Но я буду всегда любить только вас, знайте это. Мари-Роз всегда будет вашей, сделайте только знак. Но вы больше не любите меня, — сказала она, вдруг заливаясь слезами, которые, впрочем, всегда могла вызвать по своему желанию. — Я никогда не смогу утешиться. Если я была любима таким мужчиной, как вы, неужели я смогу найти другую привязанность?

— А Гош? — почти смеясь спросил я, — адъютант Гош, больше того, Ванакр и tutti quanti[4]. О, вы известная обольстительница!"

Мари-Роз стала любовницей Гоша в тюрьме Карм, куда она была заключена в 1793 году. После термидора она хотела заставить его развестись, чтобы стать его женой, но он отказался, заявив напрямик, что можно проводить время со шлюхой как с любовницей, но не как с законной женой. А затем добавил:

— Пусть она оставит меня в покое. Я отпускаю ее к Ванакру, моему конюху.

Ванакр (или Ван Акер), с которым Мари-Роз иногда предавалась удовольствиям, был охранником конюшни. Ему она подарила свой портрет в золотом медальоне. Неразборчивая, когда надо было уложить мужчину в постель, будущая императрица имела в любовниках адъютанта Гоша, садовника, охранника и даже негров.

Итак, после доверительного разговора с де Баррасом, окончившегося слезами, она ушла в сопровождении адъютанта, посланного де Баррасом проводить ее домой. Ее слезы быстро высохли, а лицо приняло обычное спокойное и кокетливое выражение.

"Мой адъютант сказал мне по возвращении, — повествует далее де Баррас, — что дама прибыла домой в добром здравии. По дороге она вздыхала несколько раз и сказала следующее:

— Почему сердце не зависит от нас? Почему я должна любить такого человека, как де Баррас? Что сделать, чтобы разлюбить его? Передайте ему, я умоляю вас, что я приношу себя в жертву, но я всегда буду любить только его, что бы ни произошло со мной в жизни".

Такие слова, конечно, льстили директору. Он поздравил себя с тем, что вовремя толкнул надоевшую любовницу в объятия Бонапарта.

Приехав на улицу Шантерен, Жозефина обнаружила там своего "жениха" и изложила ему свою версию беседы с де Баррасом:

— Это невозможный человек. Он хотел меня изнасиловать. Когда-то он ухаживал за мной, но сейчас я должна была постоять за себя. Я боролась с ним, но он повалил меня на ковер, и я потеряла сознание.

Бонапарт впал в ярость и заявил, что потребует объяснения у де Барраса за оскорбление чести его будущей супруги. Жестом, вдохновившим его с полотна художника барона Гро, он выхватил шпагу. Испуганная креолка схватила его за руку и, успокаивая, сказала:

— Послушай, конечно, у де Барраса грубые манеры, но он добрый и услужливый человек. Он верен в дружбе и можно быть уверенным, что он не покинет в беде. Будем же принимать людей такими, какие они есть. Ведь де Баррас в его положении может быть нам полезен. Надо помнить об этом.

Эта маленькая тирада успокоила Бонапарта. Привыкнув выходить из самых сложных ситуаций, он, улыбаясь, произнес фразу, которую любят цитировать многие историки:

— О! Если он захочет сделать меня командующим итальянской армией, я прощу ему все. Я буду самым благодарным из людей. Я буду достоин этого назначения, и мы свершим много славных дел. Я уверяю, что скоро мы будем купаться в золоте.

Ничто не могло больше прельстить Жозефину.

— Ты будешь командующим, — пообещала она. Бонапарт знал, как надо благодарить. Он взял креолку на руки, отнес ее в постель, раздел и постарался испытанным способом быть приятным ей.

С этого времени, по словам Роже де Парнеса, "Бонапарт поставил невесту на службу своему честолюбию".

Каждый день он посылал Жозефину к де Баррасу ходатайствовать о месте главнокомандующего итальянской армии, не обращая внимания на то, что еще, может быть, связывало директора и виконтессу. Такое отсутствие предрассудков удивляло многих, в том числе и самого де Барраса.

"Оправдываю ли я его? Да, я его оправдываю, так как пишу свои "Мемуары" без подзаголовка "Исповедь". Как француз, воспитанный на определенных принципах рыцарства, я не мог не сохранить некоторого уважения к прежней связи с мадам де Богарнэ. Я не слишком гордый человек, другие сказали бы — скромный, и это проявлялось в моих отношениях с Жозефиной.

Однако в наших отношениях с Бонапартом мы абсолютно пренебрегали теми нормами, которые существуют в общении обычных мужчин. Ему все было безразлично, он стоял над нормами морали, и в этом было его превосходство.

Таким образом, когда Бонапарт готовился к союзу с мадам де Богарнэ, он сам привел за руку в Директорию свою будущую жену, хотя и не знал, прекратились ли наши отношения с ней. Она уже устраивала его дела, а теперь участвовала и в его продвижении по службе.

И так как он всегда находил, о чем меня попросить, но не хотел сам быть просителем, он присылал ее. Мадам де Богарнэ несколько раз, желая поговорить со мной без свидетелей, без церемоний просила меня остаться с ней в кабинете наедине. А Бонапарт оставался ждать в приемной, беседуя с кем-нибудь из персонала.

Однажды мадам де Богарнэ попросила об аудиенции, и наша встреча продолжилась дольше, чем я предполагал. Она изливала мне признания в нежных чувствах, которые всегда питала ко мне и с которыми не в силах совладать, когда мы с ней вдвоем. Сжимая меня в объятиях, она упрекала меня в том, что я больше не люблю ее, повторяя, что она меня любит больше всего на свете и не может отказаться от меня прежде, чем станет женой "маленького генера-

ла".

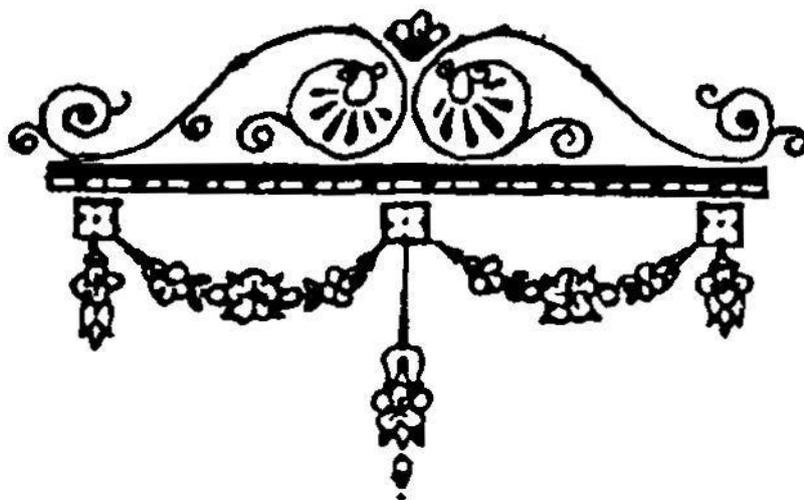
Я вышел из моего кабинета вместе с мадам де Богарнэ в некотором смятении".

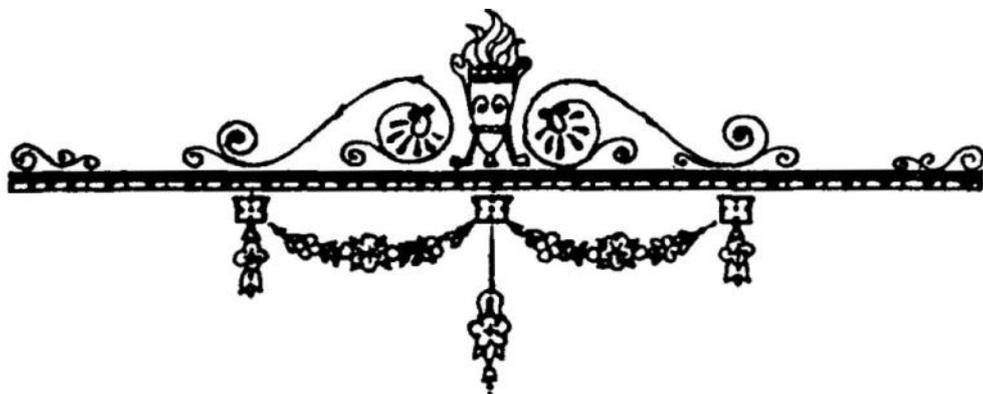
* * *

Издатель мемуаров де Барраса, Жорж Дюрюи, говорил, что грубость и непристойность выражений в данном отрывке были таковы, что, предоставив автору возможность свободно выразить свои мысли, он должен был из уважения к читателю вычеркнуть некоторые строки.

Через несколько дней де Баррас, довольный, что дешево отделался от "этой истерички", назначил "маленького генерала" главнокомандующим итальянской армией[5].

Жозефина, добившись того, чего хотела, объявила, что собирается выйти замуж за Буонапарте, имя которого парижане произносили неправильно и который, она это уже хорошо знала, обладал бешеным темпераментом.

Беспокойная свадебная ночь Бонапарта

Адам и Ева были счастливы в земном раю, когда пришел зверь.
Массилон

9 марта 1796 года около восьми часов вечера шесть человек дрожали от холода в зале мэрии второго округа на улице д'Антен.

Возле камина сидели Жозефина, юрист Кальмеле, Маруа — адъютант Бонапарта, де Баррас, Тальен и офицер гражданской службы Коллин-Лакомб. На улице дождь лил как из ведра.

— Я надеюсь, что он не забыл, — прошептала Жозефина.

— У него много работы, — сказал де Баррас, — он готовится к отъезду в Италию. Там прямо на месте придется решать множество проблем.

Жозефина не ответила, и было слышно только потрескивание дров в камине. О чем думала она тогда, устремив взгляд на пламя? Может быть, о старой караибке из Форт-де-Франс, которая сказала ей, семилетней: "Ты выйдешь замуж за сверхчеловека и правительницей взойдешь на трон"...

Известно, что Жозефина верила в предсказания и предчувствия. И, может быть, поэтому она была немного грустна. Маленький невзрачный генерал, с которым она в этот вечер должна была связать свою судьбу, не имел ничего общего ни со сверхчеловеком, ни с будущим королем. И тем не менее она верила этому предсказанию, и это давало ей силы стойко переносить заточение в тюрьмах Революции.

К девяти часам офицер гражданской службы уснул, а свидетели, которые не могли больше смотреть на бедную невесту, ходили из угла в угол по залу. Наконец к десяти часам на лестнице раздались легкие шаги, дверь с грохотом распахнулась, и вбежал Бонапарт. Он бросился к Коллин-Лакомбу.

— Быстрее, быстрее, господин мэр, пожените нас!

Офицер гражданской службы, с еще слипающимися глазами, открыл свой реестр, и все выслушали, как он без запинки зачитал акт о бракосочетании, содержащий несколько забавных и не совсем правдивых сведений: Бонапарт из вежливости стал старше Жозефины на год, а она из кокетства помолодела на сорок восемь месяцев. Этот любопытный документ был вполне подходящим молодому человеку, который должен был назвать своим именем гражданский кодекс.

После зачитывания текста, наполненного фактическими измышлениями, были произнесены ритуальные фразы, скрепленные подписями, после чего все вышли из мэрии.

— Спасибо за беспокойство, — сказал Бонапарт изумленным свидетелям. —

До завтра. Доброй ночи.

Затем он посадил Жозефину в карету, которая быстро покатила на улицу Шантерен.

Эта женитьба для "маленького генерала" была хорошей сделкой. Женившись на вдове де Богарнэ, он вошел в общество "бывших", роскошь и элегантность которого его всегда привлекали, "офранцузился"[6] и стал владельцем прелестного отеля, окруженного садом. Состояния Жозефины, так манившего его, правда, не существовало, но зато креолка принесла ему в приданое командование итальянской армией.

Генерал Бертран говорил, что Наполеон как-то признался ему, что женился на Жозефине только из-за ее состояния. Она о нем говорила, но у нее не было ничего.

Ложась в постель, Бонапарт заметил, что Фортюнэ, мопс Жозефины, спит на покрывале. Он хотел прогнать его, но Жозефина запротестовала:

— Не тревожь собачку! Взгляни, как она смотрит на тебя. Нужно не иметь сердца, чтобы прогнать ее.

Но генерал любил, чтобы все было на своих местах: мужчины на войне, любовницы в постели, а собаки — в конуре. У него появилось сильное желание вышвырнуть мопса в окно, но он тут же подумал, что это будет плохим прологом к брачной ночи, и предпочел, ничего не говоря, скользнуть под одеяло.

Но как только Бонапарт обнял гибкое и теплое тело Жозефины, "мысли о капризном псе (как прелестно писал об этом М. де Равин) сменились мыслями о пушистом сурке, который жил между нежных и шелковистых бедер будущей императрицы".

После нескольких ласковых движений, определяющих его намерения, Бонапарт бросился на Жозефину в таком пылком исступлении, что это напугало собаку. Фортюнэ не мог потерпеть, чтобы кто-то грубо обращался с его хозяйкой, и начал яростно лаять. Наполеон, продолжая начатое, попытался успокоить животное ласковыми словами. Он сравнил его поочередно с золотым барашком, с розовым кроликом и с ангелочком. Но в результате все закончилось сильным пинком в собачий живот.

Собака с жалобным визгом упала на ковер, а супруги вновь предались сладостным действиям. Но вдруг Наполеон громко вскрикнул, и Жозефина, счастливая, подумала, что ее муж достиг высшей точки экстаза. Но она ошиблась. Этот крик на самом деле был вызван тем, что Фортюнэ удалось, взобравшись на постель, пролезть под одеяло и вонзить свои зубы в левую икру будущего победителя битвы при Аустерлице. После этого семейная пара уже не могла продолжать свои занятия. Генерала больше не тянуло к удовольствию.

"До самого утра, — продолжает М. де Равин, — взволнованная Жозефина должна была накладывать компрессы из настойки липового цвета на рану своего инвалида, который, корчась на постели, со стоном говорил, что умрет от бешенства."

Так, в несколько водевильном стиле, закончилась брачная ночь самого великого человека всех времен.

Впоследствии Наполеон рассказал об этом случае Луи-Винсенту Арно, который описал его в своей книге "Воспоминания шестидесятилетнего":

"Вот видите, — сказал Бонапарт, показывая на резвящегося песика, — это мой соперник. Мадам уже принадлежала ему, когда я на ней женился. Я хотел избавиться от него — напрасная попытка. Мне заявили, что тогда я могу спать в другой комнате. Я был несколько раздосадован таким ультиматумом — мне предстояло его принять или отвергнуть. И я уступил. Фаворит оказался менее покладистым — доказательство этого я ношу на своей ноге".

На следующий день в газете "Политический бюллетень Парижа" была помещена заметка об этом бракосочетании, выдержанная в недостаточно почтительном тоне:

"Генерал Буона-Парте, известный в Европе своими многочисленными подвигами (говорят, что прежде чем стать генералом, он был клерком у судебного исполнителя в Бастилии), перед тем как поступить в армию, чтобы пожинать лавры Марса, собирал миртовые ветки Амура. Теперь, говоря простым языком, он собрался жениться.

Амур и Гименей собрались вместе, чтобы короновать молодого героя. Он женился на мадам де Богарнэ, молодой вдове сорока двух лет, которая была бы совсем недурна, останься у нее хоть один зуб, чтобы украсить самый красивый рот в мире. Церемония бракосочетания была чрезвычайно веселой. Свидетелями были Баррас, Тальен и его прекрасная Кабаррус. Господа Баррас и Тальен были необычайно любезны. Они не могли смотреть на генерала Буона-Парте без смеха, как если бы они только что облегчили сердце и очистили свою совесть".

Через два дня, 11 марта, Бонапарт покинул Париж, чтобы принять командование в Ницце. В Шансо ему принесли конверт. Это было письмо из Марсея, от Дезирэ Клари, которой он дал слово несколько месяцев назад.

Чувствуя себя не в своей тарелке, он читал слова, которые отпечатывались в его памяти и вызывали угрызения совести, от которых он должен был навсегда избавиться:

"Вы сделали меня несчастной на весь остаток моей жизни, но я имею слабость простить Вас.

Вы женаты — и значит бедной Эжени (этим именем ее называл Наполеон. — *Авт.*) не разрешено любить Вас, думать о Вас. А Вы говорили, что любите меня... Нет, я не могу привыкнуть к этой мысли! Она меня убивает! Я заставлю Вас видеть, что я верна моим обязательствам и несмотря на то что Вы разорвали нашу связь, я никогда не смогу быть с другим, не смогу выйти замуж. Я хочу, чтобы Вы взяли у Вашего брата мой портрет. Я понимаю, что мой образ безразличен Вам, особенно теперь, когда у Вас есть жена, которая дорога Вам. Сравнение, которое Вы сделаете, будет, наверняка, не в мою пользу. Ваша жена превосходит во всем бедную Эжени, кроме, конечно, привязанности к Вам.

После целого года разлуки я надеялась, наконец, прикоснуться к счастью! Я надеялась скоро увидеть Вас и стать самой счастливой женщиной на свете, выйдя за Вас замуж.

А теперь единственное утешение, оставшееся мне, — это заставить Вас знать о моей верности. После этого я буду желать себе только смерти. Жизнь для меня превратится в ужасную муку, если я не смогу отдать ее Вам.

Я желаю Вам всевозможного счастья и процветания в Вашей совместной жизни. Я хочу, чтобы женщина, которую Вы выбрали в жены, дала Вам столь-

ко счастья, сколько могла бы дать я, счастья, которого Вы заслуживаете.

Но среди Ваших счастливых дней помните хотя бы немного Вашу Эжени и оплакивайте ее участь.

Эжени."

Бонапарт, задумчиво сложив письмо, положил его в карман. С этой поры угрызения совести неотступно преследовали его. Они не покинули его и на острове Святой Елены даже после того, как он передал значительное состояние бедной девушке из Марселя, ставшей королевой Швеции.

Во время путешествия к Средиземному морю любовь Бонапарта к жене перешла в неистовую страсть. В каждом месте своего пребывания он показывал ее портрет офицерам, встречавшим его, спрашивая: "Не правда ли, как она прекрасна?"

Несколько раз в день он писал ей письма, которые немедленно доставлялись с нарочным на улицу Шантерен. Вот одно из них.

"Каждое мгновение я удаляюсь от тебя и каждое мгновение я нахожу все меньше сил пережить разлуку. Ты — постоянно у меня в мыслях. Моего воображения уже не хватает, чтобы представить, как ты там. Если я вижу тебя грустной, мое сердце разрывается от боли; если ты весела и игрива со своими друзьями, я упрекаю тебя, что ты так скоро забыла, как тяжело нам было расставаться три дня назад, что ты просто легкомысленна и не способна на глубокое чувство. Как видишь, мне нелегко угодить. Пиши мне, моя нежная подруга навсегда. И прими от меня тысячу и один поцелуй самой нежной и самой настоящей любви"...

Вскоре тон писем изменился. Мучимый любовью, желанием и ревностью, Бонапарт стал писать письма в страстно-романтическом стиле. В одном из них, написанном в Ницце, он с полной серьезностью говорил о том, что готов зубами искромсать свое сердце. Эта экзальтированность так мало совместима с его достоинствами главнокомандующего. Послушаем его:

"Не проходит ни дня, чтобы я не любил тебя, нет ни одной ночи, когда бы я не сжимал тебя в своих объятиях. Я не могу выпить спокойно ни одной чашки чая, не проклиная славу и честолюбие, которые удерживают меня вдали от души моей жизни.

Во всех моих делах, в суеете полевой жизни, в военных лагерях ты, моя обожаемая Жозефина, одна в моем сердце, одна занимаешь мой разум, поглощаешь все мои мысли.

И если я удаляюсь от тебя со скоростью течения Роны, то только затем, чтобы побыстрее увидеть тебя. И если я встаю среди ночи, чтобы приняться за работу, то только затем, чтобы на несколько дней приблизить приезд моей нежной подруги.

И между тем в письме от 23–26 вантоза (13–16 марта 1796 года. — *Авт.*) ты обращаешься ко мне на ВЫ! О! Несчастливая, как смогла ты написать такое письмо! Как ты холодна! И потом, между 23 и 26 вантоза — целых четыре дня, что ты делала, когда не писала своему мужу?

О! Мой друг, это ВЫ и эти четыре дня заставляют меня сожалеть о моем олимпийском спокойствии. Несчастье тому, кто повинен в том, что отвлек тебя! Пусть же он испытает те муки, которые заставил испытывать меня. В аду нет таких мук! Ни фурии, ни змеи не могут причинить подобных. ВЫ! ВЫ! Что

же будет через две недели?!

Моя душа в печали, мое сердце в рабстве, мое воображение пугает меня. Ты стала меньше любить меня. И однажды ты совсем разлюбишь меня. Скажи мне об этом. По крайней мере, я узнаю от тебя, чем заслужил такое несчастье...

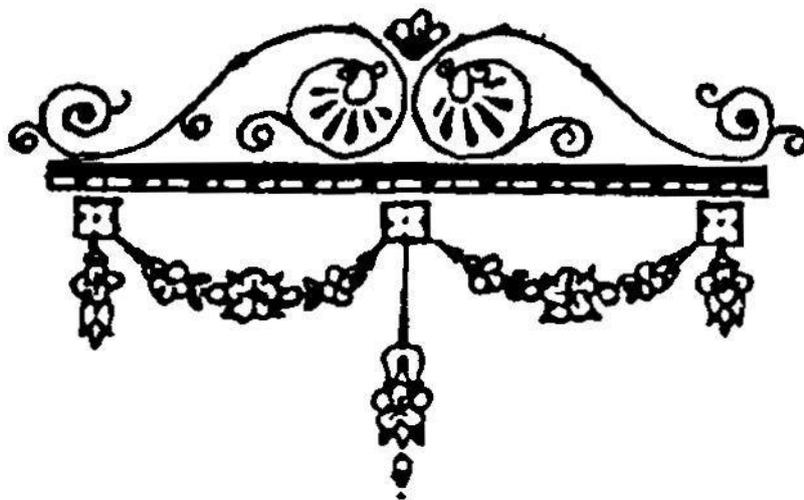
Прощай, жена моя, мучение мое, счастье, надежда и душа моей жизни, которую я люблю и боюсь, которая внушает мне нежные чувства, зовущие к природе и к таким вулканическим страстям, к таким бурям... Тот день, когда ты скажешь: "Я люблю тебя меньше", — будет последним днем моей любви и моей жизни. Если мое сердце перестанет любить безоглядно, я искромсаю его своими зубами.

Жозефина! Жозефина! Неужели ты перестала любить меня?.." Окончания писем свидетельствуют о навязчивой идее:

"...Я целую твои груди и все, что ниже, еще ниже", — писал Бонапарт. Или еще: "Я целую тебя всю, всю!" Или даже: "Я целую твой маленький черненький лесочек..."

Все это было одновременно и провинциально, и пикантно. Получая такие взбудораженные послания, Жозефина смеялась: "Это какой-то бред!"

И в то время как Бонапарт, возбужденный воспоминаниями обо всем, что он проделывал в постели со своей женой, возвращался в свою походную постель, креолка дарила свое шелковистое тело приятным молодым людям, которые галантно просили ее об этом.

Бонапарт в честь Жозефины покрывает себя славой

Мужчина, который позволяет своей жене управлять собой, — это не мужчина и не женщина — это ничто...
Наполеон

В начале апреля 1796 года Наполеон, объединив отряды полуразвалившейся Армии Директории, вошел в Италию и стал готовиться к боям против Австрии. Австрийская армия, руководимая генералом Больё, поддерживалась пьемонтскими частями короля Сардинии. В намерения генерала Больё входило: перейти через Апеннины, опрокинуть "босяков" с трехцветными кокардами и пройти безостановочным маршем до Лиона. Противопоставить хитрому маневру шестидесятитысячной армии, хорошо экипированной и закаленной в боях, Наполеон мог только тридцать восемь тысяч полуголодных солдат, одетых в лохмотья. Он воодушевлял их обещанием добычи:

— Солдаты! Вы голы, несыты, мы задолжали вам, но пока ничего не можем дать. Ваша выдержка и храбрость, которую вы проявляете, восхищают, но не добавляют вам никакой славы. Я поведу вас в самые плодородные долины мира. Богатые провинции и большие города будут в вашей власти, и вы получите богатство, счастье, славу!

Солдаты радостно приветствовали его:

— Вот это командир! — говорили они. — Этот знает, чего хочет!

Однако этот молодой генерал, который вскоре создаст самую необыкновенную армию всех времен и народов, был охвачен только одной мыслью: о своей жене.

Его все время видели спешащим то к пню дерева, то к барабану, то к плоскому камню, на которых было удобно писать страстные письма, срочно отправлявшиеся эстафетой в Париж. Вечерами на бивуаках солдаты охраняли его покой, полагая, что он разрабатывает план предстоящего сражения. Они были бы очень удивлены, узнав, что их главнокомандующий думает в этот момент о сладострастном теле Жозефины. И они меньше бы переживали, видя нахмуренные брови Бонапарта, если бы могли догадаться, что его гнев вызван не подготовкой к кровавой битве, а письмом, полным ревности.

Когда он представлял себе, что жизнь Жозефины в столице проходит в окружении друзей, ухажеров и удачливых прощелыг, то испытывал настоящие муки. Он писал 7 апреля из Альбенги:

"Я получил письмо, которое ты прервала, чтобы пойти развлекаться. И по-

сле этого ты позволяешь себе ревнивый тон по отношению ко мне, который здесь так изнурен делами и усталостью.

Может быть, я неправ, но весной у тебя была очень хорошая компания, и, без сомнения, нашелся девятнадцатилетний любовник".

Этого "девятнадцатилетнего любовника" Бонапарт, конечно, выдумал, не представляя себе, насколько реальная жизнь опережает его воображение.

Ибо Жозефина продолжала развлекаться, как и прежде, и принимать у себя каждую ночь крепких молодых людей, как того требовал ее темперамент.

Торопясь поскорее закончить войну, чтобы опять увидеть свою жену, Бонапарт бросился на австрийцев с таким неистовством, что это их ошеломило. За пятнадцать дней он одержал шесть побед, взял в боях двадцать одно вражеское знамя, похитил сто картин из коллекции папы, двадцать — из коллекции герцога Пармского, тридцать — у герцога Модены, захватил пятьдесят миллионов, разграбил библиотеки, опустошил музеи — и подписал перемирие с Пьемонтом.

Гордый собой, он желал показать всю свою мощь Жозефине. В настойчивых письмах он умолял ее приехать в Италию.

Но молодой креолке совсем не хотелось менять удовольствия в Париже, где она была обожаема и всеми обласкана, на дискомфорт полей сражений. Более того, ее последний основной любовник Ипполит Шарль, красивый гусарский лейтенант, доставлял ей столько наслаждений, что она не хотела и думать, чтобы оставить его.

Неделями Бонапарт уговаривал ее приехать к нему. Всевозможные незначительные предлоги, под которыми она откладывала свой отъезд, делали его мрачным и беспокойным.

Послушайте, что писал в своих мемуарах генерал Мармон:

"Бонапарт все время думал о своей жене. Он желал ее и с нетерпением ждал ее приезда. Он часто говорил мне о ней и о своей любви со страстью и иллюзиями молодого человека. И то, что она все время откладывала свой приезд, он тяжело переживал. Это вызывало в нем новые приступы ревности и суеверий, которые были свойственны его натуре.

Однажды разбилось стекло на портрете Жозефины, который он всегда носил с собой; он ужасно побледнел:

— Моя жена или очень больна или неверна мне".

Но было известно, что чувствовала она себя хорошо...

В конце мая Бонапарт послал в Париж Мюрата со срочным посланием Жозефине. Результат был не таким, какого ожидал генерал: Жозефина стала любовницей Мюрата...

Однажды Мюрат довольно неожиданным образом раскрыл это событие. Как-то раз после завтрака он предложил приглашенным сделать пунш.

— Вы никогда не пробовали ничего подобного, — обратился он к гостям. — Я научился этому рецепту у одной дамы.

Мюрат принес сосуд из позолоченного серебра для сока из лимонов и апельсинов. Сосуд был очень красив.

— Это она подарила мне, — сказал Мюрат и начал рассказывать о прекрасной креолке некоторые пикантные подробности. Один из приглашенных взял сосуд, стал рассматривать его и, заметив на ручке букву "Б", попытался прочесть слово: "Ба... бо... бона..." Сильно смутившись, Мюрат заставил его замол-

чать. Но эту историю тут же начали повторять во всех салонах.

Именно тогда, чтобы остаться в Париже, Жозефина стала уверять, что ждет ребенка. Мюрату было поручено известить об этом Бонапарта, который, обезумев от радости, взволнованный и смущенный, сразу же бросился к перу и бумаге:

"Неужели правда, что ты в положении?! Мюрат написал мне, что это повлияло на твое здоровье, и он считает неосторожным в данное время предпринимать длительное путешествие.

Я буду еще несколько месяцев вдали от всего того, что я люблю. Это ужасно, что я не буду иметь счастья видеть тебя с твоим маленьким животиком, который должен сделать тебя очень интересной.

Ты написала, что очень изменилась. Твое письмо, короткое и грустное, написано будто дрожащей рукой. Что с тобой, моя милая?!

Может быть, ты ревнуешь, но я уверяю, что для этого у тебя нет никакого повода. Чем думать о том, что ты грустишь, я бы сам подыскал тебе любовника"...

Бедный! Жозефина совсем не нуждалась в добрых услугах своего мужа.

В конце июня, устав от ожидания, надежд и отчаяния, Бонапарт послал Жозефине письмо, полное горечи:

"Моя жизнь — сплошной кошмар. Мрачные предчувствия мешают мне дышать... Ты больна, ты меня любишь, я тебя огорчаю, ты полнеешь, я тебя не вижу... Все эти мысли путаются у меня в голове... Я упрекал тебя за то, что ты остаешься в Париже, а ты, оказывается, болела. Любовь, которую ты внушила мне, лишила меня разума, вряд ли я снова обрету его, никто не сможет излечить меня, только ты.

Мои предчувствия настолько тягостны, что я хочу поскорей увидеть тебя и умереть вместе с тобой... Что касается меня, то нет мне ни утешения, ни малейшей надежды, ни покоя до тех пор, пока я не получу от тебя длинного письма с объяснением причин твоей болезни.

Жозефина! Как ты можешь столько времени не писать мне? Твое последнее письмо было от третьего числа этого месяца. Я его все время ношу в кармане. Твой портрет и твои письма все время перед моими глазами. Я ничто без тебя. Я едва могу понять, как я существовал, когда не знал тебя. Ах, Жозефина, если бы у тебя было мое сердце, смогла бы ты остаться и не приехать сюда, как это делаешь ты? Или тебя удерживают твои друзья? Я подозреваю всех. Я все же рассчитываю, что между 5 и 15 ты приедешь в Милан.

Все мои мысли сосредоточены на твоём алькове, твоей постели и твоём сердце. Ты знаешь, я не могу представить тебя с любовником, это разрывает мое сердце...

Тысяча поцелуев в твои глазки, губки, язычок и твою... Вспоминаешь ли ты тот самый первый раз, когда я снял с тебя туфли и одежду? Почему Природа так все устроила?"

Эти страстные письма, которые относятся к самым удивительным в любовной литературе, не производили на Жозефину того впечатления, которого заслуживали.

Антуан-Винсент Арно, который находился на улице Шантерен в тот день, когда Мюрат рассчитывал застать Жозефину одну, оставил нам следующее свидетельство в "Воспоминаниях шестидесятилетнего":

"Это письмо, которое она мне показала, — а также и другие, которые Бонапарт написал ей со времени своего отъезда, носило отпечаток самой безумной страсти. Жозефина потешалась над этими письмами, продиктованными ревностью. Она читала мне отрывки, принижая те мысли, которые так мучили его: "Если это правда, то... бойся кинжала Отелло!" Я вспоминаю, как она произносила с милым акцентом: "Как он забавен, этот Бонапарт!"

Любовь, которую она внушила этому необыкновенному человеку, затрагивала ее гораздо меньше, чем его. Ей льстило, что ее он любит почти так же, как свою славу! Она наслаждалась этой славой, которая возрастала день ото дня, но только здесь, в Париже, где она слышала радостные приветствия и поздравления в связи с каждым новым известием из итальянской армии.

И она очень расстроилась, когда поняла, что больше нет возможности откладывать отъезд".

Тогда она выдвинула условие. Она потребовала, чтобы ее любовник Ипполит Шарль тоже совершил это путешествие... На что Карно, который уже начал опасаться за честь генерала Бонапарта, согласился с готовностью.

Но Жозефина оставалась в Париже еще пятнадцать дней. Балы, обеды, легкомысленные вечеринки, на которые она часто получала приглашения, так увлекали ее, что каждое утро она, смеясь, объявляла своему окружению: "Решительно, мы поедем завтра".

Надо сказать, что в 1796 году парижская жизнь напоминала бесконечный праздник, на котором были разрешены самые невероятные сумасбродства.

Щеголи, одетые, как Полишинели, в смешные рединготы, взбивали волосы в стиле "собачьи уши" и выходили из дома, вооруженные модными узловатыми тростями.

Балы времен Директории были весьма своеобразными. Женщины приходили на них с обнаженной спиной, охотно позволяя вольность в поведении. Свидетель этих балов Роже де Парнес в своей книге "Директория. Записки Щеголя" писал:

"Кто бы мог подумать, глядя на эти балы, что война у наших границ на берегах Рейна, Сабры, в Мезе, в горах и на море, что европейский заговор угрожает Франции, Республике, Конституции, Парижу, балам и даже всем танцующим на них"...

На балах иногда появлялись модницы в экстравагантных костюмах. Послушаем еще Роже де Парнеса:

"Что произошло? Кто эта женщина, чье появление вызвало такой ропот? Подойдем поближе... Вокруг нее теснится толпа. Она голая? Не может быть! Подойдем еще ближе. Это достойно описания.

Я вижу на ней легкие панталоны, похожие на знаменитые кожаные трико графа д'Артуа, которого поднимали четыре лакея и затем опускали прямо в штанины, чтобы избежать при одевании образования хотя бы единой складки. При раздевании его таким же образом поднимали вверх. Панталоны этой женщины были из шелка, но превосходили знаменитые штаны графа д'Артуа своим совершенным обтягиванием и были украшены браслетами; камзол был искусно вырезан и под легкой газовой накидкой трепетали "сосуды материнства". Рубашка из тонкого батиста позволяла видеть ноги и бедра, перехваченные золотыми обручами с бриллиантами.

Шумная толпа молодых людей окружила ее с радостными возгласами. Мо-

лодая бесстыдница, казалось, ничего не слышит, поглощенная своей смелой выходкой. У модницы осталось еще немного стыда или чего-то другого, чтобы не сбросить последнюю прозрачную вуаль. Панталоны телесного цвета, плотно обтягивающие тело, будоражат воображение и позволяют видеть только красоту форм."

В этой возбуждающей страсть атмосфере танцующие женщины прямо приклеивались к своим кавалерам, а потом какая-нибудь милосердная душа гасила все свечи. Тогда щеголи и модницы укладывались прямо на пол, сразу же забывая плавность ригодона, и отдавались ритму самого старого в мире танца...

Понятно, что Жозефина предпочитала удовольствия такой жизни путешествию на поля сражений. В середине июля она была все еще в Париже. Тогда Наполеон, сгорая в огне своих чувств, объявил, что он оставляет итальянскую армию, чтобы обнять свою жену. Узнав об этом, военный министр Карно испугался. Он поручил Баррасу уговорить Жозефину.

Директор отправился на улицу Шантерен, где нашел свою бывшую любовницу в постели с Ипполитом Шарлем.

— Постановлением Директории приказано срочно выдать вам паспорт для поездки в Италию, — сказал он. — Вы выезжаете завтра.

Жозефина разрыдалась.

— Вы знаете Бонапарта. Он будет задавать мне тысячу вопросов о причинах моей задержки. Его гнев будет ужасен... Особенно когда он узнает, что я не беременна, как я ему сообщила. Что я скажу ему? Не могли бы вы предоставить мне бумагу, удостоверяющую, что именно вы препятствовали моему отъезду?

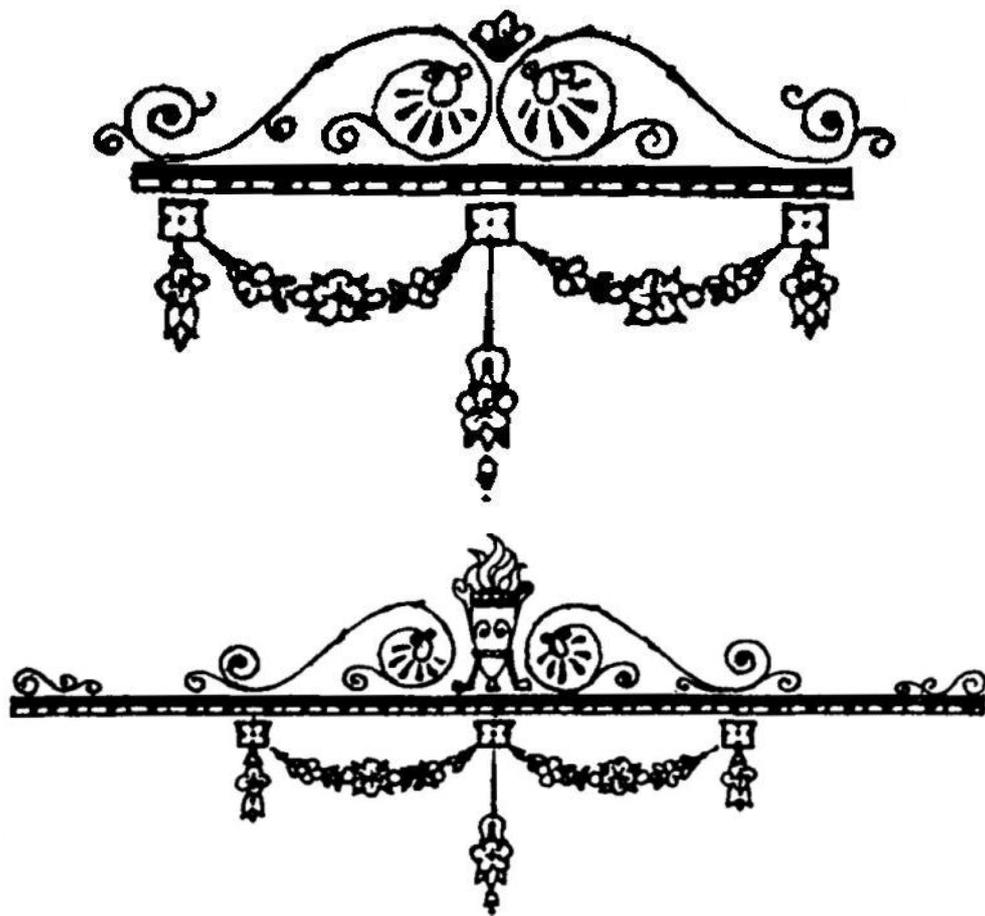
Баррас согласился, и в тот же вечер ей доставили необычный документ, который должен был рассеять все подозрения Бонапарта.

"Директория, возражавшая против отъезда гражданки Бонапарт из опасения, что внимание, которое должен будет уделять ей ее муж, отвлечет его от дел во славу и спасение Родины, согласилась на ее отъезд только после взятия Милана. Теперь у нас нет возражений по поводу отъезда Вашей жены. Но мы надеемся, что миртовая корона, которой она увенчана, не умалит чести лавров, которыми Вас короновала Ваша победа".

Итак, прикрывшись официальной бумагой, Жозефина могла без опасения ехать на встречу с тем, кого эмигранты стали называть "генерал-рогоносец".

26 июня после обеда с Баррасом в Люксембургском дворце Жозефина села в экипаж, чтобы отправиться к своему мужу, плача, "как, если бы она ехала на казнь". Вместе с нею в экипаже находились Жозеф Бонапарт, Жюно, красивая горничная Луиза Компуэн и, конечно, Ипполит Шарль. С самого первого вечера эта экспедиция была похожа на свадебное путешествие Жозефины и ее любовника. Не обращая внимания на присутствие брата Наполеона, на каждой стоянке они спешили в приготовленную для них комнату и с неистовством предавались удовольствиям. В другой комнате то же самое проделывали генерал Жюно с Луизой Компуэн.

А в это время в Милане Бонапарт мужественно отвергал красивых итальянок, желавших обольстить его. Из-за любви к Жозефине он отказался даже стать любовником Грассини, знаменитой певицы, которая хотела предложить ему свою любовь.

Бонапарт хочет застрелить любовника Жозефины

Бывают выстрелы в сердце, которые не попадают в цель...
Народная мудрость

Вечером 9 июля три белые от пыли кареты остановились у ступеней дворца Сербеллони в Милане. Десять тысяч человек, собравшихся перед роскошной резиденцией президента заальпийской республики, чтобы увидеть генерала Бонапарта, кричали так, что, по выражению одного из свидетелей, "дрожал мрамор".

Сидя в глубине кареты, зеленая от страха Жозефина сжимала руку Ипполита.

— Что они хотят от меня? — взволнованно прошептала она.

Жюно удивленно посмотрел на нее:

— Толпа приветствует вас, мадам.

Этой фразой он хотел дать ей понять, что за последние три месяца произошли невероятные перемены. В марте став женой маленького генерала без больших надежд на будущее, она в июле должна была увидеть себя почти государыней.

Но Жозефина обладала ограниченным умом. Привыкшая к мелким радостям и сиюминутным удовольствиям, она находила приятным, что ее встречают с таким энтузиазмом и уважением, но не сделала из этого правильного вывода. Улыбаясь смущенному Ипполиту, который в какой-то степени относил и к себе эту честь, она приветствовала толпу, помахивая рукой: "Как они милы!".

Дверца открылась, и Жозефина вышла из кареты, стараясь двигаться цар-

ственной поступью. Раздались торжественные звуки труб, и почетный караул, "желая оказать честь Любви их генерала", обнажил сабли. Растерявшись от такой встречи, Ипполит Шарль, чуть замешкавшись, вышел следом из кареты. Игнорируя всякий стыд, он старался идти в ногу с будущей императрицей, которая триумфально входила во дворец Сербеллони, сопровождаемая своим любовником.

Через четыре дня Бонапарт, которого военные действия удерживали в Вероне, смог наконец вырваться в Милан. Он приказал устроить грандиозный праздник, чтобы отметить официальную встречу своей супруги, и — умчался галопом.

Едва сойдя с лошади, он бросился в объятия Жозефины с такой пылкостью, что приятно удивил собравшихся. После этого он ввел ее во дворец, где был организован большой прием.

Проходя через великолепную колоннаду галерей, украшенных произведениями искусства, картинами, золотыми сосудами, редкостными цветами, книгами в драгоценных переплетах, молодой генерал шептал:

— Это все собрано здесь по моему приказу для тебя, Жозефина...

Креолка улыбалась, думая, что этот маленький Бонапарт очень мил и что она сможет приятно жить здесь с Ипполитом.

В самой большой из галерей собралось около сотни людей: офицеры, дипломаты, знаменитые художники, женщины в парадных платьях — и все они склонялись в почтительном поклоне при приближении Жозефины.

— Вот твой двор, — вполголоса сказал Бонапарт.

Здесь Жозефина могла бы сообразить, что в ней видели не просто жену генерала, что уважительное отношение всех этих людей, соблюдавших перед ней королевский этикет, свидетельствует о необыкновенном авторитете ее супруга... Но Жозефина продолжала ничего не понимать.

Эти люди пришли ради нее? Тем лучше. Можно приятно провести время. И она вежливо улыбалась посланнику короля Сардинии, министру папы, представителю дожа Венеции, великому герцогу Тосканскому, герцогу Пармы и Модены и физику Вольта. В то время как каждый из них кланялся ей, неисправимая Жозефина думала, что некоторые из этих господ хороши собой и что она охотно сделала бы их своими любовниками...

По окончании приема Бонапарт, "не в состоянии больше владеть собой", взял свою жену за руку и увлек ее в комнату, приготовленную им для долгожданной встречи.

Раздевшись с быстротой человека, собравшегося спасти утопающего, он стал срывать одежду с Жозефины, разрывая кружева и шнуровку корсета, и только на мгновение остановился, чтобы поцеловать "маленькую белоснежную упругую грудь", о которой он мечтал столько недель...

Когда Жозефина осталась совершенно обнаженной, он понес ее на постель и доказал ей, что артиллерист, ставший главнокомандующим, и в интимных отношениях в не меньшей степени сохранил все легендарные качества своей армии.

Воздержанье, которое Наполеон переносил все эти месяцы, привело его в такое состояние, что он оставался галантным кавалером в течение всего следующего дня. Через день, успокоившись наконец, он вновь надел свой мундир и вышел к завтраку. Жозефина же, отдышавшись, но войдя во вкус любовных

игр, захотела увидеть Ипполита, который не имел ничего против того, чтобы воспользоваться ситуацией. Через несколько часов Бонапарт должен был покинуть Милан и ехать на осаду Мантуи. В этот же вечер уехал и Ипполит Шарль, чтобы присоединиться к армии Леклерка.

Оставшись одна, будущая императрица принялась устраивать праздники и обхаживать красивых итальянцев, приглянувшихся ей. Большинство из них были не прочь в постели взять реванш у Бонапарта.

А он сам в это время с легкостью продолжал теснить австрийские войска. Все подчинялось его воле, и он был счастлив. Однако в Мармироло произошел случай, который нарушил его блаженство. Тотчас же он написал письмо, которое немедленно было отправлено Жозефине:

"Я потерял мою табакерку. Я прошу тебя выбрать мне другую, более плоскую, и на крышке написать что-нибудь хорошее, украсив ее твоими волосами. Шлю тебе тысячу горячих поцелуев, ведь ты так холодна. Любовь без границ и верность во всех испытаниях"...

Неизвестно, украсила ли Жозефина новую табакерку своими волосами, но можно быть уверенным, что такое романтическое желание мужа позабавило ее, привыкшую к цинизму красивых итальянцев, которые пользовались ею на диванах, коврах, столах, — могла ли она не смеяться над его сентиментальностью!

Вечером один из любовников Жозефины сообщил ей, что в штабе принято решение об отправке продовольственного обоза в армию. Она тотчас усмотрела в этом источник выгоды для себя и решила добиться для Ипполита должности поставщика армии. Она сразу же написала письмо Бонапарту, который ответил ей 21 июня следующим взволнованным посланием:

"Ты, должно быть, уже хорошо знаешь Милан. Может быть, ты уже нашла любовника, которого я собирался подыскать тебе. Только ты нашла не того, которого хотел я. Кстати, меня уверили, что ты давно и ХОРОШО (подчеркнуто тремя чертами. — *Авт.*) знаешь господина, которого рекомендуешь на эту должность. Если это так, то ты — чудовище!"

Жозефина не осмелилась настаивать и больше не писала о Шарле. Чтобы рассеять подозрения мужа, она согласилась даже приехать к нему. А он написал ей: "Я прошу тебя, приезжай седьмого в Бресцию, где тебя будет ждать самый нежный любовник".

"Но Бонапарт не моги подумать, — пишет Луи д'Астье в своей книге "Большая любовь Жозефины", — что любовником, с которым встретилась в этот день Жозефина, будет не кто иной, как Ипполит Шарль".

Послушаем Гамелена:

"Мы добрались до Бресции. Бонапарта там не было, но он оставил письмо, в котором писал, что ждет нас в Кремоне. Было уже поздно, и, несмотря на мои настоятельные просьбы, мадам Бонапарт настаивала на ночевке в Бресции, ссылаясь на то, что она слишком устала, чтобы ехать дальше. Она заняла апартаменты своего мужа, а я — его адъютанта.

— Поднимитесь к себе, — сказала она мне, — а я сейчас лягу и велю накрыть стол возле моей кровати, и мы вместе поужинаем.

Спустившись к ней в комнату, я увидел на столе три прибора и спросил ее, кто будет еще с нами.

— Бедный Шарль, — ответила она. — Он возвратился с задания и тоже оста-

новился в Бресции, узнав, что мы здесь.

Вошел Ипполит, и мы стали ужинать. Когда ужин закончился, мы попросились и направились к дверям. Но, когда мы подошли к двери, она томным голосом позвала Ипполита, а я ушел.

Перед тем как лечь спать, я вспомнил, что оставил мое оружие и шляпу в салоне перед ее спальней. Я вернулся, но перед дверью стоял гренадер, который сказал, что никого не велено пускать.

— Кто дал вам это распоряжение?

— Горничная мадам.

И я понял, что героиня Пешьера (место, где карета Жозефины была обстреляна с австрийского сторожевого судна. — *Авт.*) опять стала парижской кокеткой".

Впрочем, она никогда не переставала ею быть...

На следующий день Жозефина добралась до Кремоны, где ее ждал Бонапарт, нервно разрывая страницы толстой книги псалмов, которую ему дал прелат.

Два дня они провели в постели. Утром 11 августа в Кремону вступили австрийские полки. Получив это донесение, Наполеон повернулся к Жозефине:

— Вставай и уезжай в Милан. Я совершил глупость, заставив тебя приехать сюда. Извини меня...

Креолка спешно оделась и, плача, влезла в карету.

— Я боюсь — стонала она.

— Успокойся и поезжай, — сказал Бонапарт. — Вюрмсер заплатит за твои слезы...

Возвращение в Милан было беспокойным. Возле леса карета попала под обстрел отряда улан, были убиты две лошади. Обезумев от страха, Жозефина бросила свой экипаж и едва унесла ноги на крестьянской повозке. На следующий вечер, когда думали, что опасность уже миновала, экипаж, который им удалось раздобыть, проехал всего в двухстах метрах от поля боя, и пуля рикошетом ударила в стенку кареты. Объятая ужасом, Жозефина поклялась никогда больше не посещать мужа в действующей армии.

Приехав в Милан, она нашла город расцвеченным флагами в честь победы при Кастильоне, которую Бонапарт только что одержал, "чтобы отомстить Вюрмсеру".

Совершенно равнодушная к этому событию, не оправившись еще от пережитого страха, Жозефина заперлась в своей комнате с Ипполитом.

Со следующего дня она начала участвовать во всех увеселениях в компании модниц, которые состояли в ее свите. Все вечера она танцевала в легчайших туалетах и "познавала все удовольствия". Нередко посреди бала она оставляла своих друзей, уединяясь с Ипполитом в саду. Там, в тени кустов, за мраморными статуями, у фонтанов или просто прислонившись к дереву, она заставляла "ласкать туза треф", как говорили тогда в высшем свете.

Как-то раз вечером любовники были застигнуты грозой в тот момент, когда, лежа на лужайке, "они предоставили возможность говорить своей природе". Первый удар грома был так страшен, что Жозефина, испугавшись, впала в полубессознательное состояние. Ипполит взял ее на руки и отнес в салон, где

все приглашенные очень развеселились, увидев генеральшу в смятых задранных юбках и капитана в плохо застегнутых штанах.

Три месяца Бонапарт прожил с мыслью о том мгновении, когда он опять сможет обнять Жозефину. Чтобы поскорее прижать к себе ее желанное тело, он одерживал одну победу за другой, удивляя Европу.

В минуты коротких передышек он писал ей полные страсти письма. Приводимое ниже письмо наводит на мысль, что курьеры везли его в Милан с опасностью для жизни.

"Я собираюсь ложиться спать, моя маленькая Жозефина, с сердцем, наполненным тобой и страданием от того, что нахожусь так далеко от тебя. Бог мой, как бы я хотел присутствовать при твоём туалете и видеть твоё плечико, белую маленькую, прекрасно вылепленную грудь, а над всем этим — милую мордашку в прелестном креольском платочке.

Ты хорошо знаешь, что я не забываю мои визиты в твой маленький черный лесочек. Я посылаю ему тысячи поцелуев и с нетерпением жду момента, когда войду в него. Жизнь, счастье, наслаждение — только то, что связано с тобой. Жить с Жозефиной — это жить в раю. Целую твои губки, глазки, плечи, грудь, везде, везде..."

24 ноября, после блестящей победы в Арколе, он объявил о своем приезде в Милан. Получив письмо, Жозефина пожалала плечами. Она намеревалась отправиться в Геную, где Сенат давал бал во Дворце дождей, и приезд мужа не казался ей достаточно важным событием, чтобы удержать ее в Милане. И она уехала вместе с Ипполитом.

26 числа, выйдя из кареты у дворца Сербеллони, воодушевленный желанием, которое каждую ночь вызывало у него чувственные сновидения, Бонапарт поспешил в комнату своей жены. Но комната была пуста. Он позвал Жозефину, но появилась горничная.

— Где мадам?

Служанка смущенно опустила голову:

— Мадам в Генуе.

Мгновение Бонапарт смотрел на нее, ничего не понимая, а затем, заметив офицеров, охрану, придворных, столпившихся и разглядывающих самого знаменитого генерала в Европе, страдающего от семейных неурядиц, вскричал:

— Оставьте меня одного! Я устал...

Когда все разошлись, он велел горничной позвать Гонтье. Появился дворецкий Гонтье, у которого Бонапарт спросил:

— Вы получили мое письмо?

— Да, мой генерал, мадам объявила нам о вашем приезде.

— И тем не менее она уехала...

— Да, в карете для дальних поездок.

— С кем?

— С Луизой Компуэн.

— И это все?

— Нет, с ней был еще капитан Шарль...

(Как рассказывал потом Гонтье, Бонапарт "страшно побледнел".)

— Спасибо, Гонтье, вы мне больше не нужны.

Оставшись один, он написал Жозефине горестное письмо:

"Я приехал в Милан; я торопился в твою комнату; я все бросил, чтобы ви-

деть тебя, сжать тебя в объятиях... Но тебя не было. Ты веселишься в разных городах и удаляешься, когда я приезжаю; тебе безразличен твой Наполеон. Печаль, которую я испытываю, непередаваема. Я буду здесь до девяти часов утра. Но не беспокойся, наслаждайся. Ты создана для счастья. Целый мир должен быть счастлив, если он нравится тебе, а твой муж — очень несчастен"...

О Шарле он не написал ни слова. Однако этот "маленький Полишинель" раздражал его. Он решил избавиться от него и назначил его сопровождать генерала Мармона в Рим.

Жозефина узнала эту новость, вернувшись из Генуи. Она бросилась в объятия Ипполита.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Это приказ, я офицер и должен подчиниться.

А она орошала слезами лицо капитана, обнимавшего ее с грустным видом.

Наконец, Шарль сказал ей последнее "прости" и уехал в вечный город, утирая слезы со щек.

Жозефина впервые в своей жизни осталась верной своему любовнику. В 1797 году она все же добилась для него у Наполеона должности командира Первого гусарского полка.

Удовлетворенная этим, она стала ждать лучших ночей и в течение нескольких месяцев вела примерную жизнь. Это было в то время, когда она косвенно участвовала в создании знаменитой картины.

Однажды художник Гро, который находился в это время в Милане, объявил о своем желании написать портрет генерала, о котором говорит вся Европа.

— У меня нет времени, — сказал Бонапарт, — а кроме того, я не смог бы позировать. Я не могу сидеть неподвижно.

Тогда Гро обратился к Жозефине, у которой вдруг возникла идея:

— Приходите завтра после завтрака. Я заставлю его сидеть спокойно.

На следующее утро художник пришел пораньше, чтобы установить мольберт в столовой, где генерал в это время пил кофе.

— Я, — сказала Жозефина, — обещала господину Гро, что ты будешь хорошей моделью. Ну, иди сюда. — И, чтобы помешать Бонапарту двигаться во время сеанса, она заставила его сесть к себе на колени.

Граф Лавалетт, бывший адъютант Бонапарта, в своих воспоминаниях пишет, что "во время краткого пребывания в Милане молодой, но уже известный художник Гро написал первый портрет генерала. Он изобразил его на мосту Лоди со знаменем в руке в момент, когда тот устремляется вперед, увлекая за собой войска. Мадам Бонапарт во время сеансов держала Бонапарта на коленях, чтобы он не двигался в течение некоторого времени".

Интерес, который Жозефина продолжала проявлять к Ипполиту Шарлю, вызвал у Бонапарта новый приступ ревности. Он навел справки и выяснил, что этот гусар служит посредником между комиссарами Директории, запятнавшими свою репутацию на должности поставщиков армии. Его информировали, кроме того, что при поддержке Жозефины этот забавный капитан торговал провиантом и переправлял своей любовнице драгоценности, захваченные в городах.

Коллекции медалей, жемчужные браслеты, бриллиантовое кольцо, картины, драгоценная посуда — все эти богатства находились теперь у Жозефины.

Бонапарт, не веря в такое бесчестье, захотел видеть, где его жена прячет сокровища. Тогда его провели в две маленькие комнаты, расположенные под самой крышей. Пораженный увиденным, он потребовал, чтобы сопровождавшие его молчали об этом деле, и велел сказать Жозефине, что ждет ее в своем кабинете. Она пришла, улыбающаяся и кокетливая. Жесткий взгляд Наполеона удивил ее.

— Что с тобой, друг мой?

Он посмотрел ей прямо в глаза:

— Только что арестован капитан Шарль.

Ужас, который он прочел на лице своей жены, огорчил его. Он хотел обнять и успокоить ее, но продолжал:

— Я узнал, что он способствовал грабежам. Из-за него Гло, Оже, Уврар испытывают сложности с поставками продовольствия в армию. Из-за него и из-за тебя. Так как ты, моя жена, стала сообщницей нечестного офицера.

Жозефина начала плакать. Он отвернулся:

— Завтра утром Шарль предстанет перед военным советом и в полдень будет расстрелян.

Креолка вскрикнула и упала без сознания. На этот раз ее чувства оказались сильнее гнева Бонапарта. Он бросился к ней, отнес ее на кушетку и начал приводить в сознание, обвиняя себя в жестокости и бормоча извинения.

— Я прощаю тебя, — слабо сказала она, — но с одним условием. Чтобы мы никогда больше не говорили об этом. Доставь мне такое удовольствие...

— Однако, — попробовал возражать он, — когда офицер уличен в растрате...

— Шарль? Это же Полишинель! Им умело пользовались другие... Если ты хочешь наказать его, уволь из армии и отправь в Париж!

Бонапарт, добрая душа, согласился... На следующий день Ипполит Шарль покинул Милан. А через восемь дней Жозефина решила возвратиться в Париж.

В декабре 1797 года, оставив Бонапарта в Италии, Жозефина села в карету и отправилась во Францию. Ее путешествие было триумфальным. В каждом городе, который она проезжала, люди радостными возгласами встречали ту, которой "небо оказало честь разделить постель с героем, какого не было с античных времен". Стреляли пушки, трубили трубы, дети бросали цветы, а поэты читали стихи, напыщенный стиль которых искупался искренностью чувств.

Креолка принимала все эти почести с вежливостью, смешанной с некоторым нетерпением. Чувствовалось, что она спешит ехать дальше, и люди понимающе покачивали головами. "Несомненно, генерал доверил ей важную миссию", — говорили одни. Другие, подмигивая, шептали: "Она наверняка понесла от Бонапарта".

Но, как всегда, люди обманывались, и правда была совершенно иной. Сохраняя празднества, загоняя лошадей, укорачивая ночи, мадам Бонапарт лелеяла только одну мысль — как можно быстрее увидеть своего дорогого Ипполита.

Она встретила с ним возле Невера, и их первая ночь была необычайно волнующей. После пятнадцатидневной разлуки любовники, забыв о всяком чувстве меры, с таким пылом отдались любовным наслаждениям, что позволили трем забавным случаям вмешаться в их любовь.

Послушаем отрывок из книги Пьера Аделена "Жозефина и ее любовники":

"Как только Жозефина вышла из кареты, Ипполит увлек ее в комнату, где для удобства любовных утех были сдвинуты две широкие кровати. Сбросив одежду на пол, они с таким неистовством бросились друг к другу, что небольшой прикроватный коврик запутался у них в ногах, и они упали на пол, произведя сильный грохот. Встревоженная горничная прибежала на шум и обнаружила, что Жозефина и Шарль лежат обнаженные на полу, их ноги запутались в ковре, и они оба задыхаются от смеха.

Мгновение спустя они встали, веселые и невредимые, и служанка посчитала за лучшее удалиться. Оставшись одни, любовники начали возиться, как щенки, катаясь по кроватям, движимые только любовным голодом. Жозефина, бравшая уроки любовного искусства у мадам Тальен, учила своего любовника изобретательности, придумыванию различных поз, доводящих остроту ощущений до исступления.

Их воодушевление было столь чрезмерным, что сдвинутые кровати незаметно разъехались в разные стороны по натертому паркету и любовная пара оказалась на полу. Вновь вбежала горничная и помогла любовникам выпутаться из обилия покрывал.

Нимало не обескураженные подобными неприятностями, Ипполит и Жозефина опять забрались в постель и возобновили прерванные занятия. Но увы! Сила капитана спровоцировала новую катастрофу.

В тот момент, когда он трудился, приводя свою любовницу в состояние полнейшего блаженства, обивка кровати прорвалась и любовники провалились внутрь. Привлеченная их криками, опять вбежала горничная и, освободив их, ни слова не говоря, исчезла. С этой поры к ее обычным обязанностям прибавилась еще одна — помогать и генералу Бонапарту и капитану Шарлю в определенных случаях, в ожидании которых она сидела в коридоре с шитьем в руках".

На следующий день Жозефина и Ипполит отправились в путь, решив останавливаться в каждой комфортабельной гостинице.

В то время, пока они развлекались, Бонапарт, заехав в Раштадт, прибыл в Париж. Перед тем как поприветствовать членов Директории, он поехал на улицу Шантерен (которая теперь в его честь была переименована в улицу Победы), чтобы обнять свою жену.

Так же, как и в Милане, он позвал ее, открыл дверь, обошел пустые комнаты и встретил слугу:

— Где мадам?

Как рассказывают, его глаза стали желтыми, когда он узнал, что Жозефина еще не вернулась в Париж. Вошел распорядитель дома и, поприветствовав генерала, сказал:

— Я должен передать вам это, мой генерал.

Это была пачка счетов. Пользуясь своим пребыванием в Италии, Жозефина велела переоборудовать дом и сменить мебель. Это стоило около трех миллионов франков. Бонапарт, совершенно подавленный, заперся у себя в комнате.

Через три дня он, грустный, направился в Люксембургский дворец, где Директория организовала пышную церемонию встречи. Когда он появился, сопровождаемый Талейраном, в то время министром внешних сношений, все присутствующие встали, восклицая: "Да здравствует Республика! Да здрав-

ствует Бонапарт!"

Но что значило для него присутствие министров, послов, членов Совета старейшин и Совета пятисот, высокопоставленных особ, представителей армии и всего Парижа, если с ним не было Жозефины! И по этой причине празднество не представляло для него интереса.

Он подписал Кампоформийский договор, выслушал речи, здравицы, гимны, кантаты, со скромным видом принимал поздравления. Не реагируя на овации, он думал только о своей жене. И так как ее там не было, значит — она обманывала его. А раз она его обманывала, он решил с ней развестись...

После церемонии в Директории он возвратился к себе, чтобы обдумать все мелочи развода, который считал неизбежным.

Но когда Жозефина, соблазнительная и кокетливая, появилась в доме 2 января 1798 года с тысячей убедительных доводов и причин своего опоздания, он бросился к ее ногам и простил ее.

Через несколько дней приехал Ипполит Шарль и поспешил подать в Военное министерство прошение об отставке, чтобы обезопасить себя от претензий армейских интендантов. Вскоре по рекомендации Жозефины он присоединился к предприятию Бодена, наживающегося на поставках солдатам Директории слишком узких гетр, чересчур коротких рубашек, ботинок на картонной подошве, фуража из болотного камыша и списанных лошадей. Эти красноречивые подробности не помешали Жозефине без малейших угрызений совести войти в "комиссию", которую ей доверил Боден.

По воспоминаниям мадам де Ремюза, "чтобы выпутаться из этого дела, Жозефина стала искать, кому бы продать векселя, полученные от влиятельных людей, и компрометировала себя сомнительными связями".

17 марта Бонапарт узнал от своего брата Жозефа, что Жозефина продолжала отношения с "этим спекулянтом" и что она каждый день встречалась с Ипполитом в доме номер сто в предместье Сент-Оноре. Взбешенный, он решил искать свою жену, громко высказывая все, что об этом думает, и, разбив китайскую вазу, ушел, хлопнув дверью.

Жозефина тотчас же написала Ипполиту, чтобы предупредить его. Мы приводим здесь это письмо, содержащее не только доказательства, компрометирующие ее, но и выражения, свидетельствующие о ее ненависти ко всему семейству Бонапарт.

"Вчера Жозеф имел крупный разговор со своим братцем, после чего тот стал спрашивать меня, знаю ли я гражданина Бодена и имею ли отношение к поставкам в Итальянскую армию. Еще ему сказали, что Шарль снимает дом в предместье Сент-Оноре, где я провожу все дни.

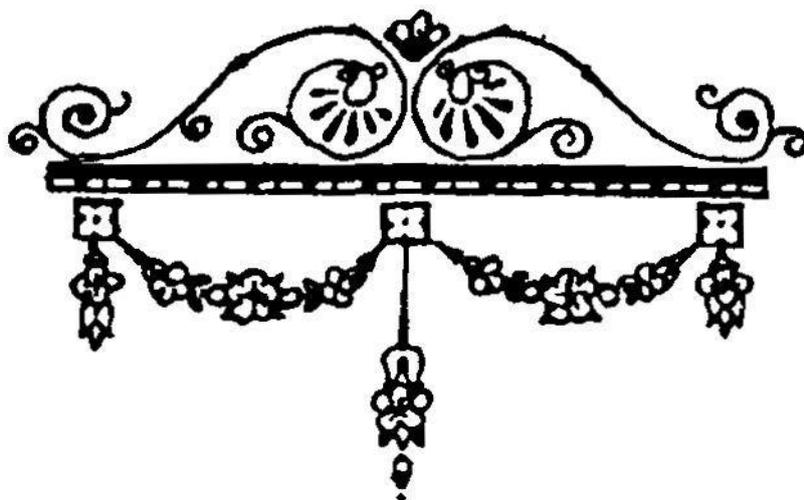
Я ответила, что ни о чем не имею понятия, что если он хочет развестись со мной, пусть просто скажет об этом и не стоит использовать все средства... Я самая несчастная женщина!

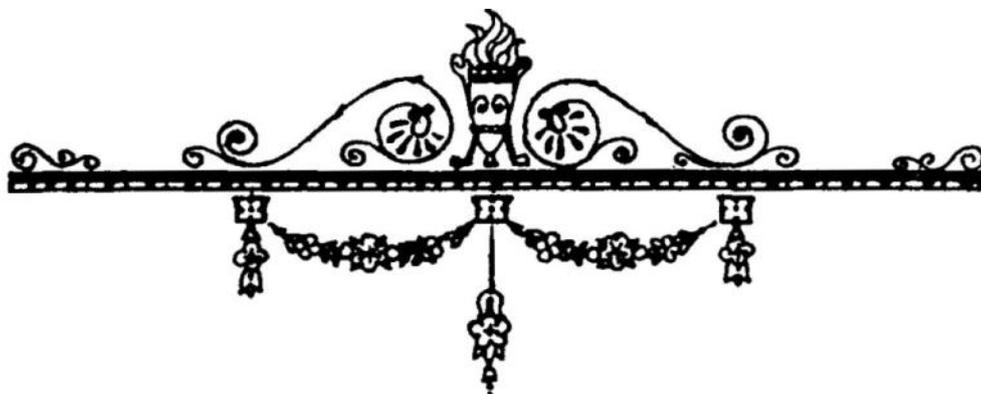
Да, мой Ипполит, как я их всех ненавижу, только ты — моя нежность и моя любовь! Они видят мое негодование и отчаяние, которое я испытываю от невозможности видеть тебя так часто, как я хочу! Ах, Ипполит! Я хочу умереть, да, я хочу покончить с этой жизнью, которая теперь тяготит меня, так как я не могу посвятить ее тебе. О! Что я сделала этим чудовищам, я не хочу быть жертвой их зверств!

Я прошу тебя, предупреди Бодена, чтобы он сказал им, что не знает меня, пусть велит привратнику дома номер сто, если того спросят, живет ли здесь Боден, отвечать, что не знает такого...

Ох, как они мучают меня, но они никогда не смогут оторвать меня от моего Ипполита. Мой последний вздох будет для тебя... Я сделаю все, чтобы увидеть тебя днем. Но если я не смогу быть у тебя, я проведу этот вечер у Бодена, от него ты узнаешь, когда мы сможем увидеться в парке Монсо. Прощай, мой Ипполит, тысяча горячих поцелуев, таких же, как мое сердце"...

Отослав это письмо с молоденькой неграмотной девушкой, она отправилась к Бонапарту с ласками и поцелуями, за которые он был ей очень признателен...

Англия обнародовала супружескую неудачу Бонапарта

Именно в Каире Бонапарт смирился со званием рогоносца.
Максимилиан Вокс

Восторженная встреча, оказанная Бонапарту двумя тысячами парижан, "обезумевшими от восторга", показала его необыкновенную популярность. Однажды вечером, когда он возвращался от Барраса, толпа народа, словно движимая особым предчувствием, приветствовала его, как настоящего императора, опережая события на целых семь лет.

Бонапарт возвратился домой необычайно взволнованный. И здесь, сидя перед горящим камином, размышлял о возможностях, которые, может быть, предоставит ему судьба для совершения государственного переворота. Авторитет Директории упал до такой степени, что французы уже мечтали о режиме твердой личной власти, надежном правительстве, приходе к власти человека, который не был бы замешан ни в каких политических играх. И Бонапарт пришел к мысли, что именно его выбрало небо на роль этого человека.

Еще во время прогулок в парке Монбелло (где он обучался дворцовому этикету), он доверился Милло, французскому министру во Флоренции:

— То, что я сделал до настоящего времени, — это ничто. Вы думаете, все то, что я совершил в Италии, можно было сделать с этими адвокатами из Директории, с этими Карно, Баррасом и другими?.. Вы думаете, что можно создать настоящую Республику? О нет... Республику тридцати миллионов? С нашими нравами и пороками? Где эти возможности? Это очередная химера, которой так увлечены французы, но которая развеется, как и все остальные. Им нужна слава, удовлетворение их тщеславия, но о свободе они и понятия не имеют...

Запершись в своей комнате, он спрашивал себя, не пора ли попытаться захватить власть? Условия казались благоприятными. Армия его обожает, народ оказывает ему почтение, члены Директории были у его ног, несколько друзей могли бы ему помочь... Всю ночь он мерил шагами комнату...

Но утром, уже не уверенный в своей победе, считая, что неудача была бы неминуемой, решил сначала предпринять собственную акцию, поступок, по значимости равный подвигам Цезаря и Александра Великого.

Договор Кампо Формио, подтвердивший поражение Австрии, вернул мир континенту. Оставалась Англия. Чтобы заставить ее прекратить проявлять враждебность, Бонапарт решил угрожать ее путям в Индию, захватив Египет.

Директория, довольная, что избавится от неудобного генерала, предостави-

ла ему золото, солдат, корабли, и 4 мая 1798 года он покинул Париж в сопровождении Жозефины, Бурьенна, Дюрока и Лавалетта. Он взял с собой также небольшую группу ученых, которые должны были изучать историю этой, тогда еще мало известной, страны.

Несколько раз за время путешествия Жозефина, которая уже начинала понимать неосмотрительность своего легкомысленного поведения и, может быть, даже предвидела судьбу того, кого стали называть "Генерал Победа", просила, чтобы ей разрешили принять участие в экспедиции. Бонапарт отказал ей.

Чтобы задобрить его, она решила однажды вечером устроить сцену ревности, стала говорить о женщинах, которых он хочет встретить на Востоке, сердилась, плакала. Он ответил ей, что английский флот представляет слишком большую опасность для экспедиции, "чтобы любимая супруга могла принять в ней участие".

Вечером 8 мая кортеж экипажей прибыл в Тулон, а на следующий день Бонапарт поднялся на борт адмиральского судна "Ориент". Жозефина следовала за ним до самой каюты и умоляла взять ее с собой. Ответ был четким:

— Я запрещаю женщинам находиться на борту вместе с солдатами. Главнокомандующий не должен подавать плохой пример. Езжай немедленно в Пломьер. Говорят, что тамошние воды способствуют деторождению. Может быть, вернувшись оттуда, ты сможешь подарить мне сына. Это самая большая радость, которую ты сможешь мне доставить.

После долгих прощальных объятий Жозефина, сильно раздосадованная, спустилась на берег. Грохнула пушка, фанфары заиграли республиканский гимн, и "Ориент", сопровождаемый более чем сотней кораблей, вышел из гавани. Жозефина долго стояла на набережной, теребя носовой платок...

Наполеон долго махал своей шляпой, не сомневаясь, что на корабле скрывается много женщин, решивших разделить со своими мужьями и любовниками тяготы завоевания Египта.

Когда эскадра скрылась из виду, Жозефина вернулась в свою комнату, сожалея, что обстоятельства не позволили ей отведать ласки одного из красивых моряков, который смотрел на нее с ярко выраженным желанием взять ее на абордаж.

На следующий день Бонапарт взялся за обустройство жизни на борту "Ориента". Чтобы продолжить в путешествии свое образование, он решил каждый день собирать ученых и обсуждать с ними исторические, научные и религиозные вопросы. (Незадолго до отъезда из Франции Наполеон был избран в члены научного общества города Лана.)

Беседы с учеными происходили по вечерам после обеда. Их серьезность часто нарушалась шутками Жюно, который не знал что бы еще такое изобрести, чтобы позабавиться над "академиками". Пример одной из таких шуток нам приводит Арно:

"Несколько смешных случаев часто снижали обстоятельность этих вечеров, которые почти никому не приходились по вкусу, но на которых Бонапарт требовал обязательного присутствия. Все шутки исходили от генерала Жюно, которому Бонапарт многое позволял и который сам позволял себе еще больше.

— Генерал, — спросил он председательствующего в день открытия заседа-

ния, — почему Лан не является Академией наук? Он должен быть признан Академией только благодаря своему названию".[7]

После таких просветительских собраний Бонапарт отправлялся спать, то ли мучимый морской болезнью, то ли убаюкиваемый приятными воспоминаниями о Жозефине...

После взятия мимоходом острова Мальты, 2 июня флотилия вошла в Александрию. Предприняв марш-бросок через обжигающие пески (во время которого двести солдат ослепли), Наполеон дал бой мамлюкам, которые хотели перерезать дорогу на Каир. Несмотря на жару, вынуждавшую французов двигаться только ночью, несмотря на зной, который выводил из строя многих, ему удалось возле пирамид опрокинуть врага, и 24 июля он торжественно вошел в столицу Египта.

Самым первым его желанием было устроить свою жизнь на манер султанской. Он расположился в самом великолепном дворце города и написал Жозефине целую серию грустных писем. Новости, которые он получил из Франции, не были утешительными. От своего брата Жозефа он узнал, что по дороге в Пломьер его жена встречалась в Лионе с Ипполитом Шарлем, и любовники делали все возможное, чтобы целебные минеральные воды дали ему наследника.

Вот почему два раза в день конверт, наполненный упреками, направлялся из Каира в Вогезы. Но 1 августа до Бонапарта дошла еще одна тревожная новость: английская эскадра почти полностью уничтожила французский флот у берегов Абукира. И чтобы довершить поражение, адмирал Нельсон задержал курьера и перехватил известие о неверности супруги победителя пирамид...

Бонапарт ждал худшего. И был прав: через месяц англичане опубликовали перехваченное письмо, открыто поведав всему миру о его семейных неприятностях.

Итак, вся Европа могла с радостью прочесть письмо с сохранившейся детской орфографией, адресованное Наполеоном брату Жозефу:

"Ты увидишь в этих бумагах документы, касающиеся сражений по завоеванию Египта, которые добавили еще одну страницу к военной славе этой армии.

У меня большие неприятности в семейной жизни, так как покрывало неопределенности полностью сброшено. Ты остался у меня один на всем свете, и твоей дружбой я очень дорожу. Мне не остается ничего другого, как стать человеконенавистником, видя, как меня предают.

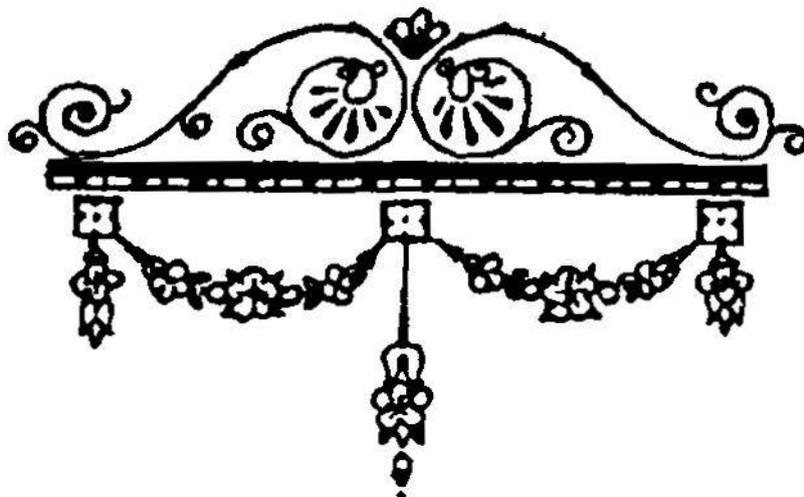
Это очень печально, так как чувства к этой особе по-прежнему в моем сердце. Купи, пожалуйста, к моему приезду мне деревню недалеко от Парижа или в Бургундии. Там я рассчитываю провести зиму, а, возможно, и быть похороненным, я так разочарован в людях. Я нуждаюсь в одиночестве и уединении. Известность наскучила мне, чувства иссушены, слава опостылела, и в мои двадцать девять лет я чувствую себя совершенно опустошенным. Мне не остается больше ничего, как стать настоящим эгоистом.

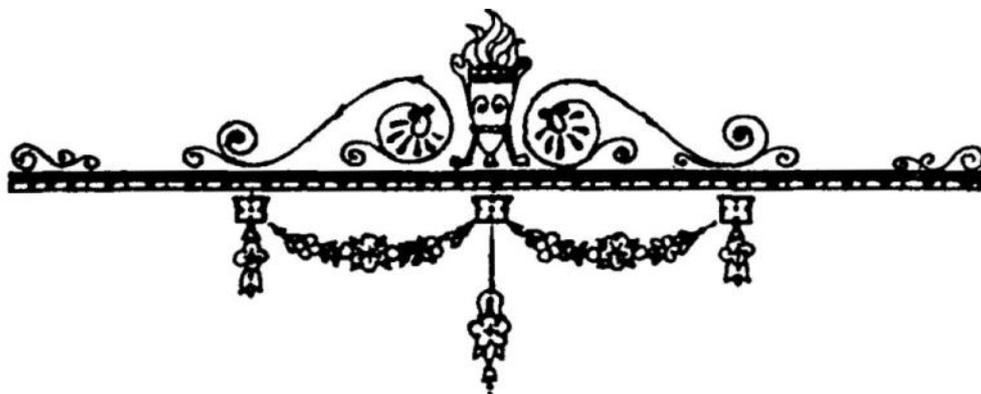
Я хочу жить один в собственном доме. Но не знаю, ради чего жить. Прощай, мой единственный друг"...

Публикуя это письмо, англичане преследовали только одну цель — позабавить Европу. Вскоре Лондон направил копии перехваченного письма Нельсону, который переправил их в Египет, чтобы французские солдаты могли по-

смеяться над своим главнокомандующим, увидев его смятение и растерянность.

Таким образом, неверность Жозефины могла деморализовать французскую армию в тот момент, когда она находилась практически запертой в африканских песках.

Чтобы поднять свой авторитет, Бонапарт заводит любовницу

Символ мужественности во Франции как бы отождествляется с маршальским жезлом.

Р.-М. Арло

В Париже де Баррас и его друзья восприняли поражение в Абукире с неприятным удовлетворением. Уверенные, что Бонапарт наверняка пропадет в песках, они устраивали балы и с легким сердцем смотрели в будущее. Благодаря Нельсону эти господа собирались со спокойной совестью продолжить свои спекуляции на поставках в армию, не опасаясь государственного переворота со стороны непокорного генерала, по их мнению, чересчур популярного в армии. Некоторые не стеснялись благодарить за это Провидение: "Вот мы, наконец, и избавились от этого маленького честолюбца".

Жозефина продолжала тайком у себя на улице Победы устраивать веселые вечеринки. Когда ей передали это известие, она, прекрасная актриса, бросилась на диван, заливаясь слезами: "Бедный Бонапарт, как ему тяжело"... После чего опять начала развлекаться с мсье Шарлем. Через несколько дней в Париж поступили ложные сведения, вынудившие ее продемонстрировать свои истинные чувства. В то время как она присутствовала на приеме в Люксембургском дворце, подошел секретарь де Барраса и протянул ей послание. Все присутствующие, узнав, что дело касается новостей из Египта, прекратили танцевать и собрались в середине зала. Баррас потребовал тишины и сказал:

— Друзья мои, я должен сообщить вам очень грустную новость. Мне доложили, что генерал Бонапарт убит в Каире.

"Печать глубокой скорби, — сообщает нам Масдас, — читалась в глазах присутствующих, а Жозефина, опершись на руку Ипполита Шарля, бессильно опустилась в кресло, притворившись, что ей плохо".

Баррас повернулся к ней:

— О, простите, мадам, — и добавил: — Друзья мои, наш траур слишком глубок, чтобы мы могли продолжить вечер. Мы должны разойтись, но попрошу остаться доктора Дюфура и оказать помощь мадам Бонапарт.

"Когда последний из приглашенных покинул зал, Жозефина встала с кресла в бодром расположении духа.

— Это точно, что Бонапарт убит?

— Я надеюсь. Приславший это сообщение не заинтересован в том, чтобы лгать мне.

Тогда она захлопала в ладоши:

— О! Наконец я смогу вздохнуть спокойно. Если это так, я не буду чувствовать себя несчастной. Этот человек думал только о себе, о себе одном. Он невероятный эгоист, самый жестокий человек, который когда-либо появлялся на этой земле. Он считался только со своими интересами, только со своими амбициями. — Не веря в свое счастье, она опять спросила: — Но он действительно умер?

— Я надеюсь.

На этот раз она подпрыгнула от радости:

— О! Это был страшный человек! Вы не можете даже представить себе, что это был за человек! Он думал только о злодеяниях. Он все время интриговал, то против одних, то против других. Он хотел, чтобы все перевернулось"...

Это был отрывок из "Воспоминаний" де Барраса.

В то время как парижане думали, что Бонапарт, забальзамированный египтянами, будет перевезен в Музей естественной истории, молодой генерал, догадываясь о настроениях в Директории, намеревался вернуться во Францию через Индию, чтобы воплотить мечту Александра Македонского.

Он обратился к солдатам с вдохновенной речью:

— У нас нет больше флота. Что ж... Надо умереть здесь или выйти отсюда, подобно великим героям древности. Это заставит нас совершить великие подвиги, и мы совершим их! От родины нас отделяют моря, но ничто не отделяет нас от Азии, а Азия соединяется с Европой... У нас достаточно солдат, оружия и провианта... Перед нами открывается великое будущее.

Эти необыкновенные слова зажгли солдат, и все — от барабанщиков до генералов — готовы были совершать чудеса.

В то время как ученые из Института Египта собирались сделать замеры Сфинкса, начать раскопки и срисовывать иероглифы, солдаты должны были произвести грандиозные работы: построить водопровод, соорудить ветряные мельницы, печи для приготовления хлеба, пивоварни.

Бонапарт целыми днями проверял, как идут работы, его всегда встречали с энтузиазмом. Как-то утром он заметил, что солдаты, приветствуя его, смотрят насмешливо. И он решил, что к ним попали копии его письма, изготовленные англичанами, и что они теперь знают о его семейных зловключениях.

Очень расстроенный, он вернулся во дворец. Но, поразмыслив немного, решил, что лучший способ восстановить свой авторитет — это взять любовницу и сделать так, чтобы все узнали об этом. Он позвал Бертье:

— Найдите для меня самых красивых женщин страны и приведите их сюда.

Через несколько дней мамлюк представил ему "полдюжины женщин Азии, восторгаясь их грацией и красотой. Но Бонапарту не понравились их манеры и чрезмерная полнота — и их отослали обратно".

В своих мемуарах Бурьен пишет, что графиня д'Абрантес говорила ему, что некоторые офицеры пользовались ласками этих полнотелых и благоухающих красавиц и что Жюно имел в Египте ребенка от абиссинской рабыни Ксераксаран, которого назвал Отелло.

Но Бонапарту было не по себе. Его мучил вопрос, сможет ли он изменять Жозефине, причем делать это так, чтобы вся армия знала: он больше не слепой муж неверной жены.

У Бонапарта было несколько тайных связей, быстро наскучивших ему. В своих "Секретных, неизданных ранее мемуарах", появившихся в 1825 году, А. де Бошам писал:

"В Египте Бонапарт иногда отдыхал в обществе жен беев и мамлюков, но, не находя у этих красавиц ни взаимности, ни прелести общения, все время ощущал душевную пустоту и сожалел как никогда об отсутствии здесь сладострастных итальянок и очаровательных француженок".

Однажды сентябрьским днем Бонапарт в сопровождении своего адъютанта верхом отправился на празднество, устроенное в окрестностях Каира. На дороге им повстречался караван ослов с восседавшими на них веселыми солдатами, возвращавшимися в город. Среди них Бонапарт заметил молодую блондинку с голубыми глазами. Порыв ветра приподнял платье девушки, обнажив ноги совершенной формы. Ее серебристый смех заставил Бонапарта обернуться, и он посмотрел на нее, как говорят, "со смешанным чувством изумления и восхищения".

Вечером, возвратившись во дворец, он попросил Бертье узнать имя этой молодой особы. Адъютант быстро навел справки и доложил Бонапарту, что интересующую его даму зовут Полина Фур. Переодевшись в мужскую одежду, она последовала в Египет за своим мужем. Несмотря на юный возраст — ей только двадцать лет — она показывала пример мужества при тяжелейшем переходе через пустыню. Когда мужчины падали, обессиленные палящим солнцем и обжигающими ветрами, она без ропота шла вперед. Солдаты двадцать второго стрелкового полка почти все были влюблены в нее, но относились к ней с большим уважением, так как она и ее муж представляли собой образцовую пару.

Кто же была эта восхитительная Полина Фур, которая привлекла внимание главнокомандующего? Герцогиня д'Абрантес так пишет о ней:

"Полина родилась в Каркассоне. Ее отец был человеком благородного происхождения, а мать — то ли горничной, то ли кухаркой. Воспитание девочки проходило под влиянием обоих этих начал, которые и сформировали ее характер. Она получила некоторое образование и стала экономкой в доме пожилых супругов. Полина была одной из первых красавиц в городе и славилась своей добродетелью. Ее девичья фамилия была Беллисль, и супруги мадам и мсье Саль прозвали ее Беллилот[8], так как она и в самом деле была восхитительна. Они относились к ней, как к собственному ребенку, и очень любили ее.

Однажды мсье Саль пригласил на обед гостей. На десерт, как это обычно полагалось в провинции, гостей услаждали пением. Мсье Саль послал за Полиной и несмотря на ее протесты заставил выйти к гостям. Она очень мило спела и прочитала наизусть стихи, что было в то время редкостью не только в провинции, но и в Париже. Беллилот произвела на всех очень приятное впечатление. Она это почувствовала и пришла к определенному решению.

— Я хочу быть хозяйкой своего собственного дома, — сказала она мсье Салю. — Мсье Фур предложил мне разделить с ним его судьбу, и я дала согласие.

И она вышла замуж.

Спустя некоторое время весть об экспедиции в Египет докатилась и до Каркассона. Фур, который уже отслужил в армии, решил последовать за Бонапартом: он считал своим долгом отправиться вместе с республиканской армией.

Так как Фур очень любил свою жену, то решил не расставаться с ней, куда бы его ни послали. И его молодая жена, всегда имевшая тягу к приключениям, с радостью покинула свое домашнее гнездо, чтобы опробовать молодые крылышки. Она переделалась в мужское платье и вместе с мужем отправилась в Тулон — место сбора армии, — а потом и в Египет.

И там эта молодая аппетитная блондинка должна была помочь Бонапарту восстановить его авторитет в глазах Восточной армии.

Прежде чем уложить Полину в постель, генерал пережил очень интересное приключение.

Однажды утром жена генерала Вердье пришла во дворец, служивший резиденцией Бонапарту. (Эта генеральша также последовала за своим мужем, передевшись в мужское платье. Она была влюблена в генерала Клебера и впоследствии стала его любовницей.)

— Генерал, — смущенно обратилась она к Бонапарту, — Бертье сказал мне, что вы ищете молодую девушку, приятную в общении и опытную в любовных утехах. Он сказал мне также, что вам не по вкусу толстые и чересчур надушенные восточные рабыни. По его просьбе я побывала в нескольких гаремах и в одном из них обнаружила очаровательную шестнадцатилетнюю девушку. Я видела ее обнаженной: у нее гибкое тело, упругая грудь прекрасной формы, гладкие бедра, длинные ноги и нежный пушок между ними.

Орлиный взгляд Бонапарта на секунду утратил свою легендарную пронзительность. Радуюсь эффекту, произведенному описанием прелестей девушки, гражданка Вердье продолжала:

— Это чудо зовут Зейнаб. Она дочь шейха Эль Бакри, и он согласился показать ее мне. Если она вам понравится, вы сможете наслаждаться ею, а пока она девственница.

— Когда я смогу увидеть ее? — быстро спросил Бонапарт.

— Она будет у меня в гостях после обеда.

— Я приду.

К четырем часам молодой генерал, затянутый в голубой мундир несмотря на тридцатипятиградусную жару, прибыл к генеральше Вердье. Зейнаб уже была там со своей матерью и угощалась пирогами с вареньем. Сразу пленившись ею, Бонапарт сделал молодой девушке несколько комплиментов, поздравил ее мать и, выпив чашку кофе, удалился. У самой двери он сказал мадам Вердье:

— Пусть ее приведут ко мне сегодня вечером.

Очень довольная собой, генеральша вернулась в салон к гостям и передала приглашение Бонапарта обеим египтянкам, которые разразились радостными возгласами.

— В этом надо видеть благоволение неба, — сказала хозяйка дома, — ведь Бонапарт — самый могущественный мужчина в мире.

Зейнаб и ее мать упали на колени, целуя ковер, и отправились домой, благодаря Аллаха.

Они продолжили свои благодарности спустя два часа, когда французский солдат принес Зейнаб подарки от главнокомандующего: шкатулку, наполненную браслетами, ожерельями, драгоценными кольцами, и фрукты.

Вечером, в то время как Бонапарт с нетерпением ожидал маленькую арабку, красота и восточная грация которой покорили его, генеральша Вердье ле-

леяла одну мысль. Решив сделать Зейнаб еще более обворожительной, она преобразила ее в маленькую парижанку.

"Несколько француженок, — пишет нам Марсель Дюпон, — изменили ее прическу, сделав ей шиньон, и нарядили в длинное платье по моде Директории, на ноги надели узкие шелковые туфельки.

Сразу став неловкой, с трудом передвигаясь в непривычно узких туфлях, несчастная Зейнаб потеряла свою природную прелесть".

В десять часов вечера эту напудренную куклу ввели во дворец Эльфи-бея, где Бонапарт в разукрашенном домашнем одеянии готовился провести упоительную ночь. Когда она вошла, он остолбенел:

— Кто это?

Адъютант объяснил ему, что генеральша Вердье думала, что будет лучше, если придать девушке более европейский вид.

Бонапарт был сражен, и его любовный пыл, направленный на экзотическое существо, угас. Поняв, что он разочарован, юная девушка, готовящаяся к потере своей девственности как к празднику, разрыдалась.

Увидев ее детскую обиду, генерал сжалился над ней.

— Ну ладно, не плачь, — сказал он, — и раздевайся.

Бонапарт по-отечески помог ей расстегнуть платье, снять чулки и освободиться от шиньона. Когда Зейнаб, полностью обнаженная, предстала перед ним, он нашел ее тело еще более красивым, чем мог себе представить. И не замедлил показать свое полнейшее удовлетворение. В два шага он перенес ее на кровать и "положил руку на дельту", как говорили участники экспедиции, обладающие природным воображением, что вообще свойственно многим людям из народа.

На этот раз девочка осушила слезы и скромно улыбнулась. И столько прелести было в ее наивной радости!

— Спасибо, генерал, — сказала она. Польщенный, Бонапарт приступил к исполнению добродетеля. Потом перешел к более серьезному этапу, и Зейнаб стала женщиной. Ее лицо сияло от радости, как лицо ребенка, которому дали большую конфету.

Наутро Бонапарт велел отвести маленькую арабку к отцу, одарив на прощание еще более роскошными подарками.

Это приключение не имело продолжения. Чтобы отомстить Жозефине и англичанам, Наполеону нужен был кто-то другой, но не этот ребенок.

Он вновь вспомнил о Полине Фур и захотел увидеть ее. Помог случай.

Спустя некоторое время жизнь в Каире наладилась. Каждый день открывались кафе, лавочки, бани, а в ноябре 1798 года все ждали открытия парка, подобного знаменитому Тиволи, куда весь Париж ходил веселиться по воскресеньям. Вот как писала об этом газета "Египетский курьер":

"Это самый большой и красивый сад в Каире. В нем много апельсиновых, лимонных и других благоухающих деревьев. Во всех уголках сада бьют струйки воды из специально прорытых колодцев. Здесь можно найти все для радости и веселья, все удобства, которые только можно пожелать. В здании изысканной архитектуры собраны книги на любой вкус. Наконец-то в Каире есть место, где собрано все, что может служить удовольствиям общества. Если в Париже есть Тиволи, Елисейский и другие прекрасные сады, необходимо, чтобы и в Каире было место, достойное пышного имени. Оно могло бы служить

средством привлечения в наше общество жителей страны, мужчин и женщин, и сделать их менее зависимыми от французских привычек, вкусов и моды".

Открытие "Египетского Тиволи" состоялось 30 ноября, в этот день по приказу Бонапарта должен был быть произведен запуск монгольфьера. В четыре часа воздушный шар с надписями на арабском языке поднялся вверх к неопишному удивлению египтян. Затем вся толпа собравшихся направилась к Тиволи, директор которого, господин Даржеваль (старый однокашник Бонапарта по училищу в Бриенне), встречал приглашенных у входа в парк, украшенного огромными букетами жасмина.

Через несколько минут посетители заполнили аллеи, обнаруживая за каждым поворотом новый аттракцион — жонглеров, канатоходцев, качели, деревянные лошадки, продавцов мороженого, оркестры, бильярдные залы, турецкие рестораны и т. д.

Бонапарт в сопровождении Жюно приехал к шести часам. Он восхищался цветами, аплодировал акробатам и собрался идти смотреть на танцовщиц, но, внезапно побледнев, остановился. Он увидел молодую женщину, сходящую с качелей и смеющуюся залихватистым смехом. Это была Полина Фур.

Оставив Жюно, он поспешил ей навстречу, поклонился и сказал несколько армейских комплиментов. Осчастливленная тем, что замечена главнокомандующим, но ужасно смущенная, молодая женщина бормотала что-то невразумительное.

Бонапарт снова поклонился и поцеловал ей руку.

— Я надеюсь, что мы скоро увидимся с вами в месте более уединенном, — сказал он, покидая ее. Простодушная Полина обрадовалась, подумав, что эта встреча поможет карьере мужа.

На следующий день Бонапарт, который, как известно, мог делать несколько дел одновременно, вызвал Жюно и, диктуя записку членам Института Египта, сказал ему:

— Ты помнишь гражданку Фур? Я хочу снова увидеть ее. — Затем, делая наброски по реорганизации военных музыкальных рот, продолжил: — Ее муж сегодня утром уехал в войска, ты должен воспользоваться этим и отправиться к ней. — Сказав это, он занялся эскизами нового обмундирования мамлюков, призванных на службу во флот, и заключил: — Ты дашь ей понять, что она мне нравится, и постарайся добиться ее согласия пообедать сегодня со мной.

Жюно обладал многими достоинствами, но ему не доставало тонкости манер. Он приехал к Полине, щелкнул каблуками и сказал тоном, которым привык отдавать приказания солдатам:

— Гражданка! Я прибыл от генерала Бонапарта. Вы ему нравитесь и он хотел бы, чтобы вы стали его любовницей.

Молодая женщина остолбенела. Гневно глядя на Жюно, она не могла произнести ни слова, настолько была шокирована. С момента встречи в парке два дня назад она ждала приглашения от Бонапарта. Но предложение, высказанное так грубо и бестактно, помешало ей согласиться.

— Полковник, — наконец сказала она, — вы должны доложить генералу, что я люблю своего мужа и никогда не изменяла ему.

Раздосадованный своей оплошностью, Жюно попытался изменить ситуа-

цию и не нашел ничего лучшего, как посмеяться над Фуром, с иронией сравнив его с Бонапартом. После этого Полина указала ему на дверь...

Расстроенный адъютант вернулся во дворец Эльфи-бея и рассказал о своем визите Бонапарту. Тот понял, что ошибся в выборе посланника. В этот же вечер он отправил к Полине Дюрока — другого адъютанта.

Дюрок был галантен, ловок и дипломатичен. Он начал с сожаления по поводу "недопустимой инициативы солдафона", затем, увидев, что Полина начала оттаивать, стал пространно говорить о том, как генерал восхищен ею и как мечтает вновь увидеть ее... А потом, прощаясь с ней, положил на круглый столик, стоящий у двери, небольшую шкатулку, сказав:

— Генерал поручил мне передать вам это в знак памяти о встрече в Тиволи.

Как только Дюрок ушел, Беллилот открыла шкатулку и обнаружила в ней великолепный египетский браслет, украшенный драгоценными камнями. Никогда еще маленькая служанка из Каркассона не видела такого прекрасного украшения. Она была покорена и стала думать о том, что было бы весьма приятно жить с таким щедрым генералом. И, как пишет один из биографов, "в душе она уже отдала в обмен на эту драгоценность свое маленькое сокровище".

С этого времени каждое утро в ее доме появлялся Дюрок, принося ей от генерала письмо, сопровождаемое подарком.

Молодая женщина с наслаждением читала страстные послания, которые корсиканец писал по ночам, а потом шла прятать новые драгоценности в шкатулку, о существовании которой ее муж и не подозревал.

К концу пятнадцатого дня Полина начала испытывать нетерпение. Вполне понятное стремление отблагодарить своего обожателя средствами, данными ей природой, вызвало у нее навязчивое желание, удовлетворить которое можно было — увы! — только во дворце Эльфи-бея... Она стала беспокойно спать, мучимая сновидениями, непристойность которых смущала ее самое.

"Некоторые из этих сновидений, — пишет Поль Дюрюи в книге "Властелин Востока", — создаваемых слишком разыгравшимся воображением, служили ей учебным пособием". Маленькая каркассонка в действительности осталась и в браке очень наивна и ограничивалась в проявлении своих интимных чувств самыми примитивными формами. Однако собственные сновидения открыли ей новые горизонты.

Почувствовав вкус к ранее сокрытому от нее, она стала нервничать, недоумевая, почему генерал не спешит приглашать ее на свидание. Она уже почти впала в отчаяние, когда получила карточку от коменданта Каира генерала Дююи, который приглашал ее на обед — одну. Это сильно удивило лейтенанта Фура.

— Странно, почему не приглашен я. Ведь я все же офицер...

Полина дала ему понять, что не может уклониться от приглашения, пришедшего от генерала и поэтому являющегося почти военным приказом, и с бьющимся сердцем отправилась к Дююи.

Конечно, у нее был повод испытывать волнение, а ее муж не был неправ, ощущая недовольство. Послушаем герцогиню д'Абрантес:

"Мадам Фур была встречена очень почтительно. Людей было мало, обед проходил спокойно. Но в тот момент, когда собирались подавать кофе, в доме возникло какое-то движение, двери с грохотом распахнулись и в комнате по-

явился главнокомандующий".

Дюпюи пригласил его за стол и предложил чашку кофе. Эта мизансцена была, естественно, придумана Бонапартом, который, конечно же, оказался за столом рядом с Полиной. Обратившись к ней с несколькими словами, он взял протянутую ему чашку кофе и, как бы по неосторожности, опрокинул ее на платье молодой женщины.

Вокруг все заохали, а Бонапарт, притворившись сконфуженным, предложил исправить свою оплошность.

— Я в отчаянии, — сказал он. — Где здесь вода?

— В моей комнате, — ответил Дюпюи.

— Пойдемте туда, я не хочу, чтобы из-за меня у вас испортилось впечатление от этого вечера.

Полина последовала за ним...

Они появились только через два часа. Их внешний вид сохранил все признаки приличия. Тем не менее сами любовники выглядели торжествующими и усталыми, что, как потом говорили, делало незаметными кофейные пятна на платье...

Возвратившись во дворец, Бонапарт подумал, что отныне лейтенант Фур будет ему мешать. Он решил сделать Беллилот своей официальной фавориткой, афишируя это перед всеми, и поэтому принял решение устранить ее мужа.

На следующий день Бертье, начальник генерального штаба, вызвал к себе лейтенанта Фура.

— Мой дорогой Фур, — сказал он, — вам повезло больше, чем нам. Вам надлежит вернуться во Францию.

— Слушаюсь!

— Главнокомандующий вручает вам важное донесение, которое вы должны отвезти в Европу и доставить депутатам Директории. Таков приказ.

Обманутый и крайне удивленный муж прочитал:

"Гражданину Фуру, лейтенанту 22-го стрелкового полка, приказываю выехать первым дилижансом в Розетт для возвращения в Александрию, откуда на борту брига ему надлежит отправиться во Францию, о чем уже послан приказ командующему флотом. Гражданин Фур является курьером, прилагаемую депешу он обязан вскрыть только в открытом море. Из нее он узнает дальнейшие инструкции. Гражданину Фуру предоставляется сумма в три тысячи франков на расходы по выполнению миссии.

По приказу главнокомандующего
Бертье".

— Вы должны покинуть Каир через час, — продолжил Бертье. — Вас будет ждать экипаж с эскортом.

— Но я должен сказать моей жене, чтобы она побыстрее собрала наши вещи.

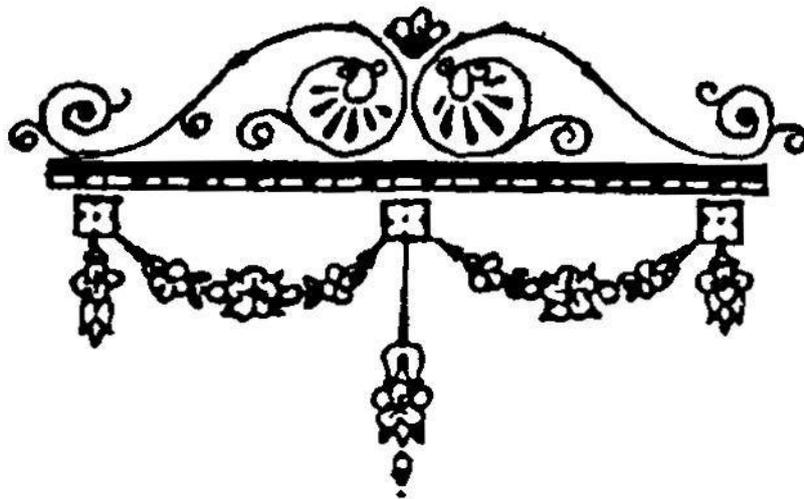
Бертье встрепенулся:

— Ваша жена? И не думайте об этом! Вы хотите, чтобы женщина участвовала в такой миссии?! А если вы встретитесь в море с английским крейсером? Вы можете себе представить, каким опасностям подвергнете свою жену? Ко-

рабль может быть потоплен вражеским орудием. Еще вы рискуете оказаться в руках офицеров флота ее величества, которые — вы подумали об этом? — много месяцев находятся в море и изголодались по женскому телу! Будьте благоразумны и оставьте свои намерения... Мы присмотрим здесь за гражданкой Фур.

Лейтенант, не переставая удивляться свалившейся на него "особой милости, вытацившей его из неизвестности", отправился собирать вещи.

Своей жене он объяснил, что наконец-то генерал отметил его заслуги. Но, как сообщает нам герцогиня д'Абрантес, Полина, прекрасно знавшая о причинах такого выбора, просталась с мужем, "плача одним глазом и смеясь другим"...

Англичане нарушают идиллию Наполеона с Полиной

Англия помешала мне жить счастливо.
Наполеон

Лейтенант Фур был человеком принципов. Он любил сопровождать каждое свое дело соответствующей церемонией, чтобы подчеркнуть его значимость и усилить впечатление.

Подгоняемый временем, он искал возможности торжественно обставить свой отъезд. Но вместо того чтобы дать прощальный обед, он решил устроить своей жене "последнее прости". На своем жутком армейском жаргоне он обрисовал ей свой замысел и, получив согласие, увлек ее в постель. В течение целого часа, сообщает нам Леонс Дешам, "супруги несколько раз осушали кубок любви". И добавляет с удивительным лиризмом: "Ноги Полины, взлетающие в воздух, делали как бы знак прощания своему прошлому, с которым она собиралась порвать".

В конце концов Фур, "покинув райские кущи наслаждений, спустился на землю, не сомневаясь, что был в постели со своей женой последний раз". В пять часов вечера, думая, что судьба благосклонна к нему, он с легким сердцем покинул Каир.

Тем временем, "едва только улеглась пыль, поднятая лошадьми его эскорта", из соседнего дома вышел Жюно и предстал перед Полиной. Молодая женщина еще находилась под впечатлением "последнего прости" лейтенанта Фура. Она встретила Жюно в пеньюаре, едва отдышавшись. Щелкнув каблуками, он приветствовал ее, а затем произнес фразу, которую Бонапарт из предусмотрительности заставил его выучить наизусть:

— Гражданка! Главнокомандующий приглашает вас сегодня вечером на обед во дворец Эльфи-бея.

Полина, слегка удивившись такой оперативности, ответила с готовностью:

— Я приду.

Вечером, сидя справа от главнокомандующего, "она освещала своей красотой ассамблею, собравшуюся в ее честь". С замечательной способностью к адаптации, которой обладают женщины, бывшая служанка из Каркассона сразу же освоилась с новой ролью фаворитки. В полночь она вместе с Бонапартом стояла у двери на правах хозяйки, провожая гостей.

Когда все разъехались, главнокомандующий, весь вечер демонстрировавший нежность и предупредительность, проводил молодую женщину в свою

спальню и там приветствовал ее в новом для нее доме тем же способом, каким днем Фур попрощался с ней.

В то время как во дворце Эльфи-бея любовники наслаждались друг другом, лейтенант катил в своем экипаже в сторону Александрии. В Ом Динаре — первой станции смены лошадей, он разорвал конверт, предназначенный для него, и прочел приказ с подробностями его миссии:

"Судно, на котором Вы отплываете, доставит Вас на Мальту. Вы передадите имеющееся у Вас письмо адмиралу Вильневу и коменданту Мальты. Командующий военно-морскими силами Мальты предоставит Вам другое судно, на котором Вы доберетесь до Италии, откуда дилижансом доедете до Парижа и там передадите прилагаемые депеши членам правительства.

Вы останетесь в Париже 6—10 дней, после чего также дилижансом возвратитесь в порт Неаполитанского королевства или в Анкону. Обратный путь Вы должны проделать не в Александрию, а в Дамьет. Перед отъездом из Парижа постарайтесь увидеть одного из моих братьев, члена законодательного собрания. Он передаст Вам необходимые документы.

Я рассчитываю на Ваше усердие во всех непредвиденных ситуациях, которые могут возникнуть на пути выполнения Вашей миссии и которые не должны помешать Вам доставить депеши правительству и привезти обратно послания от него.

Бонапарт".

Этот текст, который произвел большое впечатление на Фура, поставил задачу перед историками: верил ли Бонапарт в успех этого вояжа? Ведь в те времена на Средиземном море хозяйничали англичане, и их корабли постоянно курсировали вдоль берегов Александрии. Маловероятно... Хотя бы потому, что информация, которая содержалась в послании Директории, была незначительной: оккупация Суэца генералом Боном, экспедиция в глубь Египта, предпринятая Дезе, реорганизация армии, стягивание турецких сил в Сирии... Чтобы удалить неудобного мужа, Бонапарт не колеблясь мог пожертвовать военным кораблем и его экипажем. Но, как писал Марсель Дюпон, "великие люди имеют слабости, перед которыми отступил бы любой честный человек".

Фур отплыл 28 декабря на сторожевом корабле "Охотник", которым командовал капитан Лоранс. Он не стал скрывать от лейтенанта трудности предстоящего путешествия.

— Прямо напротив нас, — сказал он перед тем, как поднять якорь, — находится английская эскадра, состоящая из трех барков и одного фрегата. Я не хочу быть пессимистом, но думаю, у нас всего один шанс против четырех, что мы сможем прорвать блокаду. В любом случае нам надо выйти только ночью. "Охотник" — легкое судно, и если идти с погашенными огнями при благоприятном ветре и если не будет неприятной встречи, мы сможем к рассвету быть в шестидесяти милях от берега.

В семь часов вечера сторожевик поднял якорь и покинул порт. Встревоженный Фур отказался идти спать и оставался всю ночь возле капитана. Все двенадцать часов он стоял с ним на мостике, слушая свист ветра и скрип мачт, обращая внимание на малейшие посторонние звуки. Ему все время казалось, что вот сейчас из тьмы появится гигантская масса английского судна.

На рассвете он спустился в кают-компанию выпить бокал горячего вина. В этот момент раздался крик: "Парус за кормой!" Капитан Лоранс схватил под-

зорную трубу.

— Это англичанин. Он настигнет нас примерно через пять часов. Уничтожьте ваши бумаги. Нас могут захватить.

Фур, надеясь на чудо, предпочел спрятать драгоценные бумаги, аккуратно свернув их, в самую интимную часть своей одежды.

В полдень "Охотник" был задержан для досмотра. Его команда спустила паруса и была вынуждена опрокинуть пушки за борт. Два английских офицера поднялись на борт в сопровождении нескольких вооруженных матросов, и капитан Лоранс, его офицеры, вся команда и лейтенант Фур были доставлены на британское судно "Лев".

Как только англичане узнали, что лейтенант едет с поручением от Бонапарта, английский комендант позвал своих помощников.

"Его обыскали, — пишет герцогиня д'Абрантес, — раздев до нижнего белья, пытаюсь найти то, что было спрятано в самом укромном месте."

Не найдя ничего интересного, англичанин спросил лейтенанта:

— Как ваше имя?

— Жан-Ноэль Фур!

"С этим именем, — продолжает герцогиня, — у капитана "Льва" были связаны самые свежие новости из Египта, и, если бы он был жителем Каира или Александрии, он бы хитро подмигнул, отметив такое забавное стечение обстоятельств".

Идея снова посмеяться над Бонапартом, привести его в замешательство "во время его любовной идиллии" показалась капитану именно тем замыслом, которым будут удовлетворены в Англии.

— Мсье, — обратился он к Фуру, — прежде чем возвратиться в Англию, корабль, которым ее величество оказала мне честь командовать, должен совершить рейс во внутренние моря. Я вынужден буду содержать под стражей офицеров команды "Охотника". И поскольку ваша миссия теперь закончена, я мог бы предложить вам многомесячный круиз. Но если вы дадите мне честное слово, что ваши действия не будут направлены против Англии, пока длится война, я буду счастлив доставить вас в то место Египта, которое вы соблаговолите указать.

— Я даю вам честное слово, — сказал Фур, обезумев от радости.

В тот же вечер капитан "Льва", довольный представившейся возможностью устроить забавную проделку, повез лейтенанта в Египет.

...И там Фуру суждено было узнать, что не все крокодилы плавают в Ниле.

Глубокой ночью лодка, спущенная со "Льва", причалила к берегу в небольшом заливе недалеко от Александрии. Рассвет застал лейтенанта на скалах, где он, стуча зубами от холода, радостно думал о том, что скоро увидит свою Беллилот. Около восьми часов утра египтянин, проезжавший мимо в повозке, запряженной ослом, согласился подвезти его, и к полудню лейтенант прибыл в город.

Он сразу же побежал к Мармону, коменданту Александрии, и рассказал ему о своем приключении:

— ...Благодаря необычному милосердию английского офицера я смогу сделать приятный сюрприз моей жене.

Генерал, зная, что Бонапарт только что разместил Полину в роскошном дворце в двух шагах от своего, едва удержался от смеха, но подумал, что стоит

быть поосторожнее.

— Мне кажется, — сказал он, — вам лучше остаться здесь, так как ваша миссия прервана, но не закончена. Я думаю, что генерал Бонапарт пришлет вам необходимые указания. И было бы неосмотрительно с вашей стороны проявлять инициативу, которая может ему не понравиться.

Фур покачал головой:

— Я думаю, что главнокомандующий поймет мое нетерпение. А кроме того, я потерял эти депеши. Я теперь как пустой саквояж. А что делать пустому саквояжу в Александрии? Если его необходимо вновь наполнить, я должен возвратиться в Каир.

Мармон, как ни смешно ему было, заволновался при мысли о скандале, который может разразиться. Не зная, какие еще придумать аргументы, он резко сказал:

— У меня нет повода задерживать вас здесь, лейтенант, но мой долг предупредить: если вы возвратитесь в Каир, то пожалеете об этом...

Фур улыбнулся:

— Без сомнения, главнокомандующий будет разочарован моей неудачей, но будет рад увидеть меня живым и невредимым, ведь англичане могли посадить меня в тюрьму. Я думаю, он простит меня...

Такая наивность, такая глупая уверенность привели Мармона в полнейшее раздражение. Но он подумал, что этот идиот заслуживает хорошего урока — и отпустил его...

Фур погрузился на джерму (египетское судно, ходящее по Нилу) и через шесть дней прибыл в Каир. Горя нетерпением поскорее обнять Полину, он побежал домой. Обнаружив, что дом пуст, он страшно удивился. Блуждая по пустым комнатам, заметил, что мебель покрыта толстым слоем пыли, а все вещи Полины исчезли. "... И тогда, — пишет Леонс Дешам, — сев на свой дорожный сундучок, он задумался, взвесил все "за" и "против" и пришел к выводу, что, несмотря на свое звание лейтенанта стрелкового полка, он — рогоносец".

Это открытие привело Фура в ярость. Он быстро направился в клуб, где собирались офицеры Двадцать второго стрелкового полка, чтобы там узнать имя своего соперника. Когда Фур вошел, четыре лейтенанта играли в карты.

— Где Полина?! — заорал он. Все четверо посмотрели на него с досадой. Один из них встал, закрыл дверь и, вернувшись на место, сказал:

— Твоя жена у генерала Бонапарта... — И со всеми подробностями рассказал Фуру о том, как Полина предала его.

Так бедняга узнал, что его жена живет на улице Биркет-эль-Ратль в великолепном дворце по соседству с дворцом Эльфи-бея, что каждый день в три часа она отправляется к Бонапарту, и они вместе гуляют, что солдаты прозвали ее Клеопатрой и Нотр-Дам д'Ориент, что она является хозяйкой на обедах, которые дает генерал, и что к себе во дворец она возвращается только под утро. Затем лейтенант заверил Фура, что весь каирский гарнизон осуждает Полину, да и главнокомандующий заслуживает самых нелестных эпитетов.

Однако это совсем не утешило лейтенанта Фура. Не сказав больше ни слова, он возвратился к себе, взял хлыст и отправился на улицу Биркет-эль-Ратль.

Когда он подошел к роскошному дворцу, в котором теперь жила Полина, его гнев усилился. Стиснув зубы, Фур пересек двор, засаженный экзотически-

ми растениями, прошел вдоль фонтанов с журчащими струями воды и потерялся в лабиринтах великолепных комнат, заполненных коврами, подушками, драгоценными безделушками. Навстречу ему попался слуга — он грубо оттолкнул его и пошел дальше, распахивая двери. И вдруг в одной из комнат увидел Полину: обнаженная, она сидела в золоченой ванне.

Увидев мужа, молодая женщина, уверенная, что он на Мальте, пришла в ужас. Она пыталась защищаться, звать на помощь, умоляла, но Фур схватил ее за волосы и отхлестал до крови. На ее крики наконец сбежались слуги, не без труда оторвали Фура от его жертвы и вышвырнули на улицу.

Об этом случае тотчас доложили Бонапарту, и он явился к изголовью своей любовницы.

— Надо его арестовать и бросить в тюрьму, — слабым голосом сказала Полина.

"В первую очередь военный, а потом — любовник", как пишет Леонс Дешам, Бонапарт не хотел вторично совершить ошибку и коротко бросил:

— Этого я не могу сделать, но завтра ты потребуешь развода.

Естественно, целую неделю французы Каира только и говорили об этом деле. И больше всех усердствовал в осмеянии Фура генерал Бертье: "Бедняга Фур упустил свой шанс... Имея такую жену и будучи стрелком, он возвратился с пустыми руками".

Но Бертье напрасно насмеялся. Послушаем Жозефа Тюркана, автора книги "Влюбленный Наполеон":

"Генерал Бертье, высмеивая несчастного лейтенанта, был далек от каких-либо сомнений в отношении собственной личной жизни, не подозревая, что в этот момент сам выступает в роли обманутого мужа. Любовницей Бертье была знаменитая мадам Висконти, от которой он был совершенно без ума и на которую молился не только в сердце, но и в своей военной палатке, где воздвиг алтарь с ее портретом в центре и каждый день преклонял колени в молитве. Но мадам Висконти изменяла ему в то же самое время, что и Полина своему Фуру, с Александром де Лабордом и постоянно была окружена стайкой очень молодых людей"...

Как говорится в народе, "наибольшие рогоносцы — это те, которые сами себе сооружают рога".

На следующей неделе произошло событие, которое отодвинуло на задний план скандал, вызванный Фуrom.

Только что у арабов были выкуплены французы, бывшие у них в плену. Одного из пленных вызвал Бонапарт, чтобы получить от него сведения о расположении войск неприятеля. При первом же вопросе этот человек расплакался.

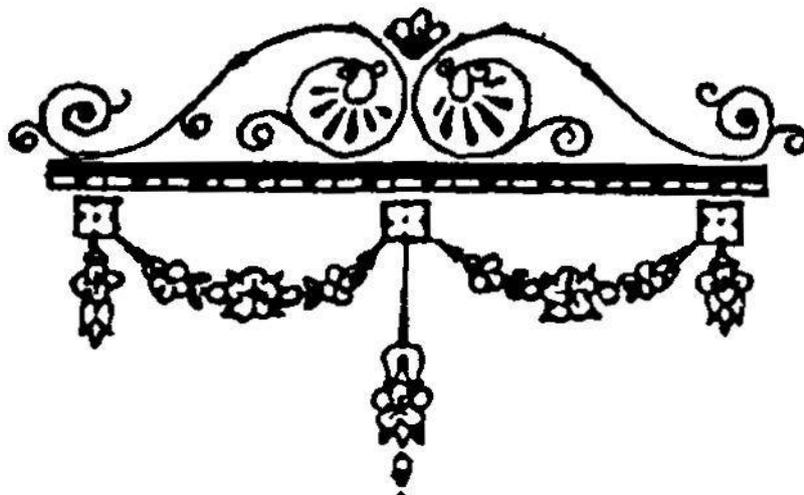
— Что с тобой? Почему ты плачешь? — спросил Бонапарт. Тот объяснил, рыдая, что арабы поступили с ним так же, как, скажем, поступал Генрих III с понравившимися ему юношами. Бонапарт расхохотался:

— О Господи! Вот уж трагедия! Наоборот, надо благодарить небо, что ты так дешево отделался. Ладно, не плачь больше и скажи, что ты видел в военном лагере?

Но несчастный был так поглощен своим оскорблением, что из него было невозможно вытянуть нужные сведения. И на вопросы, которые ему задава-

ли, он наконец, плача, ответил, что из положения, в котором он почти постоянно находился, невозможно было ничего наблюдать.

Эта забавная история помогла Полине позабыть свои неприятности.

Подтверждение измены жены мешает Бонапарту победить турок

Мысль о том, что он рогоносец, беспокоила его...
Мишель Обриан

Как только комиссар-распорядитель Сортелон объявил о разводе бывших супругов — Жана-Ноэля Фура и Полины Беллиль, Бонапарт возобновил свои демонстрации. Ему надо было, чтобы все видели его связь с Беллилот, чтобы армия, ученые, Англия, Франция, Европа и Жозефина знали, что у Бонапарта есть любовница и что эта любовница — самая красивая француженка в Египте. Ему надо было, чтобы все напрочь забыли его шутовское положение обманутого мужа. Ему надо было, чтобы Беллилот — горячая и талантливая любовница, ночью и днем служила орудием его мести и любовной досады.

Она должна была гарцевать рядом с ним по улицам Каира, перед армией и арабами, которые прозвали ее Сет-эль-султан кебир — Дама большого султана. Для прогулок подобного рода у Полины было два роскошных костюма: форма дивизионного генерала — голубой сюртук, обшитый золотом, белые обтягивающие панталоны и шляпа с трехцветным плюмажем, и мундир офицера седьмого гусарского полка — меховая накидка, ярко-красная куртка, пояс с плетеным шитьем и венгерка с золотой вышивкой. Глядя на нее, солдаты говорили с улыбкой: "Наша генеральша!"

Иногда любовники катались в коляске вдоль берега Нила, сопровождаемые эскортом кавалеристов и дежурным адъютантом. Как-то раз сопровождающим адъютантом был Евгений де Богарнэ. Во время всей прогулки Наполеон держал Полину на коленях, ласкал и целовал ее на глазах своего пасынка, скачущего верхом рядом с коляской. Перед этим свидетелем, который мог обо все рассказать Жозефине, вызвав этим ее ревность, а может быть, даже заставив страдать, как страдал он сам, Бонапарт демонстрировал такую чрезмерную нежность, что это выходило за рамки шуток и озорства и становилось вызовом. Он, ничуть не смущаясь, мог взять Полину прямо на банкетке коляски не столько для того, чтобы доставить удовольствие себе и ей, сколько затем, чтобы причинить боль Жозефине, которую ненавидел со всей силой своей любви.

Однако Евгений не оценил должным образом подобные методы воздействия. На следующее утро он побежал к Бертье и попросил освободить его от неприятной обязанности сопровождать главнокомандующего.

— Пошлите меня в действующее подразделение — это лучше, чем присутствовать при таких спектаклях...

Узнав об этом демарше, Бонапарт пришел в сильное негодование. Он вызвал молодого человека, строго отчитал его, довел до слез и отодрал за ухо. Евгений вынужден был остаться адъютантом, но больше не присутствовал при любовных сценах своего отчима.

Целый месяц Бонапарт не только предавался с Полиной "радости мщения, но и получал здоровое и сладостное удовольствие от жизни". Но увы! Война нарушила их медовый месяц.

В феврале 1799 года Турция, заключив союз с Россией и Англией, стягивала войска к Родосу и в Сирию. Узнав, что неприятельская армия уже находится в долине Иордана, между Вифлеемом и Иерусалимом, Бонапарт решил выступить навстречу и разбить врага.

10 февраля, когда двенадцать тысяч солдат в боевом порядке уже стояли у ворот Каира, Бонапарт находился у Полины. Перед тем как покинуть ее, он хотел в последний раз выразить ей свою привязанность.

— Подари мне ребенка, — сказал он одеваясь, — и — слово Бонапарта — я разведусь с Жозефиной и женюсь на тебе.

После этого он присоединился к своим войскам и отправился в Сирию.

В то время как Полина посещала египетских знахарок в надежде заиметь ребенка, ее любовник прилагал все усилия, чтобы французы поскорее прибыли в Мессудьях. В этом местечке, название которого означало "очень богатый", Наполеон получил неприятное известие. В глубине души он сомневался в неверности Жозефины и старался успокоить себя накануне предстоящего сражения. Однако Жюно, верный своей привычке быть везде вовремя, подтвердил его самые худшие подозрения. Реакция Бонапарта была ужасной. Откроем "Мемуары" Бурьенна:

"Когда мы отдыхали среди фонтанов Мессудьяха под Эль-Ариши, я встретил Бонапарта, прогуливающегося вместе с Жюно, как это часто бывало. Я стоял неподалеку и случайно взглянул на Бонапарта во время их беседы. Обычно бледное лицо генерала стало, по непонятной мне причине, еще более бледным и конвульсивно подергивалось. Взгляд был растерянным. Несколько раз он стукнул себя по голове.

После примерно четвертьчасовой беседы он отошел от Жюно и направился ко мне. Я никогда не видел его таким взволнованным, таким озабоченным.

— Я разуверился в вашей преданности, — внезапно сказал он тихо и сурово. — Ах, женщины! Жозефина!.. Если бы вы были преданны мне, то сообщили бы то, что я сейчас узнал от Жюно. Так обмануть меня!.. Я уничтожу эту породу проходимцев и блондинов!.. А что до нее — развод! Да, развод, публичный, Скандальный! Я должен написать ей! Хватит, я знаю все!

Эти резкие, бессвязные восклицания, его расстроенное лицо, срывающийся голос объяснили мне кое-что из его разговора с Жюно".

Бурьенн принялся терпеливо успокаивать Бонапарта. Он предположил, что, возможно, обвинения Жюно слишком преувеличенны и, чтобы отвлечь Бонапарта, заговорил о его славе.

В рядах англичан, воевавших на стороне турок, находился французский эмигрант, бывший однокашник Бонапарта по кавалерийской школе в Бриенне — Антуан ле Пикар де Фелипо, в свое время превосходивший будущего императора во всех состязаниях, проводимых в школе. Он, естественно, не испытывал никакого сочувствия к семейным неурядицам Бонапарта, а постарался,

наоборот, воспользоваться этим. И оказавшись во главе английских отрядов в битве при Сен-Жан д'Акр, он оказал большую услугу Англии и Турции, одержав победу.

Бонапарт вернулся в Каир 14 июня. За ним шли уцелевшие солдаты Сирийской армии, неся с собой несколько знамен, отобранных у турок, чтобы заставить народ поверить в то, что французы возвратились с победой.

Выпятив грудь и пытаясь улыбаться, главнокомандующий прошел перед строем притихших солдат, которые узнали, что такое поражение в бою. После этого грустного парада Бонапарт отправился к Полине, с которой был разлучен четыре месяца. Их первые объятия были долгими и страстными. "Руки генерала скользили по восхитительному телу молодой женщины, — пишет Леонс Дешам, — по всем округлостям и впадинкам, словно желая убедиться, что ничего не изменилось и все части знакомого рельефа остались на своих местах". Затем собственник Бонапарт, желая, без сомнения, продолжить до-смотр, отнес Полину в постель, где доказал ей, что четыре месяца военных действий не ослабили его сил. После этого главнокомандующий, улыбаясь и переводя дыхание, растянулся на смятых простынях. Вдруг он повернулся к Полине:

— А ребенок? Наш ребенок?..

Молодая женщина, смутившись, опустила голову и призналась, что пока его нет. Бонапарт, внезапно рассердившись, встал, поспешно оделся и, изменив своей привычке вести в постели доверительные беседы, побежал к Бертье. Без всякого вступления он выпалил:

— Я хотел, чтобы она подарила мне ребенка, я хотел жениться на ней... Но эта глупышка не смогла этого сделать...

Затем, не ожидая ответа, он удалился, всем своим видом показывая раздражение. Этот разговор был передан Полине.

— Но, честное слово, я не виновата!

И это действительно было так.

Желая загладить размолвку, Бонапарт вновь окружил Полину заботой и вниманием. Вечерами часто приглашал ее в Эльфи-бей и делился с ней своими опасениями. И действительно, его положение никогда еще не было таким тревожным: к военным неудачам присоединилось недовольство им Директории; Восточная армия сократилась до двадцати пяти тысяч, и ей вновь угрожало наступление турок, да и сам он, можно сказать, находился в руках недовольных египтян. И еще одно тяготило его — о чем он, конечно, не говорил с Полиной, — откровения Жюно о Жозефине...

Он еще больше разволновался, когда узнал, что в Мальмезоне — имении, приобретенном в долг, Жозефина приступила к разорительному переустройству, желая играть там роль богатой владелицы вместе со своим дорогим Ипполитом Шарлем.

Вечерами эти двое прогуливались по аллеям и Сен-Жерменской дороге, а поздние прохожие с умилением смотрели на них. Обманываясь маленьким ростом бывшего офицера, они думали, что мадам Бонапарт гуляет, обнявшись, со своим сыном Евгением.

Соседка, видевшая их гуляющими в обнимку, придя домой, написала следующие строки:

"...Ее часто можно видеть на дороге вечером при свете луны. Когда она в бе-

лом платье и белой накидке опирается на руку своего сына, одетого в черное или голубое, создается поразительное впечатление: они похожи на две фантастические тени. Бедная женщина! Она, должно быть, думает о своем первом муже, убитом палачами Революции. Она думает, наверное, и о том, кого ей послал Бог и кого пушечное ядро может отнять у нее в одно мгновение. Поможет ли ему там, среди турок, ее молитва?"

Но нет, Жозефина не молилась за своего мужа. После прогулок она увлекала Ипполита в постель и предавалась своему любимому занятию.

Даже оставаясь в неведении относительно многих подробностей, Бонапарт очень страдал. Иногда он склонялся над Полиной и, блестя глазами, повторял:

— Почему ты не подаришь мне ребенка? Я тотчас же разведусь и женюсь на тебе...

И действительно, только ребенок от любовницы мог бы освободить его от Жозефины и вернуть ему покой. Но, увы, проходили недели, а Полина оставалась бесплодной.

15 июля Бонапарт узнал, что турецкая армия пришла в Абукир. За несколько часов Бонапарт собрал свои войска и двинул их к морю. Через шесть дней с пятью тысячами человек он наголову разбил в три раза превосходящие силы врага. Этой победой Бонапарт искупил поражение под Сен-Жан д'Акром.

Теперь он решил воспользоваться своей победой, может быть, последней, которую он одержал в Египте, чтобы опрокинуть Директорию и навести порядок во Франции. Никого не предупреждая, он готовил свой отъезд, и когда все было улажено, позвал Полину.

— Я знаю, ты мужественная женщина. Выслушай меня. Мне надо ехать во Францию, оттуда приходят ужасные новости. Наши войска разбиты в Германии и в Италии. Австрия и Россия готовятся захватить нашу страну. Вновь поднимается Вандея. Всюду царят голод и анархия. Директория, состоящая из бездарностей и бездельников, скоро приведет Францию к катастрофе. Я должен ехать.

Полина разрыдалась:

— Возьми меня с собой!

— Это невозможно. Меня могут захватить англичане. Что они скажут, обнаружив женщину на борту военного корабля?

Беллилот плакала, умоляла. Но Бонапарт был непреклонен. На следующий день, поручив Полину заботам Клебера, он с несколькими друзьями тайно взошел на борт фрегата "Мюирон".

Оставшись одна, Полина надеялась, что в результате последних страстных ночей "в ней пустит росток семя, посеянное Бонапартом". Но проходили недели, рассеивая последнюю надежду получить знак, которого она так ждала.

"Он ушел от меня навсегда", — сказала Полина. Только в этом было ее отчаяние, бедняжка даже не могла себе представить, что ее бесплодие помешало ей стать императрицей.

Создатели легенд о Наполеоне претендуют на истину, считая, что Бонапартом все время владела навязчивая идея о "маленьком солнце славы, которое сияло ему ночью и днем и к которому он направлял свой корабль". "Мы не должны ничего бояться, — заставляли они говорить его, — потому что звезда, которая взошла на небе Востока, — это моя звезда".

Поверив им, можно думать, будто в час отдыха Бонапарт, едва проглотив последний кусок ужина, мчался созерцать знак своей судьбы. Хотя знак этот был, так сказать, признан официально. В 1801 году Наполеон хотел даже взять его в качестве эмблемы при создании ордена Почетного легиона, который намеревался сначала назвать Звездой.

Но правда была, конечно, совершенно иной. И если он не испытывал страсти к популярной астрономии, у него была другая интересная страсть: он играл в карты. Такое времяпрепровождение было естественным и вполне безобидным для офицера. Но эта страсть приобретает иной смысл, когда мы читаем о ней в воспоминаниях Бурьенна. Он сообщает нам, что генерал не пренебрегал возможностью помочь себе не всегда честными средствами, отвергаемыми другими игроками. Когда его упрекали в жульничестве, он серьезно отвечал: "Никогда не надо полагаться на случай".

Легенда, однако, может видоизменяться. Трогательный образ молодого человека, избранного судьбой, стремящегося во Францию с глазами, устремленными на свою звезду, по-видимому, следует заменить на образ честолюбивого офицера, желающего любым путем захватить власть...

Но действительность не менее значительна, чем вымысел, хотя при этом, согласимся, возникают совершенно разные символы.

2 октября, чудом прорвавшись через английскую блокаду, Бонапарт высадился в Аяччо. Радостный, он обнимал своих кузенов, вдыхал аромат горных цветов, беседовал с пастухами, бродил по тропинкам своего детства. Но у него не хватало времени возобновить отношения с хорошенькими подружками, с которыми он был знаком с пятилетнего возраста или даже раньше. Он сожалел об этом, так как несмотря на прекрасное тело Полины, которое он еще не забыл, и несмотря на Жозефину, которую болезненно любил, он был совсем непрочь остудить с крепкой корсиканкой "пыл, накопленный со времени отъезда из Каира".

Возбужденный шестинедельной качкой, Бонапарт бросал горящие взгляды на молодых девушек и иногда останавливался на полуслове, провожая глазами колышущуюся грудь проходящей мимо красотки.

В течение шести дней у его двери толпилось множество людей, потому что, как пишет Бурьенн, "его известность значительно увеличила число его родственников". Время от времени к нему входили очаровательные девушки с волнующей грудью и красивыми бедрами, с которыми он охотно умножил бы население острова, но они обязательно оказывались либо кузинами, либо молодыми тетушками, либо крестницами...

Краснея, он должен был по-родственному целовать их в щечки и расспрашивать о домашних новостях. Эти семейные обязанности раздражали его.

Вечером 7 октября он взошел на борт "Мюирона", так и не успокоив своего волнения. Он завидовал тем счастливым, которые смогли уделить немного своего времени любви. Он, не стесняясь, признавался в этом. Послушаем, что говорит Рустан, мамлюк, которого он взял с собою из Египта:

"Мы не стали выдерживать карантин, как это обычно делается. Генерал сошел на берег через час после прибытия и сразу отправился в дом, где он родился. Он спросил меня, нравится ли мне его страна. Я ответил:

— Очень нравится. Это красивая страна.

Тогда он сказал:

— Это что... Вот, подожди, приедем в Париж — это совсем другое дело!

В Аяччо несколько красивых женщин были добры ко мне как к иностранцу... Мы отплыли на нашем фрегате в Тулон, но погода испортилась, и нам пришлось снова вернуться на Корсику, где мы провели целый день. Пока мы плыли в Тулон, главнокомандующий и генерал Бертье, увидев меня, начали смеяться:

— Как же так? Ты оказался более ловким, чем мы. Ты уже заимел несколько женщин во Франции, а мы еще нет!"

Пока Бонапарт плыл во Францию, в Париже Директория продолжала свои шутовские празднества. Модницы, франты и щеголи танцевали, устраивали вечеринки, занимались спекуляцией продовольствием, как это будут делать сто сорок два года спустя их потомки, наживаясь на трудностях войны и операциях черного рынка. Вся эта золотая молодежь щебетала, обсасывая последние сплетни.

На Больших бульварах, на Елисейских полях можно было слышать жеманные восклицания, сопровождающие провозглашение очередных глупостей. Вот пример подобного диалога, донесенного до нас свидетелем:

— Это ужасно, слово чести! Вы слышали Барраса?

— О! Дорогой друг, вы правы, он произнес великолепную речь!

— А его любовница?

— Какая? У него их три.

— Конечно, Ланж!

Мадемуазель Ланж — бывшая певичка весьма легкомысленного поведения, только что вышедшая замуж за Симонса, богатого торговца каретами из Брюсселя, но чье тело продолжало украшать постель директора, вызывала некоторое время живейший интерес празднующихся. Они обсуждали ее похождения, перечисляли ее любовников, заключали пари о числе ее родинок, утверждали, что она подкрашивает свой "природный пушок" в цвета города Парижа, копировали фасоны ее блузок — короче, она была любимицей "золотой молодежи".

В конце сентября 1799 года она стала героиней маленького, типично парижского скандала. Она заказала свой портрет художнику Жироде, начавшему продавать свой талант. Художник выполнил заказ и выставил картину в Салоне, где она имела огромный успех.

Мадемуазель Ланж пришла полюбоваться на свой портрет в компании критика из журнала "Арлекин Салона". Остановившись перед полотном, она с ужасом воскликнула:

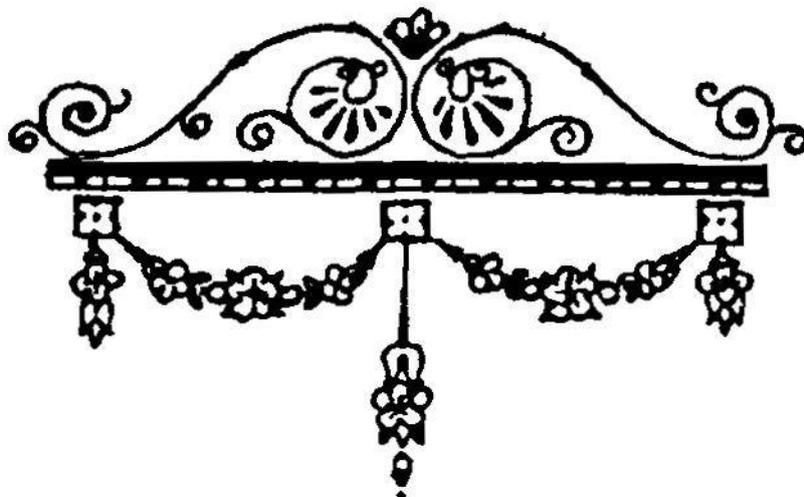
— Художник изменил мне нос! Какой позор! — и упала в обморок. Ее уложили на канапе. На следующий день сопровождавший ее критик опубликовал статью, в которой обрушился на Жироде.

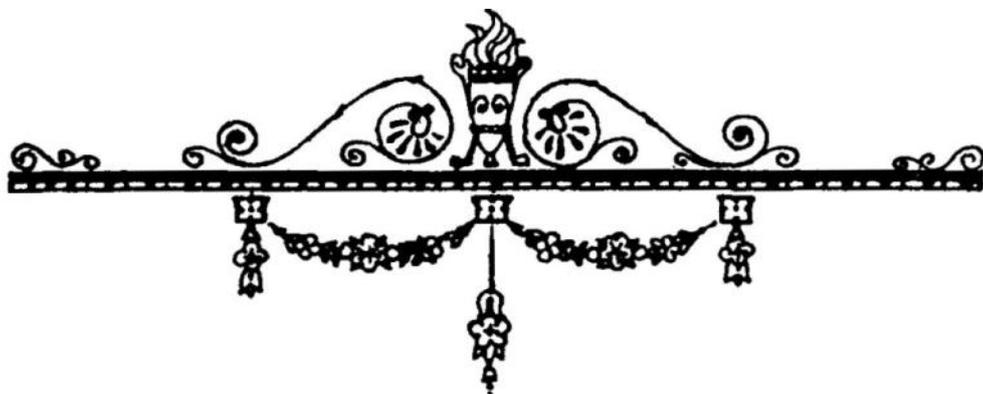
Рассердившийся художник пошел в Салон, снял портрет, разрезал его на мелкие куски, сложил их в пакет и отправил заказчице вместе с обломками рамы. После этого, желая достойно завершить свою месть, он отправился к себе и быстро стал писать другую картину. Через три дня восхищенная публика смогла лицезреть в Салоне большое полотно, изображавшее мадемуазель Ланж в образе Данаи, орошаемой золотым дождем. Рядом с ней был нарисо-

ван индюк, в котором нетрудно было узнать ее мужа. Какой-то остроумный человек сказал, смеясь:

— Теперь богословы не будут больше спорить, какого пола ангелы[9].

Так развлекался Париж в то время, когда Бонапарт тайно причалил к берегам Франции.

Бонапарт возвращается в Париж и находит свой дом пустым

Эхо! Эхо! Я слышу только эхо...
Старинная народная песня

9 октября 1799 года около полуночи на первом этаже своего дома на улице Победы Жозефина возлежала в нескромной влекущей позе, которую она видела на картине одного из художников уходящего XVIII века. Абсолютно голая, она томно раскинулась на постели рядом с Ипполитом Шарлем, и тот, забавляясь, "покалывал ее осенней маргариткой в самое священное место". Расцветая от таких шуток, она напоминала, по мнению Пьера Буле, — автора книги "Жозефина и любовь" — саму богиню Флору.

После любовного сражения они лежали среди смятых покрывал и разбросанных подушек с умиротворенной душой и сладострастно уставшим телом и, довольные жизнью, болтали о том о сем...

— Вот уже семь месяцев, как я не имею новостей от Бонапарта. И если он погиб в песках, это самое лучшее для него. Он конченный человек, — говорила Жозефина, пробегая своей тонкой рукой по бархатной груди Ипполита. — Я подсчитала недавно: я прожила с ним в общей сложности двенадцать месяцев, а с тобой — уже больше двух лет. — Рассмеявшись, она легко и ласково ткнула Ипполита в живот и закончила нарочито фамильярным тоном: — Мой настоящий муж — это ты! Я должна развестись и выйти замуж за тебя.

Ей было интересно, какое впечатление произвела эта фраза на Ипполита, и она искоса взглянула на него. Но то, что она увидела, не внушило ей надежды. Гусарский экс-капитан, испуганный таким внезапным предложением, принял на всякий случай отсутствующий вид и, ни слова не говоря, стал внимательно разглядывать потолок. Она смотрела на него несколько мгновений и не узнавала его. По мере того как в мозгу Ипполита проносились какие-то мысли, связанные с возможным союзом с Жозефиной, его брови сдвигались, глаза тускнели, уголки рта поползли вниз, и лицо постепенно стало похожим на маску брошенного Полишинеля.

Жозефина поняла, что выбрала неверный путь. Накануне она ходила за советом к Баррасу и Гойе, президенту Директории. Баррас высказался против развода, но Гойе, надеявшийся стать ее любовником, живо принялся уговаривать ее расстаться с Бонапартом и выйти замуж за Шарля.

Отсутствие энтузиазма, продемонстрированное самим Ипполитом, разрешило проблему... Неспособная долго задерживаться на одной мысли, даже вы-

завшей разочарование, она рассмеялась и принялась веселить Ипполита и щекотать его подмышки пальцами ног. Экс-капитан, поняв, что опасность миновала, облегченно вздохнул. Его лицо опять приняло обычное выражение, и он с легкостью, умением и талантом занялся "маленьким цветочным горшочком" Жозефины. Их ночь прошла как обычно насыщено, и утомленные любовники уснули в тот самый момент, когда по мосту Гранж-Бателье прогремел последний дилижанс.

На следующий вечер Жозефина, приглашенная на обед к Гойе, отправилась в Люксембургский дворец. На протяжении всего вечера гости обсуждали историю, о которой только и говорили в столице. Несчастливым героем этой истории был почетный член Академии. Вот как об этом писали "Тайные хроники Директории":

"Мсье Л. был большим любителем курьезов природы. Он работал над созданием музея, куда свозились любопытные экспонаты со всех частей света. Как-то раз ему доставили великолепную шкуру королевского тигра. Он набросил ее на стоящий в комнате манекен, придав ему вполне правдоподобный вид животного.

В то время, пока мсье Л. занимался зоологией, мадам Л., его супруга, страстно интересовалась молодым драгунским лейтенантом двадцати двух лет, прекрасным, как Адонис с фигурой гладиатора. Как только ученый муж уходил из дома, лейтенант превращал его кабинет в свою штаб-квартиру. Так продолжалось некоторое время к взаимному удовольствию любовников, которые в полном спокойствии наслаждались друг другом. Но пришло время, и подарок судьбы сменился неудачей.

Случилось так, что в тот момент, когда ученый муж должен был находиться в Академии, как думали любовники, тот неожиданно вернулся, да не один, а в сопровождении двух коллег, которых он привел взглянуть на шкуру тигра. Куда спрятаться любовнику? Все выходы закрыты. И тут пришла спасительная мысль... Мгновенно любовник заменил собой манекен под шкурой тигра. Тут вошел муж с приглашенными и обратился к жене:

— Дорогая, эти граждане пришли посмотреть мою шкуру.

— Вашу шкуру?!

— Да, шкуру нашего зверя.

— Да вот она!

— О, как она прекрасна! — И гости, восторгаясь, гладили шкуру и рассматривали со всех сторон. Один из них приподнял ее, чтобы рассмотреть обратную сторону.

— О, что я вижу! С изнанки тигра военная форма!

Гость потянул шкуру на себя, но почувствовал сопротивление. И тут шкура зашевелилась и раздалось рычание, весьма напоминавшее ругательство.

— Осторожно! — вскричал гость, — он, кажется, живой!

Гости бросились к двери и через минуту уже бежали по саду с такой быстротой, словно за ними гнался дикий зверь.

В пятидесяти метрах от дома они остановились, посоветовались и решили все-таки вернуться.

— Я был уверен, что он живой, — оправдывался обескураженный любитель редкостей.

Молодого лейтенанта, естественно, под шкурой уже не было, и когда трое ученых, замирая от страха, приподняли шкуру, они увидели обычный манекен. Муж успокоился и в тиши кабинета продолжал с гордостью гладить шкуру своего тигра, а в это же время его жена, невозмутимо лежа в широкой постели, с любовью гладила тело своего драгуна".

Жозефина еще продолжала смеяться над этой историей, когда гвардеец принес президенту депешу. Гойе пробежал ее глазами и, казалось, был ошеломлен. Повернувшись к гостям, он сказал:

— По телеграфу только что передали депешу — Бонапарт во Франции.

Это сообщение произвело эффект удара грома... Жозефина побледнела:

— Где он?

— Вчера он прибыл во Фрежюс. Самое позднее через два дня он будет здесь.

У Жозефины от волнения закружилась голова, и она почувствовала, что теряет сознание. У нее в голове проносились обрывки мыслей: "...По прибытии в Париж он, конечно же, узнает о моем неподобающем поведении... Ему все доложат Летиция, Люсьен и Жозеф, которые ненавидят меня. Конечно же, надо срочно ехать к нему навстречу... Обласкать его, освежить чувства..." Она встала:

— Я поеду ему навстречу. Очень важно, чтобы я опередила его братьев. Кроме того, я опасаясь клеветы. Но если он узнает, что сообщение о его прибытии я получила в обществе членов Директории, ему будет приятно.

Простившись со всеми, она тотчас возвратилась к себе, а на следующее утро в сопровождении дочери покатила в почтовой карете по дороге в Лион. Вот как описывает эту поездку будущая королева Гортензия:

"Генерал Бонапарт прибыл во Фрежюс в тот момент, когда его меньше всего ждали. Энтузиазм народа был так велик, что горожане устремились к фрегату и стали подниматься на него, нарушив правила карантина.

Положение Франции в это время было настолько ужасным, что к Бонапарту простерлись все руки и обратились все надежды простых людей. Я ехала с моей матерью ему навстречу. Мы проезжали Бургундию и в каждом городке, в каждой деревне видели воздвигнутые триумфальные арки. Когда мы останавливались менять лошадей, народ толпился возле нашей кареты, и нас спрашивали, правда ли, что прибыл "наш спаситель", — именно так называл его народ. Италия потеряна, финансы истощены, правительство Директории бессильно и не пользуется авторитетом — все это заставляло смотреть на него как на благословение небес".

Но Жозефина не думала о политике. Едва ли замечала она и триумфальные арки. С нахмуренным лицом, со взглядом, устремленным вперед, она думала: "Только бы первой увидеть его — и я буду спасена".

Приехав в Лион, она с изумлением увидела, что рабочие убирают цветы и флаги с портиков домов, снимают фонарики и скатывают плакаты с торжественными приветствиями в честь генерала. Жозефин заволновалась. Остановив свой экипаж, она высунула голову в открытую дверцу и обратилась к одному из рабочих:

— Я гражданка Бонапарт... Почему вы снимает флаги и все прочее?

— Потому что праздник кончился.

Жозефине стало не по себе, и она пробормотала:

— А где Бонапарт?

Рабочий сдвинул брови:

— Генерал Бонапарт? Он уже два дня как проехал...

Бедняжке показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Отказываясь тем не менее верить в такую реальность, она бросила:

— Этого не может быть! Я еду из Парижа, но не встретила его.

Рабочий рассмеялся:

— Это потому, что есть две дороги, мадам. Вы ехали через Бургундию, а он проехал через Бурбоннэ.

На этот раз Жозефина поняла, что пропала. Ош забилась в глубь кареты и была так подавлена, что не могла произнести ни слова. И, без сомнения, карета еще долго простояла бы в этом лионском предместье, если бы Гортензия не крикнула кучеру:

— Быстрее в Париж по дороге в Бурбоннэ, надо догнать его!

Не обращая внимания на тряску, Жозефина, мертвенно-бледная и неподвижная, размышляла. Первый раз в жизни она считала себя глупой, непоследовательной и легкомысленной. Она, такая хитрая, такая изворотливая обычно, будет покинута, высмеяна человеком, которого так приветствует Франция, который, может быть, завтра займет место Барраса, — и ради кого она пошла на это?! Ради какого-то недоноска, ради его дурацких каламбуров, ради мелких спекуляций и бесконечной лжи... Неумение предвидеть привело к тому, что ее поведение теперь живо обсуждается на всех бульварах и во всех театрах! К тому же она не сомневалась, что семья Бонапарта, конечно же, сообщит ему о ее похождениях... От этой мысли Жозефина застонала.

В свои тридцать семь лет, уже немного поблекшая, с испорченными зубами, с увядшей кожей, она рисковала быть отвергнутой. Она стала думать о своих двух детях, о долгах, которые наделала, чтобы купить Мальмезон и роскошно обставить особняк на улице Победы, одеваться и устраивать приемы. Если Бонапарт ее бросит, кто будет платить кредиторам? Кто согреет ее и даст радость жизни? Баррас? Гойе? Ни тот, ни другой не захотят обременять себя полуторамиллионным долгом и двумя детьми в обмен на сомнительные прелести и морщины, скрытые пудрой. Чувствуя себя глубоко несчастной, Жозефина тихо заплакала.

А в это время Бонапарт прибыл в Париж вместе с Евгением де Богарнэ. Чрезвычайно взволнованный предстоящей встречей с Жозефиной, он сразу же помчался на улицу Победы, где — он не сомневался — готовили торжественную встречу. Когда его экипаж остановился во дворе особняка Шантерен, корсиканец, позабыв все рассказанное Жюно и все свои подозрения, заставившие его так страдать в Каире, думал только об одном: прижать к себе обожаемое тело жены...

Он выпрыгнул из кареты, вбежал в дом и остановился как вкопанный. Вестибюль был темен и пуст. Он бросился в комнаты, распахивая все двери: всюду пусто и холодно. В ярости он вбежал на второй этаж, где увидел служанку.

— Где моя жена?

— Она поехала вам навстречу.

— Это неправда! Вы лжете! Она опять со своим любовником! Соберите все ее вещи, упакуйте и выставьте к консьержке. Пусть она заберет их, когда по-

явится!

В этот момент вошла Летиция со слезами на глазах.

— Я так ждала тебя, — сказала она, обнимая сына, и без промедления обрушила на него злобную тираду против Жозефины, несколько раз назвав ее шлюхой.

Вечером, еще более усугубив его одиночество, явились Жозеф, Люсьен, Элиза и Полина...

Укладываясь спать, Бонапарт твердо решил развестись...

На следующий день ему нанес визит Колло, богатый поставщик итальянской армии, финансовый соперник Уврара и Рекамье. Он нашел генерала в его комнате, тот с удрученным видом сидел у камина.

Бонапарт, и это было известно, никогда не мог ничего таить в себе. И он поведал Колло о своем решении. Бурьенн, приводя эту сцену в своих воспоминаниях, пишет, что Колло даже подпрыгнул:

— Как?! Вы хотите оставить свою жену?

— А разве она этого не заслуживает?

— Я не знаю, но сейчас не время думать об этом. Вы должны позаботиться о Франции. Она смотрит на вас. Вы видели, как вас приветствовали французы? И если сейчас вы начнете заниматься семейными дрязгами, ваш авторитет бесповоротно будет потерян. Для людей вы сразу станете обманутым мужем, персонажем комедий Мольера. Перестаньте думать о разводе. Если вы недовольны своей женой, то займетесь этим потом, когда не будет более важных дел. Вы должны поднять страну. И только после этого можете найти хоть тысячу причин для удовлетворения своих подозрений. Но сегодня во Франции нет никого, кроме вас, и вы слишком хорошо знаете наши нравы, чтобы позволить смеяться над собой с самого начала.

— Нет. Решено. Больше ее ноги не будет в этом доме. Мне все равно, что будут говорить обо мне, — отрезал Бонапарт. — О нас и так уже давно болтают. Среди массы слухов и нагромождения событий наш разрыв никто не заметит. Моя жена переедет в Мальмезон, а я останусь здесь. Народ и так достаточно знает и не удивится, если мы разведемся.

— Такая жестокость, — ответил ему на это Колло, — только доказывает, что вы ее по-прежнему любите. И это, пожалуй, оправдывает вас. Вы должны простить ее и успокоиться.

Бонапарт вскочил, как ужаленный:

— Я? Простить ее? Никогда! Если бы я не был в себе уверен, я бы вырвал свое сердце и бросил его в огонь!

На следующий день к одиннадцати часам вечера Жозефина приехала на улицу Победы. Консьержка, сильно смущенная, остановила ее:

— Генерал запретил пускать вас в дом...

Оскорбленная, словно получив пощечину, Жозефина разрыдалась. Тронутый ее слезами, привратник открыл ворота. У входа в особняк Агата, камеристка, ждала свою хозяйку.

— Генерал заперся на ключ в своей комнате, — прошептала она.

Жозефина, плача, поднялась наверх и постучала. Молчание. Она рыдала, просила открыть, затем легла на пол перед дверью, умоляя простить ее, не умолкая, лепетала, вспоминая их любовь, безумные ночи, горячие ласки и, наконец, нежно вздыхая, прислонилась головой к двери, не сомневаясь, что там,

в комнате, Бонапарт, раздираемый чувствами, тоже плачет...

Примерно через час доброй Агате, рыдавшей на лестнице, пришла в голову спасительная мысль отправиться за Гортензией и Евгением и попросить их помочь матери. Двое детей, став перед дверью, плача, как и все остальные, стали просить Бонапарта в духе того времени:

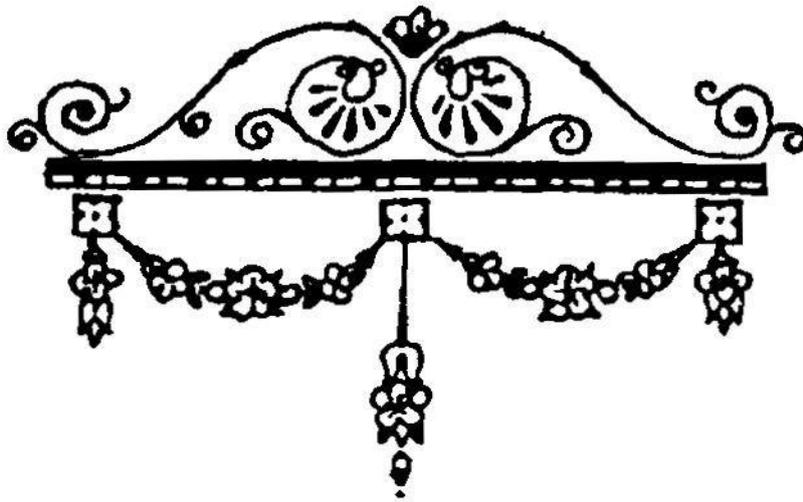
— Не покидайте нашу мать! Она умрет! Неужели мы, бедные сироты, у которых эшафот уже отобрал родного отца, лишимся и защитника, которого нам послало само Провидение?

После этого Бонапарт открыл дверь. Бледный, с блестящими глазами, он протянул руки, и Жозефина бросилась в его объятия. Послушаем, как он сам описывает эту сцену:

"Мое сердце не выдерживает вида льющихся слез. Я был глубоко взволнован и не мог видеть, как рыдают эти бедные дети. И я сказал себе: "Неужели они должны стать жертвами ошибок их матери?" Что мне было делать? Я думаю, нет ни одного мужчины, который смог бы вынести это".

После того как Бонапарт крепко поцеловал Жозефину, он отнес ее в постель, и на следующий день Жозеф, явившийся на улицу Победы, застал их там же.

По прошествии страстной ночи примирение состоялось...

Дезирэ Клари — тайная союзница Бонапарта

В политике нужно искать поддержки у женщин. Тогда мужчины сами пойдут за вами.
Адольф Гитлер

После отъезда своего брата Бонапарт встал, оделся и открыл окно. В комнату проникли запахи осени. Он с восторгом вдыхал их и наслаждался видом своего парка и Монмартрского холма с разбросанными по нему садами, виноградниками и ветряными мельницами... Земледельцы с мотыгами на плечах расходились по своим полям. С холмов, из деревушек Ле Шапель и Батиньоль, спускались запряженные осликами тележки, груженные фруктами, овощами, яйцами, направляясь на рынок Сент-Оноре.

Некоторые крестьяне привозили в город большие закрытые корзины с сырами и мясом для членов правительства. В это голодное время такие редкие продукты могли себе позволить только люди, занимающие высокий пост. Большинство продуктов питания стоило очень дорого, и простой народ, столько надежд возлагавший на революцию, находился в еще более тяжелом положении, чем до 9 года. Полфунта кофе стоило двести десять ливров, пачка свечей — шестьсот двадцать пять ливров, повозка дров — семь тысяч триста ливров. Сахар был настолько нормирован, что французы придумали забавный способ, чтобы дольше пользоваться им: кусок сахара подвешивали на длинной веревочке к потолку, и каждый член семьи опускал его на строго определенное время (одинаковое для всех) в чашку с кофе или настоем трав, заменяющим чай. А тот, кто осмеливался подержать его дольше, считался виновным, как настоящий вор.

Бонапарт знал обо всем этом. Его мать и братья рассказывали ему о нищете народа, об обесценивании денег, о махинациях на бирже и нечестности членов Директории. Ему хотелось знать об отношении парижан к правительству. Решительные действия, которые он намеревался предпринять, могли удасться только в том случае, если бы все жители столицы поддержали его, если бы он был уверен, что члены правительства осточертели всем слоям общества, и если бы, по его выражению, пришла пора "ловить момент"...

Он закрыл окно, поцеловал Жозефину, которая спала, улыбаясь во сне, и спустился к себе в кабинет, чтобы встретиться с разными людьми, пришедшими к нему с визитом.

Успокоившись телом и душой после ночи любви, он любезно принимал визитеров, умело расспрашивал их и за время своего первого рабочего утра сумел прощупать пульс населения Парижа. То, что он узнал, обрадовало его.

Режим был ненавистен народу, и почти каждый день жители столицы находили способ открыто посмеяться над пятью директорами.

Так, вечером, во время первого представления спектакля "Вертеп", в тот момент, когда четверо воришек, персонажей пьесы, появляются на сцене, какой-то зритель воскликнул: "Их только четверо! А где пятый?" И зал взорвался таким восторгом, что актеры, воодушевленные дружным смехом зала, подошли к рампе и начали аплодировать публике.

Бонапарт узнал также, что владелец парфюмерной лавки с улицы Луа заработал много денег, продавая веера, на которых были нарисованы пять зажженных свечей, и одна из них — средняя — возвышалась над другими. На одной стороне веера была надпись: "Погасите четыре", на другой — "Надо экономить".

Постепенно убеждаясь в полной недееспособности правительства, люди стали подумывать о возвращении монархии. И Бонапарт, который считался непримиримым республиканцем, несмотря на свои далеко идущие планы притворялся разгневанным, узнавая, что щеголи и франты, роялистские настроения которых не были ни для кого секретом, требовали восшествия на престол Людовика XVIII и распевали куплеты, направленные против Пятисот (члены Нижней палаты законодательного корпуса). Возможность роялистского заговора заставила Бонапарта задуматься. Его развеселил один случай.

Рассказывали, что какой-то гасконец послал записку в Совет пятисот, озаглавив ее "Записка в Совет 500 000". Когда кто-то обратил его внимание, что он добавил три лишних нуля, храбрый человек воскликнул: "Черт возьми! Я поставил столько нулей, сколько их там на самом деле!"...

И наконец, один посетитель полностью укрепил Бонапарта в его намерениях, сказав, что враги режима были бы полностью нейтрализованы, увидев падение Директории, и что два месяца назад, узнав о поражении под Абукиром, многие из них стали носить брелоки с изображением ланцета, листиков салата-латука и крысы. Этот ребус означал: "Седьмой год их убьет"[10].

Вечером Бонапарт с легким сердцем отправился вместе с Жозефиной в Театр Франсез. Когда они выходили из кареты, она сказала ему:

— Ты хорошо расправлялся с врагами, мой друг, а теперь надо прогнать пятерых мерзавцев, а не то они съедят нас, — и добавила, подмигнув: — Если нас начнешь есть ты, то соус, по крайней мере, будет с лавровыми листьями.

Бонапарт расхохотался над изящной шуткой жены и вошел в театр, где его тепло приветствовали люди, которые, казалось, от самого Фрежюса побуждали его к решительным действиям.

Действительно, пришла пора "ловить момент"...

Понимая, что для завоевания доверия людей необходимо продемонстрировать полное семейное счастье, Бонапарт весь спектакль нежно держал Жозефину за руку. Ведь в момент, когда он собирался захватить власть, малейшие семейные неурядицы могли бы вызвать катастрофические последствия. Надо было, чтобы народ, уставший от беспорядков режима Барраса, захотел, чтобы им управлял добродетельный человек, имеющий верную жену... Надо было, чтобы его семья стала символом того порядка, который он хотел установить во всей стране.

А тем временем в восьмистах лье от Парижа, на берегах Нила, влюбленная женщина готовилась к возвращению во Францию, где собиралась возобновить бурную любовную связь с Бонапартом. Этой женщиной была Полина Фур. Полина, которую корсиканец, занятый политическими заботами и обретя Жозефину, почти забыл.

После отъезда своего любовника бедная Беллилот, задержанная в карантине, отвергнутая прежними "друзьями", обратилась за помощью и защитой к Клеберу, новому главнокомандующему.

Быстро принимающий решения Клебер тотчас же уложил Полину в свою постель. И так как он был очень красив, Полина, которую уже начал тяготить обет целомудрия, не протестовала... Однако она любила Бонапарта, и единственным ее желанием оставалось вновь соединиться с ним, подарить ему сына, стать его женой.

Несколько раз она возобновляла свои просьбы помочь ей вернуться во Францию. Но эльзасец был рад удерживать около себя любовницу человека, которого он считал дезертиром, и отказывал ей. Целых два месяца Беллилот просила, умоляла его терпеливо и смиренно. Наконец, отчаявшись, она обратилась к доктору Деженетту и добилась от него разрешения отправиться в Марсель с очередным караваном судов. Очень обрадованная, она на следующий день получила паспорт и чек на кругленькую сумму вместе с такой запиской:

"Моя дорогая, Вам больше нечего делать здесь. Езжайте во Францию, где у Вас есть друг, который не сможет пренебречь интересом к Вам. Будьте счастливы и хотя бы иногда вспоминайте о том, кого Вы оставили здесь. У него, может быть, тяжелая рука, но будущее покажет Вам, что у него доброе сердце.

Клебер".

К этой любезной записке было приложено рекомендательное письмо к генералу Мену, коменданту Розетта:

"Дама, которая предъявит Вам это письмо, мой дорогой генерал, — гражданка Фур. Она желает попасть во Францию, чтобы соединиться с героем-любовником, которого она потеряла. Она ждет Вашего любезного содействия, чтобы это путешествие прошло в наикратчайшие сроки и в наиболее приятной компании. Обо всем этом она попросит Вас лучше, чем я.

Клебер".

Полина покинула Каир 15 октября, а через девять дней Мену отправил Клеберу следующее письмо:

"Дорогой генерал, красавица прибыла. Я предоставлю ей все услуги, которые в моей власти, но не хочу быть замешанным в какие-либо дела с ее мужем. Будьте уверены, что во Франции он станет болтать об этом. Этот неуравновешенный человек имеет много врагов, и в законодательном корпусе найдется кто-нибудь, кто сочтет эту галантную авантюру интересной темой для пересудов, что может сослужить нам дурную службу, если мы вмешаемся в это дело.

Мену".

Чтобы приятно провести время в ожидании отъезда, Полина стала любов-

ницей Жюно, который тоже готовился покинуть Египет. И, наконец, 25 октября они вдвоем поднялись на борт "Америки".

Если бы марсельские чиновники, осуществляющие санитарный досмотр, действовали так, как желала Полина, то она, едва ступив на берег, впрыгнула бы в почтовый дилижанс и немедленно покатила в Париж.

...И, может быть, не было бы государственного переворота 18 брюмера...

Члены Директории, так же как и противники будущего консула — якобинцы и роялисты — постарались бы открыть парижанам глаза на то, что человек, олицетворяющий для них аскетизм и добродетель, на самом деле "преследуется" своей сожительницей. Тотчас были бы написаны памфлеты, с саркастическим галльским юмором раскрывающие роль, которую сыграла Полина в Каире. Появились бы пасквилы, как пишет барон де Субей, "наполненные описанием грязных походов этого героя, имеющего теперь безупречную репутацию", которые разносчики газет распространили бы даже по самым бедным жилищам, и разочарованный народ стал бы думать, что этот Бонапарт такой же, как и все остальные...

Но марсельские чиновники исполнили свой долг, и Полина Фур, подозреваемая в наличии у нее бацилл чумы, как и у всех возвращающихся из Египта, должна была подчиниться строгим карантинным правилам.

И в то время, пока она томилась в лазарете, ее бывший любовник готовился свергнуть Директорию, изгнать тех, кого он называл "гнилью", и заменить конституцию Третьего года новой, собственной хартией, предоставляющей ему власть.

С помощью одного из директоров — Эмманюэля Сиейса (остальные — это Баррас, Роже-Дюко, Мулен и Гойе), у которого имелся уже готовый текст, он намеревался созвать Совет старейшин на чрезвычайное совещание, чтобы объявить там о готовящемся заговоре против безопасности государства и под предлогом защиты от заговорщиков заставить его перевести законодательный корпус в замок Сен-Клу (на самом деле надо было помешать депутатам поднять народ Парижа против Бонапарта), назначить нового главнокомандующего парижским гарнизоном и, наконец, предоставить Совету пятисот во главе с Люсьеном Бонапартом право выбрать трех консулов, облеченных полномочиями изменить Конституцию...

Поговорив со множеством людей и убедившись в поддержке всех слоев общества, корсиканец обнаружил в то же время, что есть один человек, фанатичный честолубивый якобинец, с которым ему предстояло бороться. Этот человек ненавидел его и завидовал ему.

Как-то раз Бонапарт сказал Бурьенну:

— "Я думаю, что Бернадот и Моро будут против меня. Моро я не боюсь: он слаб и безынициативен. Я уверен, что он предпочтет военную власть политической — он ее получит с обещанием получить командование армией. Но Бернадот! В нем течет мавританская кровь, он предприимчив и смел и связан с моими братьями. Он не любит меня и я почти уверен, что он будет против. Получив власть, он будет считать, что ему все дозволено".

Бурьенн, приводя этот разговор, добавляет: "Ходили слухи, что Бернадот высказал мнение о необходимости предать Бонапарта военному суду за то, что он покинул свою армию и обошел санитарные правила".

Чтобы нейтрализовать этого соперника, который мог поднять толпу из ра-

бочих кварталов и помешать государственному перевороту, Бонапарт решил обратиться к неожиданному и даже необычному союзнику — к Дезирэ Клари, своей бывшей невесте...

17 августа 1798 года Дезирэ вышла замуж за генерала Бернадота, "сделав, без сомнения, прекрасную партию, — пишет Фредерик Массон. — Этот непримиримый якобинец, бывший школьный учитель, уроженец Беарна, не отличался ни внешностью, ни красноречием, но был сметлив и расчетлив, любил вести двойную игру, считал мадам де Сталь лучшей из женщин за ее педантичность и в медовый месяц заставлял свою жену писать диктанты".

Однако этот досадный педантизм не помешал Дезирэ влюбиться в своего мужа. "Она любила своего мужа, — пишет герцогиня д'Абрантес, — но эта любовь стала настоящим бичом для бедного беарнца, который, не имея ничего общего с героем романа, тяготился своей ролью. Его мучили ее постоянные слезы. Когда он уходил, она плакала потому, что его долго не было; когда он только собирался уйти, она тоже начинала плакать; когда он возвращался, она снова плакала, потому что он опять должен будет уйти, хотя бы и через восемь дней".

Несмотря на свою наивную привязанность, Дезирэ не забывала человека, с которым четыре года назад обменялась клятвами вечной любви. И 6 июля 1799 года, став матерью толстого мальчугана, которому судьба предназначила взойти на шведский трон, она написала Бонапарту, прося его стать крестным отцом ее первенца...

Этот жест был маленьким женским выпадом, направленным против Жозефины, которую она ненавидела и называла "старухой". Зная, что Бонапарт очень огорчен, не имея до сих пор наследника, она думала также немного досадить и ему.

Был ли корсиканец уязвлен, как она надеялась? Об этом ничего не известно, однако в ответ он попросил назвать младенца Оскаром, и она выполнила его просьбу.

Когда Бонапарт возвратился из Египта, молодую женщину охватило сильное волнение. И если ее муж ничего не заметил, так как целиком был поглощен политикой, то Жюли, ее сестра, и муж сестры, Жозеф Бонапарт, были несколько удивлены. А когда Бернадот начал открыто проявлять враждебность по отношению к победителю пирамид, думал ли он, что Дезирэ, его жена, будет использована, чтобы утихомирить его и, может быть, даже вернуть в семейный лагерь?

Единственный из всех генералов, он не был представлен на улице Победы, хотя служил в Италии под командованием Бонапарта.

— Я не желаю подхватить чуму, — говорил он.

Через две недели, уступив просьбам Дезирэ, которой Жозеф и Жюли сделали внушение, Бернадот согласился нанести визит своему бывшему шефу. Эта встреча чуть не перешла в ссору. Упомянув о "прекрасной" ситуации во Франции, Бернадот посмотрел прямо в лицо Бонапарту и сказал:

— Меня не огорчают восторги Республики, я уверен, что она скоро поделит своих врагов на внешних и внутренних.

И не вмешайся Жозефина, которая очень ловко перевела беседу на пустяки, двое мужчин, несомненно, перешли бы к резким словам, а, может быть, и же-

стам...

Через несколько дней Бонапарт узнал от своего брата Жозефа, что Дезирэ, немного успокоившая Бернадота, приглашает его на завтрак к его противнику.

Вместе с Жозефиной он приехал на улицу Цизальпин, где жил беарнец, и был радостно встречен своей бывшей невестой, переполняемой чувствами. Он тотчас же ударился в бесконечные рассуждения с единственной целью — справиться с невероятным волнением, охватившим его. Во время завтрака молодая хозяйка как загипнотизированная смотрела на обожаемого гостя. Без сомнения, глядя на этого человека, чье имя заставляло трепетать весь мир и сводило с ума членов Директории, она вспоминала скромного маленького офицера, который ухаживал за ней в Марселе.

После завтрака обе семьи отправились в Мортефонтен, где Жозеф Бонапарт собирался покупать загородный дом. В карете Дезирэ, сидя напротив Наполеона и соприкасаясь с ним коленями, "чувствовала, как в ее сердце опять возрождается страсть, некогда владевшая ею". В Мортефонтене, оставив в стороне светские темы, мужчины обратились к волновавшим их вопросам. В то время как Жозефина использовала все свое обаяние в болтовне с Жюли и со своей бывшей соперницей, Бонапарт вел страстную дискуссию с Бернадотом. В этот момент Дезирэ и приняла решение идти навстречу политическим намерениям человека, которого она продолжала любить, сделать все, чтобы помочь заговорщикам, и, может быть, даже начать шпионить за своим мужем.

Эта неожиданная преданность со стороны покинутой невесты — не имела ли она под собой подоплеку? Некоторые историки с определенной долей достоверности полагали, что Дезирэ надеялась таким способом снова привязать к себе Бонапарта и оттолкнуть его от Жозефины... Эта гипотеза поддерживается и Леонсом Пинто, автором книги "Бернадот и Наполеон", который писал:

"Может возникнуть вопрос — не двигало ли ею чувство ревности и мести по отношению к мадам Бонапарт? Бонапарт возвратился в Париж, убежденный в неверности своей жены и полный решимости развестись с ней. А мадам Бернадот, охваченная нежными воспоминаниями, не видела ли она перспективу другого развода, который позволил бы ей вернуться к прошлому и соединиться с завоевателем Египта и властелином завтрашнего дня? В эпоху всеобщего падения нравственности такой план не был невозможным, и на это указывают некоторые традиции".

Как бы то ни было, при возвращении из Мортефонтена Дезирэ приступила к выполнению своего тайного и страстного плана, без которого Наполеону, без сомнения, не удалось бы совершить государственный переворот.

Каждое утро молодая женщина встречалась со своей сестрой Жюли и подробно рассказывала ей обо всем, что происходило в доме и о чем говорилось между Бернадотом и другими якобинцами, врагами Бонапарта. Она пересказывала содержание бесед, называла имена генералов, сторонников Директории, а ночью, перед тем как лечь в постель, с невинным видом спрашивала мужа, что он собирается сделать, чтобы помешать "этому разбойнику Наполеону" захватить власть.

В последующие дни сообщники Бернадота установили слежку за улицей Победы, опасаясь, как бы Бонапарт, внезапно подготовившись, не расстроил маневры своих противников.

Это странное сотрудничество, о котором упоминают лишь некоторые историки, было тем не менее достаточно известно многим современникам. Баррас, например, писал в своих "Воспоминаниях":

"Преданность мадам Бернадот корсиканцам превратилась в настоящую зависимость и увлекла ее к опасному раскрытию всех политических секретов своего мужа. — И добавляет: — Как Бонапарт с помощью Жозефа, так и Жозеф с помощью жены Бернадота делали свою политику от самой постели Бернадота".

Но последний был хитер. В конечном итоге он выразил удивление по поводу интереса к политике у своей жены. И в тот день, когда друзья предупредили его, что секретные разговоры, которые ведутся на улице Цизальпин, становятся известны Бонапарту, он понял, что его жена связана с заговорщиками. Слишком любя Дезирэ, чтобы высказать ей свои подозрения, Бернадот принял некоторые меры предосторожности. Послушаем Барраса:

"Заметив, что жена проявляет интерес к его делам, он стал осторожен (вследствие экспансивности ее характера) и перестал откровенничать. Если во время его бесед с личным секретарем в комнату входила мадам Бернадот, он замолкал или менял тему разговора, делая секретарю знак молчать в присутствии жены, которую он, смеясь, несколько раз назвал маленькой шпионкой".

Вечером 17 брюмера Бонапарт и Жозефина отправились на обед к министру юстиции Камбасересу. Корсиканец намеревался ввести в ряды своих сообщников этого известного юрисконсульта, пользующегося значительным влиянием. Как пишет в своей книге "18 брюмера" Альбер Оливье, "будучи великим магистром масонской ложи, имея брата архиепископа, Камбасерес принадлежал, так сказать, к особому миру. Однако большие связи не помешали ему стать объектом саркастических насмешек в популярных куплетах, сочиненных генералом Деникеном. Но никакие язвительные шутки не могли унижить достоинства Камбасереса, который продолжал спокойно жить в окружении своих любимчиков, белых как молоко и свежих как роса".

В эпоху хаоса Камбасерес не был одинок, окружая себя хорошенькими мальчиками. Их имел и Баррас.

Вечером 17 брюмера все собрались в салоне Министерства юстиции. Гости — а это были все заговорщики — обсуждали за обедом последние приготовления.

— А что Бернадот? — спросил Камбасерес.

— Мы можем больше не бояться его, — ответил Бонапарт. — Он будет упрямиться, будет говорить об уважении к конституции, принципах якобинцев и своей ненависти к виновникам беспорядков, но не станет предпринимать против нас ничего серьезного.

— Несколько дней назад вы называли его "человек-стена".

Бонапарт улыбнулся:

— Я нашел средство связать его по рукам и ногам, о чем он даже и не подозревает... И пусть в глубине души он желает нам поражения, но благодаря одному нашему помощнику, имя которого я вам однажды назову, сегодня он ненавидит нас гораздо меньше. (Уже находясь на острове Святой Елены, Наполеон поведал генералу Гурго, что его сообщницей была Дезирэ.)

— А как насчет президента Гойе?

— У меня есть одна идея, — хитро сказал Наполеон.

Пробило двенадцать часов. Бонапарт встал, попрощался и ушел вместе с Жозефиной. Придя домой, он усадил Жозефину за бюро.

— Надо обезвредить Гойе, — сказал он. — Я приглашен завтра к нему на обед. Но этого мало... Надо удержать его здесь утром. Он влюблен в тебя. Ты должна попросить его прийти сюда. Пиши... — И он стал диктовать: — "Приходите, дорогой Гойе, вместе с женой ко мне на завтрак к восьми часам утра..."

Жозефина подняла голову:

— К восьми утра? Но это покажется ему странным.

— Ничего... Он подумает, что ты скучаешь по нему и будет польщен. Продолжай: "Пожалуйста, не отказывайтесь. Мне необходимо обсудить с вами кое-что очень важное. Прощайте, мой друг, и всегда рассчитывайте на мою искреннюю дружбу. Подпись: Лапажери-Бонапарт".

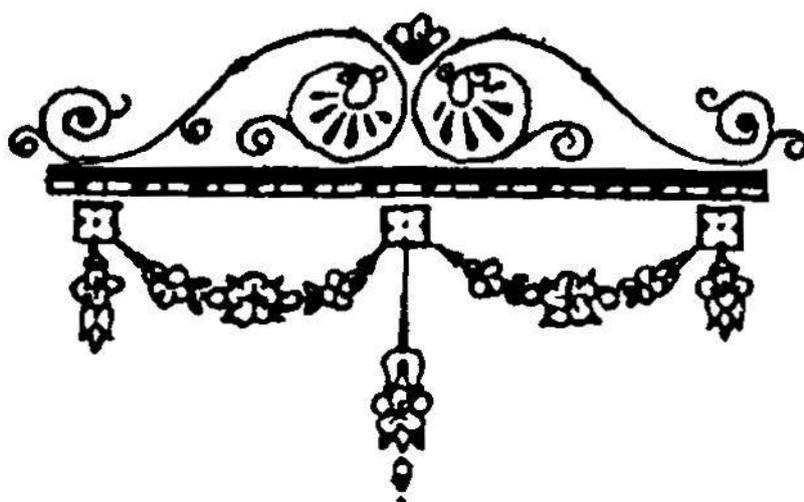
После того как Жозефина расписалась, Бонапарт расхохотался:

— Итак, благодаря тебе Гойе будет завтра либо моим сообщником, либо моим пленником.

Тот же генерал Гурго приводит признания Наполеона, сделанные им на Святой Елене:

"Гойе — этот бонвиван, но идиот, часто приходил ко мне. Я не знаю, был ли он моим сторонником, но он ухаживал за Жозефиной. Каждый день в четыре часа он приходил к нам. Назначив дату 18 брюмера, я хотел устроить ему ловушку. В целях конспирации все позволено. Я хотел, чтобы Жозефина любым способом заставила его прийти к восьми утра. Я заставил бы его, хотел он того или нет, присоединиться ко мне. Он был президентом Директории, и его участие много стоило".

Несмотря на позднее время — было уже полночь — Бонапарт послал своего адъютанта с запиской в Люксембургский дворец; затем отправил послания Моро, Макдональду и Лефевру с просьбой прибыть к нему верхом рано утром. После чего, немного взволнованный, он отправился спать. Было около трех часов утра.

Любовь помогает совершить государственный переворот 18 брюмера

Со времен Адама нет ни одного злодеяния в мире, к которому не была бы причастна женщина.
Уильям Теккерей

18 брюмера Бонапарт поднялся в пять часов утра. Он открыл окно, поискал взглядом "свою звезду", нашел ее между двух деревьев, еще более крупную, еще более яркую, более голубую, чем прежде, и успокоился. Приведенный в бодрое настроение этим подмигиванием судьбы, направился в ванную, напевая модную песенку "Вы бросили взгляд на меня, Маринетта" и безбожно перевирая мотив.

В шесть утра дом задрожал "от топота целого легиона", разбудившего всех обитателей улицы Победы. Четыре сотни драгун под командованием полковника Себастьяни прошли перед особняком Бонапарта, направляясь к дворцу Тюильри в соответствии с разработанным планом.

Удивленные этим утренним воинским маршем жители в халатах и ночных чепцах настороженно выглядывали из окон, прячась за притворенными ставнями.

Генералы в полном обмундировании, в сапогах, белых рейтузах и треуголках с трехцветными султанами верхом на лошадях прибывали к дому Бонапарта. Парижане видели, как подъезжали Мюрат, Ланн, Бертье, Жюно, Моро, Макдональд и многие другие, имен которых они еще не знали. Вскоре соседи будущего императора принялись обсуждать увиденное. Один из мемуаристов приводит разговор четы Барон и мадам Сулар с улицы Виктории:

— Должно быть, сегодня будет охота на "гнилушек".

— Это было бы хорошо...

— Сегодня вечером у нас, может быть, будет король.

— Тише, пожалуйста.

— Я повторяю то, что слышал... Говорят, что Баррас попросил графа Прованса взойти на трон.

— Замолчите! Не для того делали революцию, чтобы опять призвать короля... Нам нужен добрый республиканец, честный и благородный. Я надеюсь, что генерал Бонапарт решил сместить этих пятерых "гнилушек"...

А в восемь часов утра, в то время как в Тюильри Совет старейшин был извещен о секретных приготовлениях Бонапарта к так называемому роялист-

скому заговору, супруги Барон увидели даму, приехавшую на улицу Победы. Это была мадам Гойе, которая прибыла на завтрак одна — Гойе почему-то решил поостеречься.

К восьми утра, когда вся улица была запружена каретами, лошадьми, гвардейцами и офицерами, которые общались между собой в основном жестами, приехал Жозеф Бонапарт вместе с генералом Бернадотом, одетым в гражданское платье. (Через полчаса он выйдет из дома Бонапарта, бледный от гнева.)

Увидев вошедшего Бернадота, корсиканец даже подскочил:

— Как, вы не в мундире?!

Тот независимо выпрямился:

— Я не был на службе.

— Совет старейшин назначил меня сегодня комендантом Парижа, командующим национальной гвардией и всеми войсковыми подразделениями. Идите наденьте мундир и присоединяйтесь ко мне в Тюильри.

— Никогда!

— В таком случае вы останетесь здесь до тех пор, пока я не получу декрет Совета старейшин!

Бернадот побледнел и схватился за шпагу:

— Лучше я умру, но не стану человеком, которого удерживают против его воли!

Бонапарт, хорошо зная, что Дезирэ держит мужа в руках, улыбнулся:

— Единственное, о чем я прошу вас, генерал, — дайте честное слово, что ничего не будете предпринимать против меня.

Беарнец на мгновение задумался. Последняя — и очень удачная — фраза Бонапарта тронула его. Ему не хотелось идти против желания жены. Бернадот поднял голову:

— Да! Как гражданин я даю слово чести не выступать против вас.

— Что вы подразумеваете под этим?

— Я не пойду ни в казармы, ни в другие общественные места и не буду обращаться ни к солдатам, ни к народу.

И он вышел, в ярости хлопнув дверью. В тот момент Бернадот еще смог бы помешать Бонапарту. Ему достаточно было пойти к друзьям в Ассамблею, поднять тех, кто проходил по улице Победы и заставить проголосовать за декрет, ставящий Бонапарта вне закона.

Послушаем Тибодо:

"Обнародовав декрет, уже подготовленный Ожеро и Журданом и ставящий Бонапарта вне закона, Бернадот мог бы поднять гренадер и другие полки. Но он любил свою жену и молчал о готовящемся событии. Связанный своим обещанием ей, он остался в стороне".

Позже Бернадот признается в своем "малодушии" и скажет Люсьену, роль которого в качестве президента Совета пятисот остается не до конца ясной:

— "Да, вы совершили преступление против власти, против вашей республиканской совести, и вы знаете это лучше меня... Но могу ли я упрекать вас в том, что вы не последовали примерам патриотизма, которые дала нам история, если я сам, уступив просьбам Жозефа, не сделал того, что должен был сделать? Почему? Потому, что Жозеф — муж Жюли, сестры Дезирэ, моей жены... Вот каким образом готовилась судьба великой империи..."

Вы знаете, что все Сент-Антуанское предместье было на моей стороне, с на-

ми были войска, народ подчинился бы моему приказу и не остался в дураках. Нет, все пошло не так, как следовало. Восторжествовала слабость: благодаря вам и благодаря мне — я дал себя завлечь прекрасными словами в тот момент, когда мог всему помешать!"

В очередной раз любовь сыграла роковую роль в истории Франции.

В девять часов утра чета Барон и мадам Сулар, оставившие все свои дела, увидели казенный экипаж, остановившийся перед домом Бонапарта. Из него вышли три человека, один из которых оказался государственным курьером в форменном мундире.

— Это делегация из Ассамблеи, — сказал мсье Барон. — Они приехали за Бонапартом, чтобы предоставить ему власть.

Но мсье Барон в своем энтузиазме немного поторопил события. На самом деле эти три человека прибыли, чтобы передать корсиканцу секретную депешу Совета старейшин, который в целях конспирации был переведен в Сен-Клу. В послании говорилось, что "генерал Бонапарт, назначенный командующим парижским гарнизоном, должен принять все необходимые меры для соблюдения безопасности национального представительства".

Это послание, отредактированное его сообщниками, должно было помочь корсиканцу свергнуть Директорию.

Четверть часа спустя супруги Барон и мадам Сулар увидели, как из особняка Шантерен выбежали гвардейцы, вскочили на лошадей и сразу взяли в галоп.

— Они поехали, чтобы арестовать членов Директории, — сказала мадам Сулар. Но храбрая женщина ошиблась. Гвардейцы отправились развешивать воззвания и распространять листовки, которые Бонапарт велел отпечатать накануне.

"Внезапно, — как свидетельствует Гастон Понтье, — все обитатели улицы Победы одновременно воскликнули: "Вот он!" Со всех сторон раздавалось: "Да здравствует Бонапарт! Спасите Республику! Долой Директорию!"

Корсиканец появился на белом коне, сопровождаемый генералами. Под возгласы приветствия кортеж направился по бульвару Мадлен к Тюильри. К десяти часам Бонапарт принял присягу перед Ассамблеей. В одиннадцать часов Сиейес, Роже Дюко и Баррас сложили свои полномочия, а Гойе и Мулен, отказавшиеся подать в отставку, были взяты под стражу в Люксембургском дворце. К полудню Директория перестала существовать.

Вечером, довольный собой, Бонапарт возвратился на улицу Победы, где его ждала Жозефина.

— Все прошло очень удачно, — сказал он ей. — Настолько удачно, что я даже не успел произнести в Тюильри заготовленную речь.

— Какая жалость! — сказала Жозефина, садясь к нему на колени. — Ведь речь была так хороша! Мне очень нравятся фразы из нее: "Я вам оставил мир, а сам вновь обретаю войну; я оставил вам завоеванное мною, а враг пересек ваши границы..."

— Постой, — сказал Бонапарт, — я не произнес эту речь в Тюильри, но народ ее все же услышал... После сессии, когда я находился в саду с Ботто, ко мне подошел секретарь Барраса и объявил об отставке нашего друга. Вокруг собралось много солдат, и там я произнес речь, которая тебе так понравилась...

Успех был необыкновенный!

Восхищенная Жозефина поцеловала мужа в шею:

— Бедный Ботто, должно быть, он был очень удивлен, что ты обратился к нему в таких торжественных выражениях.

— Наверное, но я постарался тихо успокоить его, пока мне аплодировали.

— А что же Ботто? Он последовал за Баррасом?

— Нет, он решил оставить политику и опять стать дантистом.

— Что ж, он поступил мудро, — вздохнула Жозефина.

Бонапарт не ответил. Держа на коленях любимое тело креолки, он не имел ни стремления, ни возможности философствовать... Все его существо буквально воспламенилось желанием, которое вернулось к нему после длительного нервного напряжения. Более того, ощущение собственной силы после победы поставило его в положение, позволяющее достойно принять почетное участие в чувственной церемонии в духе древнегреческого бога Приапа. Для этого ему нужна была женщина: как победителю на время короткой передышки, отпущенной ему на поле сражения. Ему требовалось возложить на алтарь постели свой дар и талант сверхчеловека.

Назначение его главнокомандующим армией Парижа, отставка Барраса, падение Директории, переезд Ассамблеи в Сен-Клу — все эти победы привели его вечером 18 брюмера в галантное настроение. Он взял Жозефину на руки, отнес ее в постель и там с неистовым пылом доказал, что он один обладает такой мужской силой и страстью, которых хватит на всех свергнутых директоров.

После упятеренного выражения чувств он поцеловал свою супругу, еще продолжавшую мурлыкать от удовольствия, и отправился спать к себе в комнату.

День Бонапарта был очень насыщенным. Он принял два важных решения, заставив проголосовать членов Ассамблеи за новую Конституцию VIII года и создание института временных консулов. Оставалась самая трудная часть.

Перед тем как лечь спать, Бонапарт положил рядом с собой два заряженных пистолета. На всякий случай...

Утром 19 брюмера в Париже было очень спокойно. Простой народ, ничего не понимающий в политике, решил, что раз Бонапарт "взял власть", значит он "возглавил правительство".

Прошел слух, что тело маршала Тюренна выставлено в зале Музея естественной истории между скелетом жирафа и панцирем гигантской черепахи. Неясность информации будоражила умы парижан. Но, к счастью, газеты вскоре успокоили людей. Вот как одна из них осветила странное событие:

"Тело Тюренна покоится теперь в Естественном-историческом музее рядом со скелетом жирафа. Вряд ли останки великого воина достойны быть выставленными на обозрение невеждам. Не насмешка ли это? Ведь могло быть совершено преступление. Это место выбрано не случайно. Напротив. В нем видели возможность спасти тело маршала от поругания.

Три года назад гражданин Дефонтен, профессор Ботанического сада, проходя через Сен-Дени, понял, что власти обрекают на последние муки и бесчестие этого аристократа, дух которого все еще с нами. Тогда он отправился в мэрию, от имени Парижского ботанического сада попросил выдать ему тело маршала и доставил его в музей под нож хирурга-патологоанатома. Такова предысто-

рия появления Тюренна в музее. Нет, он находится там не в качестве объекта изучения, но потому, что естественная история вступилась за него в тот момент, когда справедливость и общественное признание отвернулись от него, она дала ему приют и убежище, отнюдь не желая унижить его".

Такое объяснение успокоило честных людей. Позже останки Тюренна были помещены в Музей французской монументальной скульптуры, а в 1800 году по распоряжению Наполеона их торжественно перенесли в Дом инвалидов.

В то время когда парижане были заняты судьбой останков Тюренна, Бонапарт прибыл в Сен-Клу, где депутаты готовились к заседанию Ассамблеи. Страсти были накалены. На трибуну один за другим поднимались депутаты, чтобы выкрикнуть: "Долой диктаторов! Да здравствует Конституция! Нет — Кромвелю!"

В три часа дня Бонапарт, дрожа от нетерпения, проник в зал заседания Совета старейшин, полагая, что враждебное настроение депутатов сменится благосклонностью, если он напомнит им о своих заслугах перед Францией. Но увы! Как всегда, пытаясь импровизировать, он увлекся пространными рассуждениями, долго подыскивал нужные слова, и в результате услышал, что по рядам прокатывается недовольный ропот. Послушаем Бурьенна:

"Все речи, которые до сих пор произносил Бонапарт, не были предназначены для благородного собрания. И сейчас члены ассамблеи слышали только о "братьях по оружию" и о "привилегиях солдата". Он все время говорил о "глухом сопротивлении", "вулканах гнева" и "победах оружия". Потом вспомнил Цезаря, Кромвеля, Тирана и несколько раз повторил: "Мне нечего вам сказать, кроме..." И — ничего не сказал"...

Внезапно один из членов Ассамблеи воскликнул:

— А Конституция?!

И тут Бонапарт растерялся, начал бормотать что-то невнятное и, как пишет Бурьенн, "никто ничего не понял, кроме: "18 фруктидора... 30 прериалея... лицемеры... интриганы... Я собираюсь вам все сказать... Я откажусь от власти тотчас же, как пойму, что угроза Республике миновала..."

Ропот зала стал угрожающим, а речь Бонапарта — еще более бессвязной... Несколько раз председательствующий просил его выражаться яснее. Не зная, что ответить, Бонапарт начал кричать:

— Помните, меня защищает бог победы!

Бурьенн потянул его за рукав, призывая успокоиться:

— Генерал, вы уже не понимаете, что говорите, — и, взяв его за руку, повел к выходу из зала. В коридоре корсиканец увидел своих друзей. Сиейес выдохнул:

— Все пропало!

Сознавая, что был неправ, и желая исправить свою неудачу, Бонапарт бросился в Оранжери, где заседал Совет пятисот. Его появление было встречено яростными выкриками:

— Вон отсюда! Вы не имеете права здесь находиться! Вы нарушаете закон! Диктатора — вне закона!

Несмотря на призывы к спокойствию председательствующего, Люсьена Бонапарта, генерала вытолкали из зала. Увидев в коридоре Сиейеса, он пробормотал:

— Генерал! Они хотят объявить меня вне закона, — и упал в обморок.

Услышав слово "генерал", аббат Сиейес, который никогда не был военным, подумал, что Бонапарт уже не пользуется авторитетом, а значит, государство рухнуло окончательно. Казалось, все кончено. Но тут Люсьену пришла в голову спасительная мысль. Он выбежал к гвардейцам, крича, что только что убили его брата. Гвардейцы, взбудораженные ложным известием, окружили Оранжери. Воспользовавшись этим волнением, Мюрат вскричал, указывая на зал заседаний:

— Отомстим за нашего генерала! Туда — и разгоните их всех!

Солдаты только и ждали этого приказа. Со штыками наперевес они вбежали в зал. Депутаты бросились спасаться: кто через дверь, кто через окно...

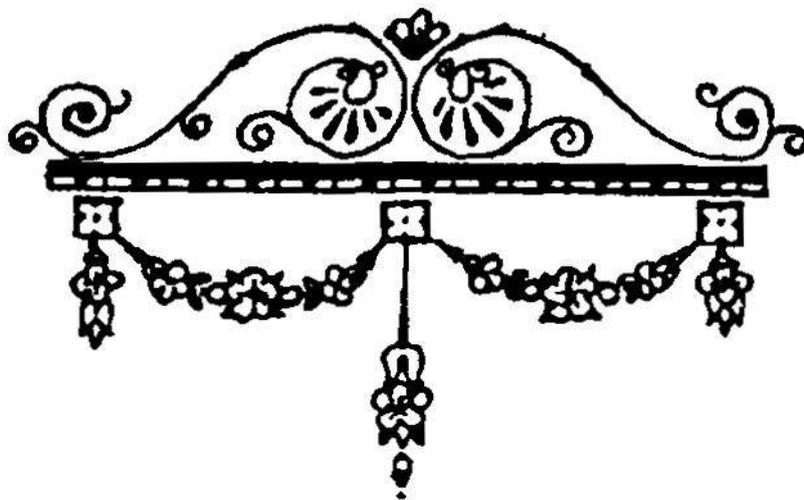
К полночи Люсьену удалось собрать три десятка "охвостья избранных" и заставить их принять указ о создании консульской исполнительной комиссии в составе граждан Сиейеса, Роже Дюко и Бонапарта. Фарс был разыгран, и впечатлительный генерал смог наконец вернуться к себе. Еще раз послушаем Бурьенна, который проводил Бонапарта до улицы Победы:

"Около трех часов утра мы с Бонапартом возвратились в Париж. Преодолев столько препятствий и испытав сильное волнение, Бонапарт очень устал. Он был погружен в свои мысли: перед ним открывалась новая жизнь. Но дома, едва поднявшись наверх и поздоровавшись с женой, уже лежавшей в постели, он весело спросил:

— Бурьенн, я наговорил много глупостей?

— Немало, генерал".

Но вскоре все было забыто, и уже на следующий день в Париже появилась новая песенка, лестная для Бонапарта. Будущий император опять становился любимцем народа.

Грассини изменяет Наполеону со скрипачом

Он прекрасно владел смычком...
Мадам д'Абрантес

20 брюмера (11 ноября) Бонапарт и Жозефина пребывали уже в Люксембургском дворце. Генерал-консул гордо прохаживался по залам дворца, в котором он теперь обосновался.

— Могла ли ты себе представить, что в один прекрасный день ляжешь спать в замке брата короля?

Креолка только улыбнулась в ответ. Бонапарт решил, что она настолько восхищена, что не находит слов. На самом же деле Жозефина улыбалась, думая о причудах судьбы, приведшей ее с мужем в эти залы, в которых она столько раз находилась обнаженной наедине с Баррасом.

Три месяца Бонапарт и Жозефина оставались в Люксембургском дворце. Каждое утро за завтраком Наполеон принимал посетителей, читал доклады, подписывал письма, узнавал новости, входя таким образом в обязанности главы государства. Когда все уходило, он беседовал с Жозефиной, напевал вместе с ней модные куплеты или просто сидел задумчиво, делая перочинным ножом надрезы на ручке своего кресла. Занятие, мало обогащающее разум, но зато менее обременительное для французской казны, чем содержание любовницы, и к тому же оставляющее время для размышлений о собственном будущем.

12 декабря была провозглашена новая Конституция, передававшая исполнительную власть Бонапарту, который получил титул Первого консула. Два других консула, Камбасерес и Лебрен, должны были помогать ему. Вскоре Бонапарт переехал в Тюильри. Однажды он похлопал по плечу своего секретаря и сказал:

— Бурьенн, попасть в Тюильри — это еще не все, надо суметь здесь остаться.

Осматривая свои апартаменты, Бонапарт обнаружил, что на стенах нарисованы фригийские колпаки. Он позвал архитектора Лекомта:

— Я не хочу видеть у себя подобную мерзость. — Затем увлек Жозефину на королевское ложе: — Ну, маленькая креолка, вы приглашаетесь в постель ваших хозяев...

Верный своей привычке отмечать свои победы с дамой в постели, он воссоединился с нею, чтобы вкусить "самый прекрасный грех в мире".

Через несколько дней Наполеон, озабоченный своим авторитетом у народа и уставший от войн, написал письма правителям всех крупных европейских

стран с предложением мира. Россия и Пруссия благосклонно встретили эти послания и установили с Францией дружественные отношения, но Австрия и Англия остались глухи к проектам ослабления напряженности. Значит, мир надо было завоевать ценой самой великой победы. И Бонапарт вновь принялся кромсать свое кресло, размышляя над планами предстоящих сражений. В начале февраля его работа краснодеревщика была прервана приездом Дюрока. Он протянул Бонапарту письмо.

Бонапарт сломал сургучные печати и, пробежав глазами по строчкам, побледнел. Письмо было от Полины Фур.

Покинув марсельский лазарет, молодая женщина узнала об удивительном восхождении своего любовника. Уже видя себя в Люксембургском дворце на месте Жозефины, она вскочила в карету и помчалась в Париж. Там она сразу же разыскала нескольких старых египетских друзей: Бертье, Ланна, Мюрата и Бертолле — в надежде, что они помогут ей вновь приблизиться к новому властелину Франции. Но все они попросту выпроваживали ее, а один из них даже попросил покинуть его кабинет, сказав: "Первый консул не нуждается в шлюхах". Тогда Полина обратилась к Дюроку, который уже был ее посредником. Именно об этом и было написано в письме, доставленном Наполеону.

Взволнованный Бонапарт сложил письмо и задумчиво положил его в карман.

— Это невозможно, — сказал он внезапно. — Невозможно. Пойди скажи ей, что, если бы я руководствовался только своими чувствами, я бы открыл ей объятия. Но новое положение обязывает меня подавать пример, и я не могу позволить себе поместить любовницу рядом с моей женой, — и добавил: — Пойди скажи ей, что я не только не смогу встретиться с ней, но советую ей покинуть Париж. Пусть она снимет дом где-нибудь в окрестностях Парижа и постарается быть поскромнее, а я позабочусь, чтобы она ни в чем не нуждалась. Для начала выдели ей шестьдесят тысяч франков.

Выпроводив Дюрока, Бонапарт снова принялся за ручку кресла, погружившись в размышления о войне.

А Полина, расположившись в небольшом особняке в Бельвиле, несколько месяцев не оставляла намерений встретиться с Первым консулом. Ее видели на балах, в театрах, в опере. Но ей так и не представился желанный шанс. Летом 1801 года появился Фур и предложил ей возобновить совместную жизнь, тем более что их развод не был оформлен по правилам французского законодательства. Об этом известили Бонапарта, и тот велел Полине под угрозой выселения из Франции оформить брак с бывшим мужем. Но Беллилот, у которой было много поклонников, благосклонно принимала ухаживания шевалье де Раншу. Она вышла за него замуж в октябре 1801 года. Первый консул в качестве свадебного подарка предложил жениху пост вице-консула в Сантандере, и молодые супруги вскоре выехали в Испанию.

В апреле 1800 года у Франции было четыре армии: Северная — под командованием Брюна, Данубская армия во главе с Журданом — ей вскоре надлежало переправиться через Рейн, Швейцарская армия под командованием Массена, которая разбила швейцарцев под Цюрихом, и Итальянская армия, в беспорядке разбросанная по ущельям Апеннин.

Австрия имела две армии: одну — в Италии под командованием маршала

Меласа, она должна была захватить Геную, Ниццу и Тулон, где уже находились англичане; другая армия была расквартирована в Германии. Линия наступления протянулась от Страсбурга до Вара.

В начале мая Моро, преодолев Рейн, разделил австрийские армии на две части. Именно тогда Наполеону пришла идея: перейти Альпы через перевал Большой Сен-Бернар с сорокатысячной армией, стремительным броском приведя в замешательство Меласа, находящегося в Ломбардии. 6 мая, оставив Париж, Бонапарт отправился в Швейцарию. В Женеве он намеревался приступить к осуществлению своего плана, разработанного заранее.

Увлеченный военными планами, он тем не менее отложил в сторону свои военные карты и предался воспоминаниям о сладостном теле Жозефины. Однажды вечером он написал ей забавное письмо, свидетельствующее о направленности его мечтаний:

"Я в Женеве, моя дорогая подруга. Я получил твое письмо от 27 флореаля (июня. — *Авт.*). Я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты чаще писала мне. Тысяча приветствий маленькой кузине... Посоветуй ей быть благоразумной. Слышишь?"

Надо ли уточнять, что выражение "маленькая кузина" относилось к самой любимой им части тела жены, так же как и "маленький черненький лесочек", "хорошенькая корзиночка" и "прелестная консулесса"...

Переход через Большой Сен-Бернар начался в ночь с 14 на 15 мая. Сорок тысяч солдат, тысячи лошадей, тонны продовольствия, сотни пушек — все было переправлено через перевал за несколько дней. И в то время как Мелас еще отказывался верить приходу французов, Бонапарт триумфально вошел в Милан.

Одним из празднеств, устроенных в его честь, был концерт в Ла Скала. Он имел весьма галантное продолжение. Увидев на сцене блистательную Грассини, восхищенный Наполеон спрашивал себя, почему он отказался от нее два года назад, когда она сама предложила ему свою любовь? Великолепный голос певицы окончательно покорил его. После спектакля, более бледный, чем обычно, он встретился с Грассини. После слов приветствия она напомнила ему, что ее дебют пришелся как раз на время первых подвигов генерала итальянской армии.

— Тогда, в "Деве Солнца", я была в самом расцвете своей красоты и таланта. Все были влюблены в меня, я воспаляла все сердца. И только молодой генерал остался холоден, хотя сам покорил меня. Как странно! Мне предлагали целые состояния, вся Италия была у моих ног, но я бы охотно пожертвовала всем этим за один ваш взгляд. Но вам это было не нужно. И теперь вы сваливаетесь на меня, — но я уже недостойна вас.

Желая убедиться в том, что примадонна все еще достойна его, Бонапарт тотчас же пригласил ее к себе на ужин и перед десертом, не в состоянии больше владеть собой, бросился вместе с нею на постель. Издав громкий, но очень мелодичный крик, она с радостью отдалась ему.

Рано утром Бурьенн, пришедший сообщить Первому консулу о капитуляции Генуи, нашел любовников крепко спящими в объятиях друг друга. 13 июня Бонапарт покинул Джузеппину и отправился бить австрийцев при Маренго[11]. Но вернулся очень быстро, чтобы в дуэте слиться с ней в постели.

"Наиболее великие любовники, — пишет со всей серьезностью доктор Симон Уолтер в своем трактате "Секс и все, что вокруг него", — обычно устраивают себе передышки в любви, дабы избежать пресыщения и иметь время набраться сил, черпая вдохновение в других занятиях, восстанавливающих тонус, который необходим, чтобы вернуть увядшему ростку его гибкость и силу".

Подчиняясь этим общим законам, Бонапарт и Грассини использовали свои передышки для посещения артистических кругов Милана. Они встречались с композиторами, артистами, художниками, музыкантами, дирижерами. Однажды они пригласили к себе знаменитого певца Марчези, о котором говорили, что он "вызывает эхо из ложа прекрасных зрительниц". Но, как все недалекие люди, этот певец обожал мишурный блеск. Он был шокирован, увидев простой мундир Бонапарта, и стал презирать его. Когда Первый консул попросил Марчези спеть арию, тот выпрямился во весь свой маленький рост и с надменным видом обратил на Бонапарта испепеляющий взгляд:

— Синьор дженераль, если это та ария, которая вам нужна, вам лучше всего слушать ее в другом конце сада.

Бонапарт не любил подобных шуток и Марчези был тотчас же арестован и заключен на шесть месяцев в тюрьму.

В другой раз Бонапарт познакомился с Крессентини — знаменитым певцом. Его голос кристальной чистоты являлся результатом такой же операции, которой подверг себя много лет назад Абельяр. Будущему императору, пожелавшему отметить заслуги певца, пришла в голову странная идея: он вознамерился наградить кастрата крестом "За храбрость". Естественно, этот поступок многих возмутил. Кое-кто утверждал, что особа, потерявшая мужские достоинства, не имеет права носить медаль, предназначенную для полноценных мужчин. Вмешалась Грассини:

— Бонапарт правильно сделал, дав ему этот орден. Он его заслуживает.

— Но почему?

Певица сделала трагическое лицо:

— Но ведь у него было серьезное ранение.

Все расхохотались, а Бонапарт решил, что его любовница, как все чувственные женщины, мучительно переживает, что мужчина лишился "части своей погрешности".

Бонапарт был очень горд, соблазнив самую блистательную певицу Европы, и решил удивить ею Францию, снискав себе тем самым новую славу. Вечером 25 июня Бюллетень французской армии сообщил о предстоящем визите в таких пышных выражениях, что французы недоумевали: что это — военный трофей или каприз влюбленного?

3 июля Грассини прибыла в Париж с почетом первой фаворитки. Выйдя из кареты, запряженной восьмеркой лошадей, она приветствовала толпу королевским жестом и разместилась в особняке, который снял для нее любовник.

С этого времени каждую ночь Бонапарт инкогнито посещал ее, завернувшись в широкий плащ. Парижане, наблюдавшие за этими ночными свиданиями сквозь щели оконных ставен, заключили, что у нового режима сохранились хорошие отношения со старым, и некоторые старики, современники Людовика XV, чувствовали себя помолодевшими.

14 июля 1800 года Первый консул заставил петь свою примадонну в церкви

Дома инвалидов, преобразованной в храм Марса. Простые люди собирались толпами, чтобы насладиться голосом и полюбоваться лицом и формами "дамы, которая спала с новым хозяином". Успех этой эротико-политической церемонии был большим. Грассини называли "поющим родником", "Венерой демократии" и "воплощением в звуке французской революции". Итальянку это очень удивляло.

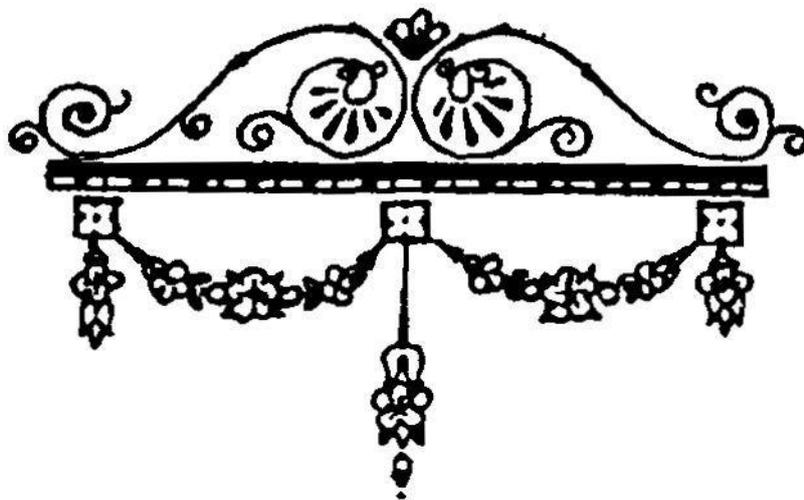
Став кумиром столицы, Грассини получала от Бонапарта ежемесячно кругленькую сумму в двадцать тысяч франков. Она стала бывать у Талейрана и в некоторых закрытых салонах для избранных. Там она встретила молодого скрипача Пьера Рода, юношу с нежным взором, и сразу же влюбилась в него. Несколько месяцев певица колебалась, выбирая между первым скрипачом и Первым консулом, и в результате отдала предпочтение музыканту.

О том, что ему не повезло, Бонапарт узнал совершенно случайно. Когда он упрекнул Фуше, что его оставили в неведении относительно происшедшего, тот ответил:

— Да, есть кое-что, чего я не знал, но теперь знаю... Например: человек небольшого роста в сером рединготе каждую ночь выходил из потайной двери Тюильри в сопровождении слуги, садился в карету и отправлялся в дом мадам Грассини. Через несколько часов он выходил оттуда и возвращался в Тюильри. После этого в дом мадам Грассини заходил высокий человек и занимал место в постели певицы. Человек небольшого роста — это вы, генерал, а высокий человек — молодой скрипач, с которым синьора обманывала вас.

Сильно смутившись от такого разоблачения, Наполеон повернулся спиной к Фуше и удалился, насвистывая итальянскую мелодию.

Через неделю Грассини вместе со скрипачом уехала из Парижа.

Бонапарт теряет сознание в объятиях мадемуазель Жорж

Она находит его приятным, а он плохо себя чувствует...
Женевьева де Вильморен

28 января 1802 года парижане собрались на спектакль итальянской труппы "Счастливая обманщица". Но было объявлено, что спектакль поставлен в жанре плохой буффонады и играют актеры второго состава. Озадаченные за-всегда и отправились за объяснениями к директору театра.

— Изменения произошли не по моей вине, — сказал тот. — Сегодня утром господин Первый консул потребовал у меня лучший состав в Мальмезон для представления там оперы "Свадьба Дорины". Как вы понимаете, я не мог отка-заться...

Каприз Наполеона стал известен, и все принялись говорить о новом увле-чении Первого консула. Как всегда, злые языки оказались правы.

В это время Жозефина как раз отправилась в Пломьер лечиться от беспло-дия, а Бонапарт, мучаясь неудовлетворенным желанием, пригласил итальян-скую труппу, чтобы приблизить к себе итальянскую актрису Луизу Роландо. Эта юная артистка была очень красива. "Она не была итальянкой, — пишет о ней редактор одной из газет, — а это не является недостатком для француз-ской публики. Приятные манеры, игра, а особенно голос сделали ее первой ак-трисой Парижа. Ее было приятно видеть и слышать. Грациозность, благород-ство манер, а также небольшой акцент придавали ей особое очарование".

После спектакля Наполеон попросил ее остаться. Актриса сразу же согласи-лась, счастливая от мысли увидеть в сорочке человека, которого вся Европа видела только в военном мундире.

Констан провел даму в салон, где ее встретил Бонапарт. С тех пор как он подписал Амьенский мир, заключив договор с Римом, и заставил референду-мом признать его пожизненное консульство, Бонапарт был в веселом настрое-нии. Он давал балы, устраивал веселые розыгрыши и представления, подшу-чивая над приглашенными. Это ребячество, которое тщательно скрывают официальные историки, несколько удивило Луизу Роландо.

Не успев сесть рядом с ней, Бонапарт сразу же попросил ее, смеясь, поднять платье. "Это будет поднятие занавеса", — пояснил он, довольный своей шут-кой. Затем, погрузив руки в тепло ее кружевных юбок, сразу стал нежным и разразился комплиментами ее таланту, глазам, светлым волосам, фигуре. По-льщенная, Луиза позволила ему эти ласки, уже ощущая себя мадам де Помпа-

дур "Великого человека".

Связь Бонапарта с Луизой Роландо длилась недолго. Жозефина, извещенная о ней, срочно выехала из Пломьера и, неожиданно нагрянув в Париж, устроила мужу бурную сцену.

Смущенный Наполеон, поселив комедиантку в одном из лучших особняков Парижа, обещал быть благоразумным и вернулся к составлению кодекса. А Луиза, оставив оперу в 1806 году, стала владелицей театра в Гане. Через год она вернулась в Париж. Однажды вечером, когда она стояла у горящего камина, огонь перекинулся на ее платье, и она заживо сгорела.

Но Луиза, а до нее Грассини, привили Бонапарту вкус к актрисам, и через пять месяцев он влюбился в прекрасную мадемуазель Жорж, которая уже в пятнадцать лет дебютировала в Театре Франсез в роли Клитемнестры в "Ифигении в Авлиде".

В тот же вечер как он увидел ее, Бонапарт все разузнал об этой девушке, выяснив, что ее фамилия Ваймер, что ее родители имели в Амьене маленький театр, где ее открыла мадам Рокур — актриса и знаменитая лесбиянка, у которой девушка некоторое время жила потом в Париже... У нее была короткая связь с Люсьеном Бонапартом, а в настоящее время она находится на содержании польского князя Сапеги. Все, что Бонапарт узнал о ней, еще больше заинтриговало его, и на следующий день Констан отправился за мадемуазель Жорж.

Очень смущенная, девушка последовала за лакеем в замок Сен-Клу, где только что разместился Бонапарт. Но предоставим ей самой возможность рассказать об этой встрече наивным слогом восходящей звезды:

"Консул был в шелковых чулках, белых атласных штанах, в зеленом сюртуке с красными манжетами и воротником, со шляпой в руке. Я встала, он подошел и посмотрел на меня с чарующей улыбкой, какой обладает только он один. Взяв за руку, он усадил меня на огромный диван, снял с меня вуаль и бросил ее на пол. Моя красивая вуаль! Вот будет мило, если он пройдет по ней... Но он решил разорвать ее — и это очень неприятно.

— Как дрожит ваша рука. Вы боитесь меня... Я кажусь вам страшным? А я нашел вас вчера очень красивой и хотел сделать вам комплимент. Как видите, я более любезен и вежлив, чем вы.

— Что это значит, мсье?

— Как что? После того как я услышал вас в "Эмилии", я попросил передать вам три тысячи франков, чтобы выразить удовольствие, которое вы мне доставили. Я думал, вы будете искать возможность представиться мне, чтобы поблагодарить... Но прекрасная и гордая Эмилия не пришла.

Я бормотала что-то, не зная что сказать.

— Но я не знала, я не осмеливалась и думать об этом...

— Плохое оправдание. Вы боялись меня?

— Да.

— А теперь?

— Еще больше.

Консул от души расхохотался:

— Как ваше имя?

— Жозефина-Маргарита.

— Жозефина мне нравится. Я люблю это имя, но хотел бы называть вас

Жоржина, а? Вы хотите?

— Да.

Под этим именем я и стала известной.

— Вы не очень разговорчивы, дорогая Жоржина.

— Потому что меня утомляет свет от этих люстр. Велите погасить их, прошу вас. Тогда мне будет легче отвечать вам.

— Только прикажите, дорогая Жоржина.

Он позвонил Рустану:

— Погаси люстру... Этого достаточно?

— Нет. Еще половину канделябров.

— Прекрасно, погаси еще... А теперь вам видно что-нибудь?

— Не все, но достаточно...

— Ну что ж, Жоржина, теперь расскажите мне о себе. Будьте откровенны.

Он был так добр ко мне, так прост, что мой страх исчез.

— Я боюсь наскучить вам, и потом... как рассказать обо всем, у меня нет воображения, я плохая рассказчица.

— И все-таки расскажите.

И я начала рассказывать о своем детстве, о том, как я приехала в Париж, обо всех моих несчастьях...

— Малютка, но ведь вы небогаты. Откуда же у вас этот прекрасный кашемир, вуаль и другое?

Он знал все, и я рассказала ему правду о князе Сапеге.

— Хорошо, что вы не лжете. Приходите ко мне сегодня вечером и обещайте, что не будете скромной.

Он был очень нежным, очень деликатным и не ранил мою стыдливость излишней настойчивостью. Наверное, ему было приятно мое робкое сопротивление. Бог мой, я не говорю, что он был влюблен в меня, но я ему нравилась. Стал бы он иначе потакать моим детским капризам. Но он уступил, когда я попросила: "Не сегодня, пожалуйста! Я вернусь к вам, обещаю!" И он уступил, этот человек, перед которым склонялись все.

— Мне надо идти, — сказала я.

— Вы, должно быть, очень устали, дорогая Жоржина. До завтра... Вы придете? — и он протянул мне мои шаль и накидку. Прощаясь, он поцеловал меня в лоб через вуаль, а я была так глупа, что засмеялась и сказала:

— Вы только что поцеловали вуаль князя Сапеге.

Он схватил эту вуаль, разорвал ее на куски и бросил под ноги. У меня на шее была цепочка с подвеской из сердолика, на мизинце я носила скромное колечко с камешком. Это колечко он сорвал с моего пальца и раздавил его ногой. Ах! Он больше не был нежным.

Я дрожала. Внезапно он приблизился ко мне и тихо сказал:

— Дорогая, вы должны теперь носить только мои подарки. Не сердитесь на меня, но я был бы о вас худшего мнения, если бы было по-другому.

И столько нежности было в его голосе, когда он продолжил:

— Признайтесь, что я правильно сделал.

— Вы правы, и я не сержусь на вас, но мне холодно. Он позвал Констанана:

— Принеси белую кашемировую шаль и большую английскую накидку.

Он проводил меня до Оранжери.

— До завтра, Жоржина..."

И актриса вернулась к себе в шали, принадлежавшей Жозефине.

Так ли в действительности прошла первая ночь мадемуазель Жорж в Сен-Клу? Для тех, кто знает неистовую натуру будущего императора, кажется невероятным, что актриса не оказалась раздетой в постели в первые десять минут свидания. Ведь мы-то знаем, что мемуары пишутся для того, чтобы умело скрыть некоторые слабости автора...

На следующий день мадемуазель Жорж пришла опять. На этот раз, как она пишет, Бонапарт осмелился показать себя более галантным:

"Консул был нежнее и настойчивее, чем накануне. Мое смятение усилилось, но я старалась не показывать его — ведь я пришла по своей воле. Он не подавлял меня своими ласками, но с деликатностью, с трепетно сдерживаемым волнением, словно боясь смутить целомудрие юной девушки, хотел увлечь нежностью и теплотой, а не силой. Мое сердце переполнилось неведомыми чувствами и сильно билось, меня влекло к нему помимо моей воли. Я полюбила этого великого человека, который так бережно обращался со мной, так достойно сдерживал свои желания, ожидая ответного порыва с моей стороны, потакая моему капризу".

И, наконец, на третий раз — опять по словам актрисы — Первый консул перешел к действиям.

"Он стал осторожно раздевать меня. Он с такой веселостью проделал работу камеристки, с таким изяществом и благопристойностью, что не уступить ему было нельзя. Да и как можно было не очароваться, не увлечься таким мужчиной? Он казался большим ребенком и старался быть им, чтобы понравиться мне. Он больше не был Первым консулом, он был влюбленным мужчиной, в любви которого не было ни властности, ни грубости; он покорял меня мягкостью, его слова были нежны и целомудренны, рядом с ним невозможно было не ощущать того, что чувствовал он сам".

И именно тогда, когда Бонапарт показал себя человеком примерного поведения, он наконец овладел ею, и свидание закончилось только на рассвете.

В некотором смущении мадемуазель Жорж продолжает:

"Мы оторвались друг от друга только в семь часов утра. Я была в смящении от того, что произошло ночью, и от бросающегося в глаза беспорядка вокруг.

— Позвольте мне немного прибраться здесь, — сказала я.

— Да, милая Жоржина, я сейчас помогу тебе.

И он выказал свою доброту, приводя вместе со мной в порядок постель, свидетельницу нашего сладостного забвения и ласк".

Мадемуазель Жорж, став любовницей Бонапарта, распустила перья и собиралась стать особой свидетельницей Истории.

Связь Первого консула и Жоржины несмотря на исключительную скрытность их встреч не замедлила стать достоянием публики, и вскоре весь Париж распевал насмешливые куплеты о ней.

Позволив себе расслабиться в этом временном отступлении, Бонапарт забыл на какое-то время о государственных делах, резвясь, как влюбленный двадцатилетний юноша. Послушаем мадемуазель Жорж:

"Первые две недели он проявлял удивительную деликатность, приводя в порядок вместе со мной комнату после страстных ночей. Он занимался моей внешностью, обувал меня и даже заставил сменить подвязки для чулок на более удобные для него".

Приводя эти очаровательные подробности, скромная актриса, боясь сказать что-нибудь лишнее, поспешила добавить к своим заметкам длинную записку для Марселины Деборд-Вальмор, которая должна была прочитать и отредактировать рукопись ее "Мемуаров":

"Я предлагаю Вашему вниманию эти детали потому, что Вы сможете как следует переложить их на бумагу, моя любезная мадам Вальмор. Я доверяю Вам. Сможете ли Вы что-нибудь извлечь из них? Вы единственная в состоянии сделать их приемлемыми в литературном плане. Например, только Вы сможете выразить, что сон императора был тих и спокоен, как сон ребенка, что он пробуждался с улыбкой на устах, что он клал свою благородную голову мне на грудь и почти всегда засыпал в таком положении, а также что я, молодая девушка, проявляла склонность к почти философским рассуждениям, видя, как этот человек, имеющий власть почти над всем миром, забывал обо всем в моих объятиях. Ах! Он знал, что я могла бы умереть за него. Все эти подробности только для Вас, дорогая Вальмор. Любовь императора была великой. В самые интимные моменты в нем не было ничего вульгарного. Никаких бесстыдных слов... Только прекрасные: "Ты меня любишь, моя Жоржина? Ты счастлива в моих объятиях?"... Все это правда. Но как рассказать об этом? Только Вы знаете секрет, как выразить все это... Я же только могу приводить факты".

Слащавая поэтесса, начав эту неблагодарную работу, не закончила ее. И мы можем только поздравить себя, что имеем возможность читать без ретуши эти простодушные и незамысловатые отрывки из рукописи.

Несмотря на ревность Жозефины мадемуазель Жорж в течение нескольких месяцев отдавала лучшее, что у нее было, Первому консулу, который в ее объятиях отвлекался от скуки государственных дел. Однако в начале 1803 года он почувствовал особенную потребность в "перламутровом" теле молодой актрисы. Англичане в это время занялись поисками возможности прервать действие Амьенского договора и стали причинять ему массу беспокойств. Бонапарт принял решение высадиться в Англии и намеревался отправиться в Булонь. За несколько часов до отъезда он позвал мадемуазель Жорж. Послушаем ее:

"Я приехала в Сен-Клу и ждала в библиотеке, соседней со спальней комнате. Вскоре сюда пришел Наполеон.

— Я попросил тебя прийти пораньше, Жоржина. Я хотел видеть тебя перед отъездом.

— О Боже, вы уезжаете?!

— В пять часов утра, в Булонь. Об этом еще никто не знает.

Мы оба опустились на ковер.

— Ты опечалена?

— Да, мне очень грустно.

Он положил руку мне на сердце и, сделав жест, будто хотел вырвать его из моей груди, сказал одновременно с гневом и нежностью:

— В этом сердце нет ничего для меня.

Мне было так больно, я отдала бы все на свете, чтобы заплакать, но слез не было.

Мы сидели на ковре возле камина, и я не мигая смотрела в огонь. Может быть, от ярких отблесков огня, а может быть, от охватившей меня глубокой грусти, но две большие слезы тихо скатились мне на грудь. И тут Консул с

нежностью, которую я не могу выразить, поцеловал мои слезы (не знаю, как надо сказать об этом, но тем не менее это так).

Я до глубины души была растрогана таким доказательством любви и внезапно разразилась настоящими слезами. Что сказать вам? Он был вне себя от счастья и радости. Если бы в этот момент я попросила его подарить мне Тюильри, он бы сделал это. Он вдруг развеселился, стал ребячливым, заставил меня бегать за ним. Чтобы мне труднее было поймать его, он вскочил на лестницу, с которой доставали книги с верхних полок, а лестница была на колесиках, и я покатила его через весь кабинет, смеющегося и кричащего мне:

— Ты хочешь угробить меня? Остановись! А не то я рассержусь!

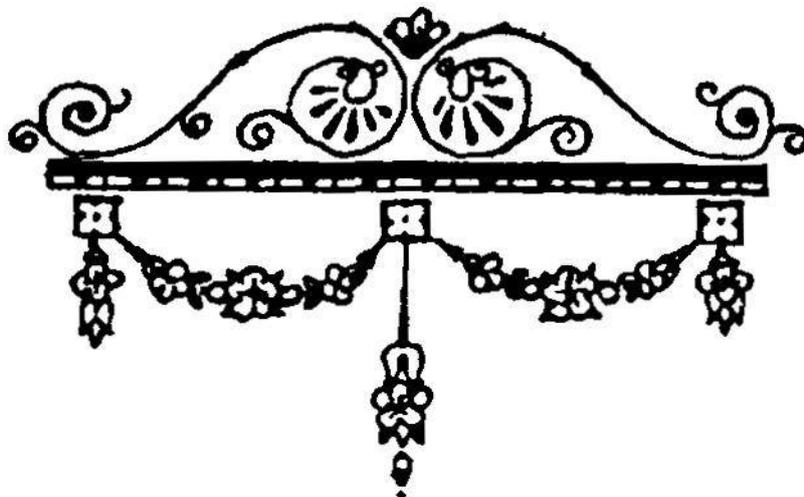
В этот вечер Консул положил мне за корсаж толстую пачку банковских билетов.

— О Боже, зачем это? — смутилась я.

— Я не хочу, чтобы моя Жоржина нуждалась в чем-либо в мое отсутствие. Здесь сорок тысяч франков".

По возвращении из Булони Бонапарт возобновил свои отношения с Жоржиной, и они могли бы оставаться такими же безоблачными, как и прежде, если бы не один досадный случай, который послужил причиной скандала в Тюильри. Принято считать, что Первый консул мог подчинять своей воле бурные порывы страсти. В какой-то степени это, может быть, спровоцировало у него нервный срыв — хотя некоторые считают его эпилептическим припадком — и он потерял сознание в объятиях мадемуазель Жорж. Та подумала, что он умирает. Перепугавшись, актриса принялась звонить. Как пишет Кузен д'Аваллон в своей "Бонапартиане", "...послали за врачом и хирургом. Разбудили Жозефину. Она, накинув пеньюар, побежала к Бонапарту и обнаружила его без чувств, поддерживаемым полуобнаженной мадемуазель Жорж. Жозефина засуетилась, пытаясь привести его в сознание, и когда больной открыл глаза, он увидел себя в окружении жены и любовницы. Бонапарт сразу же пришел в ярость и чуть было не вернулся в то состояние, из которого его только что вывели. Дрожащая актриса сочла за лучшее незаметно исчезнуть, а он никогда не простил ей устроенного скандала".

Фаворитка должна в любой ситуации сохранять хладнокровие, оставаясь горячей в другом отношении.

Бонапарт оставляет мадемуазель Жорж, чтобы стать императором

Любой предлог был хорош для него.
Мишле

Бонапарт, удалив из своей постели слишком эмоциональную мадемуазель Жорж, искал теперь другую актрису для украшения своих ночей. Эти поиски не были долгими.

В труппе "Комеди Франсез" была тогда молодая особа с горящими глазами — Катрин-Жозефина Раффен, со сценическим именем Дюшенуа, которую охотно содержали престарелые любители театра. Между Жоржиной и этой бойкой актрисой существовало глухое соперничество, и их маленькая война была предметом живейшего интереса публики.

Увидев как-то раз мадемуазель Дюшенуа на сцене, Бонапарт пожелал познакомиться с ней поближе и послал за ней Констана. Будучи "девушкой для развлечений", она не заставила себя долго упрашивать. Надела соблазнительное белье, элегантное платье и вскочила в карету, поджидавшую ее.

— Вы думаете, он намерен принять меня в свои объятия? — поинтересовалась она. Констан был вежливым, скромным и скрытным, как дипломат. Он уклончиво ответил, что едва ли стоит сейчас обсуждать это.

Когда они приехали в Тюильри, слуга проводил ее в тайную комнату и пошел предупредить Бонапарта. Первый консул в это время работал в окружении своих советников.

— Пусть она подождет, — сказал он.

Через полчаса молодая женщина, немного обеспокоенная, попросила Констана напомнить о ней. Слуга, приоткрыв дверь кабинета, передал ее просьбу.

— Пусть она раздевается, — сказал Бонапарт.

Дюшенуа подчинилась, и, как пишет Этьен Буавен в книге "Любовь в Тюильри", "оставила на себе только самую необходимую часть одежды". Прошло еще полчаса... Первый консул, склонившись над бумагами, забыл о своей жертве, дрожавшей в это время в нетопленной комнате. Тогда мадемуазель Дюшенуа еще раз позвонила и попросила Констана доложить, что она продрогла.

— Пусть она ложится, — промолвил Бонапарт, не поднимая головы.

Через час актриса позвала Констана, и тот снова отправился в кабинет. На этот раз Бонапарт раздраженно бросил:

— Пусть она уходит, — и опять принялся за работу.

Ужасно оскорбленная, мадемуазель Дюшенуа встала, оделась и вернулась

восвояси, затаив в сердце ненависть.

18 мая 1804 года был принят "сенатус-консулт", которым Сенат провозгласил Империю, и несколько недель Наполеон посвящал все свое время делам государства. Но как-то раз вечером его взор вновь загорелся, заметив аппетитный бюст мадемуазель Бургуэн, молоденькой и хорошенькой актрисы из труппы "Комеди Франсез". Она была любовницей известного химика Шапталя (в то время министр внутренних дел), которого она называла "папа клистир".

Бонапарт разузнал, что эта девушка, называемая газетчиками "богиней радости и удовольствий", имела развеселый нрав, что она любила соленые шутки и что под ее наивной внешностью скрывался пылкий темперамент, подогреваемый обожанием пятидесятилетнего министра...

Увлеченный ею, Бонапарт велел Констану привести эту горячую кобылицу в Тюильри. Слуга ответил ему, что Шапталль очень ревнив.

Бонапарт усмехнулся:

— У меня есть идея... Пригласите ко мне министра к десяти часам вечера. Когда он будет здесь, вы пойдете за мадемуазель Бургуэн. И пусть он узнает, чего стоит добродетельность его протеже...

Вечером, когда Шапталль приступил к работе в кабинете Наполеона, вошел Констан:

— Сир, мадемуазель Бургуэн ждет вас в вашей комнате.

— Скажите ей, чтобы она раздевалась, я сейчас приду, — ответил Наполеон. Интересуясь реакцией Шапталля, он обернулся и с изумлением увидел, что министр внутренних дел собрал свои бумаги, спокойно уложил их в портфель, попрощался и вышел.

В тот же вечер, упившись сладостным телом мадемуазель Бургуэн, Наполеон принял отставку ученого... Так его маленькая любовная шутка стоила ему потери верного соратника...

На следующий день во всех уголках Тюильри только и говорили, что о бедном Шапталле и его любовной неудаче. Острословы шутили: "Вот что значит быть целыми днями с ретортами[12]".

Без сомнения, над этим каламбуром смеялись бы еще не одну неделю, если бы другой ученый не стал героем беспрецедентного события.

Уже несколько дней в Париже было известно, что молодой физик Жозеф-Луи Гей-Люссак, месяц назад поднявшийся на воздушном шаре на головокружительную высоту — четыре тысячи метров, чтобы провести наблюдения над магнитными силами, решил предпринять новый эксперимент. Его намерения, естественно, живо обсуждались с напыщенной глупостью торговцами вином, женщинами на рынке и чистильщиками сапог. Одни интересовались, каким образом ученому удастся вернуться обратно, если он долетит до Луны, другие утверждали, что на него нападут орлы, кто-то говорил, что он "сторит от звездного огня", но все сходились во мнении, что это вопиющее безобразие — тратить налоги на финансирование подобных шуток.

Однако эти критические высказывания не помешали смелым людям восхищаться предприятием Гей-Люссака. И вот утром 16 сентября огромная толпа собралась возле Национальной школы искусств и ремесел, с площади которой должен был взлететь великий физик. В девять часов обрубили канаты, и воздушный шар стал быстро подниматься в парижское небо. Целых двадцать минут молодой ученый, к которому возносились восторженные крики толпы,

прощально махал своей треуголкой. Затем "летающая лаборатория" исчезла за облаками.

В то время как парижане возвращались по домам, размышляя о том, что аэронавтика уже достигла своего наивысшего уровня, Гей-Люссак, уносимый юго-восточными ветрами в сторону Нормандии, достиг в своем подъеме четырех тысяч метров. Решив побить свой прежний рекорд, он сбросил балласт, и воздушный шар поднялся до пяти тысяч пятисот метров. Желая добиться лучшего, физик взял свой стул и бросил его в пустоту. На этот раз воздушный корабль взлетел до семи тысяч шестнадцати метров. Никогда еще человек не поднимался так высоко.

Опьянев от счастья, Гей-Люссак вдруг обнаружил, что его дыхание стало стесненным, пульс участился, а горло пересохло, и принялся лихорадочно делать записи. Он и не подозревал, что стал виновником забавного происшествия: выброшенный им стул упал к ногам пастушки. Охваченная религиозным страхом, девушка решила, что перед ней один из стульев, на которых сидят святые у Престола Господня, и в своем наивном благочестии отнесла обломки в деревенскую церковь.

Через несколько дней эта история докатилась до Парижа, где Двор долго потешался над ней.

Мадемуазель Бургуэн несмотря на все свои достоинства не смогла надолго удержать будущего Императора. На исходе второй недели, устав от грубоватых шуток, которыми она пересыпала их беседу, он перестал приглашать ее и позвал Жоржину.

Молодая актриса, страдавшая от разрыва с Первым консулом, сначала отказывалась прийти. Но потом она все-таки вернулась в Тюильри, где Наполеон радостно встретил ее, с удовольствием поспешно раздел и почтил своей мощью. Когда они отдыхали, Наполеон нежно поцеловал мадемуазель Жорж и сказал:

— Милая Жоржина, как долго мы не виделись с вами. Скоро должно произойти важнейшее событие, которое полностью займет все мое время. Но потом я опять увижу вас, обещаю...

Это событие — коронавание. Наполеон действительно решил короноваться, и среди членов его семьи уже были намечены принцы и герцоги.

Эти притягательные титулы, однако, не улучшили его обычно плохого настроения. Наоборот. Узнав, что Гортензия станет принцессой, Полина, Каролина и Элиза рассвирепели.

— Как?! Чужачка?! — кричали они.

— Послушать вас, — насутился Наполеон, — так можно подумать, что я унаследовал трон от нашего отца.

Женщины успокоились. Но когда стало известно, что Император хочет, чтобы Жозефину короновал сам папа, их ярости не было границ. Неотступно следуя за братом, они устраивали ему бурные сцены, замешанные на французском и итальянском темпераментах. Устав от них, Наполеон спокойно ответил, что хозяин — он, и он не позволит, чтобы какие-то шлюхи учили его, как поступать. Высказав это, он вышел из комнаты, а Каролина в обмороке упала на ковер. Вечером против коронавания Жозефины выступил Жозеф.

— Это коронавание будет благоприятствовать детям Луи (Луи Бонапарт женился на Гортензии в январе 1802 года. — *Авт.*) Они будут внуками импера-

трицы, а мои останутся сыновьями буржуа. И сестрам не останется никакого шанса.

Наполеон только пожал плечами.

Его решение было бесповоротным: женщина, которую он полюбил, когда был генералом Вандемьером, станет "больше чем королевой". Как-то раз он доверительно сказал Редереру:

— Если бы вместо того, чтобы взойти на трон, я оказался в тюрьме — она разделила бы со мной мои несчастья. И будет справедливо, чтобы она была со мной и в моем величии. — И добавил с обычным для него великодушием: — Она будет коронована, чего бы это мне ни стоило!

Узнав, что коронование будет происходить в соборе Парижской Богоматери, креолка, уже начавшая опасаться, что будет отвергнута, захотела воспользоваться случаем и заставить Наполеона обвенчаться в церкви. Дело было достаточно деликатным, и она представляла себе, что надо заручиться поддержкой папы. Тайно она попросила аудиенции у Пия VII, который только что прибыл в Париж, и призналась ему, что связана с Наполеоном только гражданскими узами. Его святейшество едва заметно вздрогнул.

— Боюсь, что в этом случае, — добавила лицемерно Жозефина, — коронование будет невозможным.

Папа обрадовался беспокойству Жозефины, которое могло бы послужить отмщением за все притеснения церкви в недавнее время, и ответил с улыбкой:

— Оставайтесь с миром, дочь моя, мы все уладим...

Через несколько дней он принял Наполеона:

— Мы сожалеем, сын мой, что вынуждены напомнить, что ваш брак не был освящен по обычаям нашей церкви, и как наш блаженный предшественник Иоанн VIII отказался короновать Людовика Заику, брак которого был недействительным, мы не сможем совершить святого коронования, так как вы не получили венчального благословения.

Наполеону пришлось смириться. И 1 декабря, накануне церемонии в Нотр-Дам, в комнате Жозефины был сооружен алтарь, и дядя будущего Императора, кардинал Феш, тайно повенчал высокую чету. Теперь бывший якобинский генерал мог быть посвящен в Императоры с благословения святой католической церкви. Коронация происходила на следующий день, 2 декабря 1804 года.

Послушаем мадемуазель Жорж, особую свидетельницу, оставившую нам репортаж об этом необыкновенном дне.

"Я была в глубокой грусти. Почему? Я должна бы радоваться, видя, что великий Наполеон достиг положения, принадлежащего ему по праву, которое он завоевал. Но человек эгоистичен. Мне казалось, что на троне Наполеон перестанет вспоминать бедную Жоржину.

Я не хотела видеть эту церемонию, хотя у меня и были постоянные места в соборе Нотр-Дам. Но моя семья мечтала посмотреть празднество, и я сняла за триста франков (недорого) комнату в доме, окна которого выходят на Понтнеф. Когда мы собирались, было еще темно. На улицах были толпы народа, и мы еле продвигались.

В комнате было четыре окна и кое-какая мебель для отдыха. При любом движении мы бросались к окнам.

— У нас еще есть время, но если вы будете ежеминутно открывать окна, я

простужусь. Я посижу у камина: завтра мне играть на сцене и я не хочу схватить насморк. Я немного посплю, а когда все начнется, вы меня позовете, — наказала я своим домашним.

Появился кортеж. Вся семья в сборе — все сестры императора и прекрасная нежная Гортензия, следом выезд папы Пия VII. В толпу бросали мелкие монетки... И вот, наконец, экипаж Императора, украшенный золотом, на запятках кареты разряженные пажы. Наши взгляды были прикованы к карете. Император спокойно улыбался, Императрица Жозефина была восхитительна. Величие положения не изменило ее — она осталась женщиной разума и сердца. Все вошли внутрь собора, а я возвращалась домой с болью в сердце, говоря себе: "Все кончено".

Внутри собора сестры Императора, несшие шлейф Жозефины, не могли удержаться от дерзости. Раздосадованные тем, что им была поручена "обязанность рабов", в какой-то момент они с такой силой рванули накидку, что присутствующие увидели, как Императрица пошатнулась и чуть не упала. Короче, война продолжалась и у самого подножья Божьего престола.

Да, для Жоржины все было кончено. Однажды Александр Дюма задал ей вопрос:

— Почему Наполеон покинул вас?

Она гордо ответила:

— Он оставил меня, чтобы стать Императором!

И все-таки Жоржина увиделась со своим любовником еще раз. Послушаем ее:

"Через пять недель ко мне пришел Констан.

— Император просит вас прийти к нему.

— О! Он вспомнил обо мне... В котором часу?

— В восемь вечера.

Мне не терпелось увидеть его, и весь день я не находила себе места. Бог мой! Мое сердце трепетало. Я надела самое лучшее платье.

Император очень тепло встретил меня:

— Как вы прекрасны, Жоржина! Какие чудесные украшения!

— Они должны быть такими, когда я имею честь предстать перед вашим величеством.

— О! Моя дорогая, к чему такая торжественность. Будьте такой, какой вы были всегда, — естественной и простой.

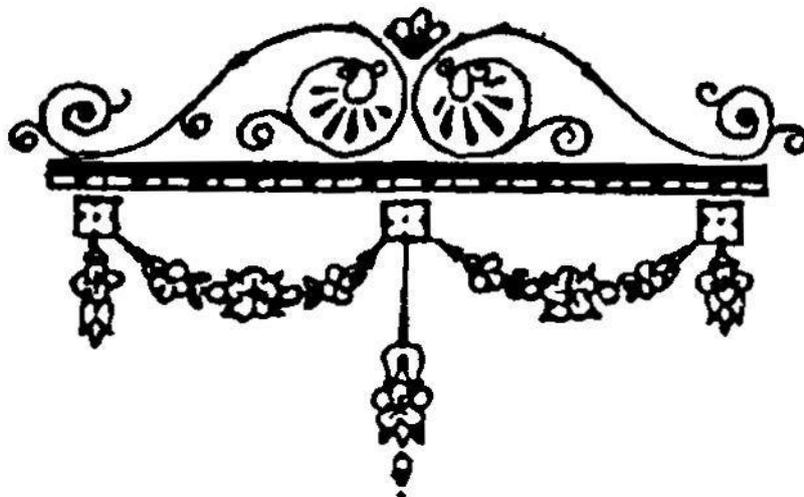
— Сир, за пять недель многое изменилось. Вы дали мне время на долгие размышления, и я уже не та. Я всегда буду рада чести быть принятой вами. Но я уже не та и не смогу измениться.

Что еще сказать? Он был снисходителен к моему состоянию. Я услышала от него много добрых слов и вернулась к себе, погруженная в печальные мысли. Да, я могла опять обрести его, но зачем, зачем Император изгнал моего Первого консула?.. Он стал величественным и более внушительным, но счастья больше не было. Впрочем, есть ли оно вообще?.."

Так закончилась идиллия между комедианткой и будущим властелином Европы...

Некоторое время спустя мадемуазель Жорж отправилась за границу, и в Санкт-Петербурге стала любовницей царя Александра. В 1812 году она возвра-

тилась во Францию как раз накануне начала кампании против России. Проезжая через Брунсвик, она провела две ночи в постели с Жеромом Бонапартом, королем Вестфалии. Как и у всех актрис, у нее был дар нравиться главам государств. Она умерла в 1867 году в возрасте восьмидесяти лет. Очень бедная, почти нищая, во время Парижской выставки она ходатайствовала — увы, напрасно — о получении пособия от дирекции павильона зонтиков...

Маршал Ней хочет сделать из своей жены новую мадам де Монтеспан

Честолюбие любящих мужей не имеет границ.
Марсель Прево

После коронавания к радости Бонапарта примешивались некоторые опасения. Как быть со старыми братьями по оружию, со всеми республиканскими генералами, которые были с ним на ты, — как они теперь будут относиться к нему? Стоит ли требовать от них обращения "сир", требуемого дворцовым этикетом?

У него возникла одна идея. 19 мая, выбрав наиболее строптивых, он возвел в маршальское звание восемнадцать генералов. Таким образом, новообращенные маршалы, удостоенные отныне высокого обращения "монсеньор", вряд ли откажутся называть его "сир", чего он так желал. Среди восемнадцати маршалов были Бертье, Мюрат, Монсей, Журдан, Массена, Ожеро, Бернадот, Сульт, Брюн, Ланн, Мортье, Ней, Даву, Бессьер, Келлерман, Лефевр, Периньон и Серрюрьер.

Этот ловкий маневр полностью удался, и маршалы, думая, что данный им титул свидетельствует о глубоком уважении к ним, "играли в свою игру" с детской серьезностью. Но один из них продолжал демонстрировать свою неприязнь к Императору. Это был "храбрейший из храбрых", но с несколько ограниченным умом человек, эльзасец по происхождению, выходец из еврейской семьи. Его недавний переход в католичество обусловил его прозвище — Неу (новый), и он сам переименовал себя в Нея...

В то время как Наполеон прилагал все усилия для примирения с этим героем, тот готовил ему ловушку. Два года назад, намереваясь подчинить себе ретивого эльзасца, Бонапарт женил его на Аглае Огие, близкой подруге Гортензии по пансиону. И теперь, в начале 1805 года, Ней старался повернуть ход событий: уложить свою жену в постель к Наполеону, сделать из нее новую мадам де Монтеспан, чтобы самому стать всемогущим. Он заставил Аглаю несколько дней вертеться около Бонапарта, обнажив до предела грудь и строя глазки. Но Император не попался на эту удочку. Послушаем одного из мемуаристов: "Уже несколько дней маршал Ней вел игру, чтобы привлечь внимание Его Величества к своей жене. Но Император, кажется, не доверял ему и сохранял хладнокровие". Другой свидетель рассказывает: "В то время Двор пытался втолкнуть в постель к Императору красивую маршальшу Ней. Он пренебрег кознями Двора и остался холоден к этой кандидатуре. Маршал, обладая злопа-

мятным характером, никогда не простил ему этого. Причина его неприязни по отношению к своему благодетелю состояла в том, что Наполеон не пожелал сделать маршала рогоносцем".

Этот же автор, Шарль Леже, добавляет, что маршальша не придумала ничего лучше, как пожаловаться Наполеону. "Мадемуазель Огие, несмотря на свою образованность и воспитание, обладала зависимым умом, вульгарным вкусом и манерами горничной. Поэтому Наполеон не соглашался даже на удовлетворение тщеславного каприза". И к этому эпизоду, почти неизвестному в интимной истории Наполеона, он добавляет следующие подробности.

"Мадам де Р. была душой этой гаремной интриги. Гротескная безобразность и внушительный нос не позволяли ей добиться ранга фаворитки; она испытывала горькую досаду, не добившись успеха и в амплуа сводницы. Тем не менее казалось невероятным, что Наполеон показал себя таким щепетильным и не наставил рога "храбрейшему из храбрых".

Наполеон, видимо, как и Мольер, посчитал, что не может разделить с Юпитером никакого бесчестья и, наконец, Император оставил за собой право выбора. Но нажил таким образом двух непримиримых врагов"...

Едва взойдя на трон, Наполеон сразу же стал объектом интриг Двора. Все женщины, бывавшие в Тюильри, — дамы высшего общества, гувернантки, жены офицеров и министров, подруги Гортензии, племянницы прелатов — с радостным восторгом восприняли появление нового сюзерена. Каждая из них, зная его щедрость (он с легкостью отдавал двадцать тысяч франков за ночь), надеялась привлечь его взор и пробудить его желание.

Некоторые, узнав, что Император любит женщин с пылким темпераментом, стали предаваться эротическим экспериментам с людьми из его окружения с единственной целью — известить о себе. Эти крайности куртуазности привели одну из придворных дам, очаровательную мадам де В., к неприятным последствиям, связанным с любовным приключением.

"В январе 1805 года, — повествует нам Э. Буавен, — в Тюильри разразился скандал, о котором стоит рассказать несмотря на наше отвращение к историям подобного рода, так как он свидетельствует о высшей непринужденности и даже распушенности нравов, господствовавших тогда в свите Императрицы.

Мадам де В., роскошная блондинка с зелеными глазами, хотела, как утверждают, чтобы до императора дошла молва о ее любовных талантах, которые могут прийтись ему по вкусу. Как-то раз вечером мадам де В. пригласила к себе трех богатырей из дворцовой гвардии, угостила их вином, попросила раздеться, разделась сама и объяснила, что представляет себе высшие радости любви только в утроенном удовольствии.

После этого группа расположилась на ковре, и каждый гвардеец водрузил свой флаг на подходящем для него оборонительном сооружении. Но в какой-то момент, когда четверо партнеров действовали к удовлетворению каждого, в комнате появилась крыса. Увидев ее, мадам де В. в испуге вскочила, испустив пронзительный крик и повалив молодцов друг на друга. Застигнутые в момент наивысшего мужского наслаждения, трое несчастных взревели так, что переполошили весь этаж. В комнату вбежали лакеи и горничные и обнаружили мадам де В., находящуюся почти в обморочном состоянии, и стонущих гвардейцев, пытающихся обуздать порывы своего естества".

Этот случай страшно возмутил Наполеона, и через некоторое время он провел воспитательную беседу с придворными дамами.

Послушаем мадам де Ремюза:

"Однажды, когда придворные дамы завтракали вместе с Императрицей, в обеденный зал внезапно вошел Бонапарт и, с веселым видом облокотившись на спинку кресла жены, обратился к некоторым из нас с незначительными фразами. Затем, расспрашивая о нашей жизни, стал говорить — сначала в завуалированной форме, — что среди нас есть некие особы, которые являются объектом всеобщей молвы. Императрица, хорошо знавшая своего мужа, понимала, что так, слово за слово, он может зайти слишком далеко, и хотела переменить тему беседы. Но Наполеон упрямо продолжал, делая обстановку все более неловкой:

— Кроме того, мадам, вы вызываете все больший интерес у обитателей Сен-Жерменского предместья. Они говорят, например, что вы, мадам X, имеете связь с мсье Y, а вы, мадам... — и он поочередно стал называть все наши привязанности.

Можно легко себе представить ту степень замешательства, в которую привела нас всех его речь. Я думаю, Наполеона забавляло вызванное им смущение.

— Но, — внезапно сказал он, — пусть не думают, что мне нравятся подобные пересуды. Сплетничать о моем Дворе — значит бросать тень на меня. И я не хочу таких разговоров ни обо мне, ни о моей семье, ни о моем Дворе.

Его лицо приняло угрожающее выражение, тон стал более жестким, он позволил себе выпад против той части парижского общества, которая еще демонстрирует свою строптивость, сказав, что вышлет из страны любого, кто произнесет хоть одно слово упрека в адрес какой-либо придворной дамы"...

На следующий день одна забавная история счастливо разрядила сгустившуюся в Тюильри атмосферу и заставила забыть неприятную сцену, устроенную Императором.

Комиссару по делам владений, прилегающих к Тюильри, было поручено составить описание имущества графа Лангле де Помез. Осмотрев каждую комнату, должностное лицо оказалось в гардеробной комнате графини и в недоумении остановилось перед биде, из которого была вынута раковина. Не подозревая о существовании подобного предмета, комиссар начал диктовать своему писарю: "...а также футляр для скрипки, обтянутый красной кожей, обитый золочеными гвоздями, стоящий на четырех ножках, в котором скрипка не обнаружена".

Это наивное описание имело такой успех, что скрипачи императорского оркестра дней на восемь прекратили свои выступления, так как их появление на концертах тотчас же вызывало дружный взрыв смеха в зале.

И, как в хорошо поставленной комедии, когда весь Двор хохотал, Император использовал этот момент, чтобы скрыться. Действительно, покинув на время слишком болтливых или слишком экспансивных, по его мнению, придворных дам, Наполеон снял маленький домик, чтобы там в полумраке принимать пылких красавиц. И, как пишет доктор Пассар, "...он старательно наставлял рога мужьям, вкус которых совпадал с его собственным".

Однако это уединение не помешало ему встретиться с какой-то таинственной дамой, если верить свидетельству его верного слуги Констанана.

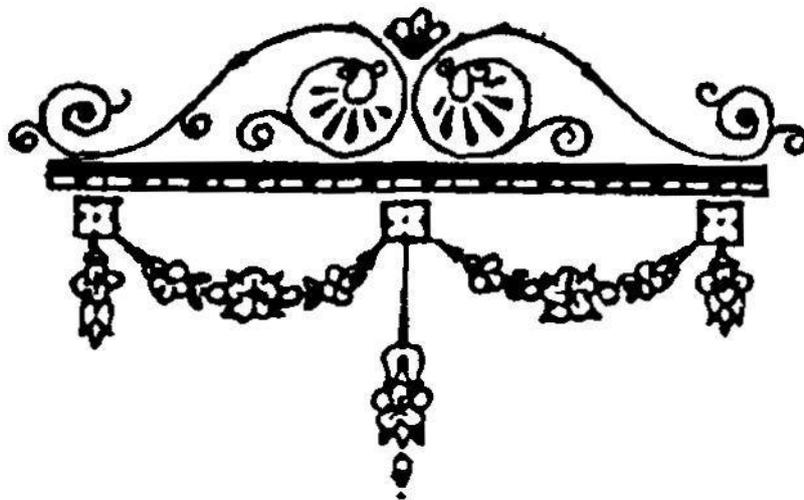
"Как-то около полуночи Император вызвал меня и, велел приготовить его черный фрак и круглую шляпу, приказал следовать за ним. Мы сели в карету адмирала Мюрата. Нас сопровождали Сезар и только один лакей, чтобы открывать двери, да и тот без ливреи. После недолгой езды по Парижу Император велел остановиться на какой-то улице... Он вышел, прошел несколько шагов вперед, постучал в ворота и зашел в дом. Мюрат и я остались в карете. Прошло несколько часов, и мы начали волноваться. Жизнь Императора довольно часто подвергалась опасностям, и было естественно опасаться ловушки или непредвиденных происшествий. Мюрат стал браниться, энергично проклиная и неосторожность Его Величества, и его тягу к любовным приключениям, и даму его сердца. Я беспокоился не меньше, но был более сдержан и пытался успокоить его. Наконец, не в силах более противиться своему нетерпению, Мюрат выскочил из кареты, а я последовал за ним. Но как только он взял дверной молоток, чтобы постучать, из двери вышел Наполеон. Был уже полный день. Мюрат высказал ему наши опасения и все, что мы думали по поводу его чрезмерной отваги.

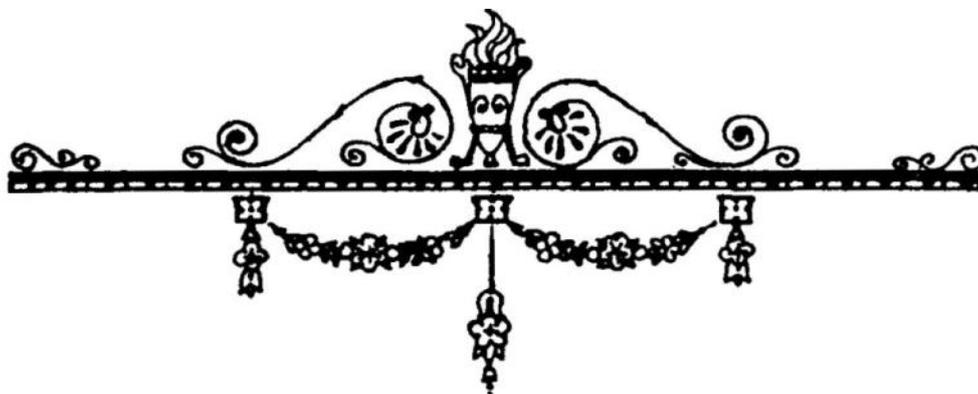
— Какое ребячество! — отвечивал Его Величество. — Чего вы боитесь? Где бы я ни был, разве я не у себя дома?

И мы все вместе вернулись в карету".

В этот момент Констан заметил на соседней улице множество людей и узнал в них лиц, ответственных за полицейский надзор, которые, как оказалось, незаметно оберегали это пристанище любви.

Наполеон умел сочетать любовь с безопасностью.

Наполеон, влюбленный в свою племянницу, бежит за ней по коридорам дворца

Единственная победа в любви — это бегство.
Наполеон

В начале 1805 года Наполеон был озабочен тремя основными проблемами: он хотел надеть на голову корону Италии, ступить ногой на берег Англии и положить руку на бюст молоденькой Стефани де Богарнэ — племянницы Жозефины. Блондинка с голубыми глазами, она очаровала Императора, и он хотел украдкой обучить ее некоторым тайнам бытия. Но Императрица была бдительна. Однажды она увидела, как Наполеон бежит по коридору за Стефани.

— Вы в своем уме? — возмутилась она. — В то время когда вся Империя во все глаза следит за вами, вы предаетесь такому ребячеству и мечтаете переспать со своей племянницей!

Наполеон очень не любил, когда осуждали его поведение. Он страшно разгневался, разбил вазу, разорвал занавес и удалился в свой кабинет, яростно хлопая дверьми. Однако замечание Жозефины заставило его задуматься, и некоторое время он воздерживался от игры в фавна в анфиладах Тюильри. А для удовлетворения своих мужских потребностей продолжал в сопровождении Констанана наносить свои визиты дамам в маленький домик на Аллее вдов. В полночь, когда весь Париж засыпал, он надевал круглую шляпу, редингот и тайно покидал Тюильри, не забывая оставить возле окна канделябр с зажженными свечами, чтобы поддержать легенду о себе как о человеке, работающем все ночи напролет...

Однако эти ночные выходы вскоре стали так утомлять его, что иногда от усталости он падал в снег прямо перед гвардейским постом. И ироничный блеск в глазах часового, который он успевал заметить, привел его наконец к осознанию всей смехотворности своего поведения.

Со следующего дня Бонапарт решил использовать для своих удовольствий "отару придворных дам", которые с галантной готовностью предлагали себя в его распоряжение несмотря на его презрение к ним. У этих дам было такое желание заняться "фрикон-фрикетт" в его постели, что они покорно позволяли оскорблять себя, считая высшим благодеянием, что хозяин соизволил обратить на них свое внимание.

Когда у него появлялось желание видеть их, он вызывал всех в салон, где они должны были выстраиваться, как солдаты. Камергер со списком в руке

проводил перекличку и говорил:

— Ни одна из вас не должна ни под каким предлогом выходить из шеренги.

После этого открывалась дверь и гвардеец провозглашал:

— Император!

Наполеон, с насмешкой во взоре, насвистывая, входил в зал и обходил батальон в юбках. Перед каждой женщиной он останавливался, задавая вопросы, как некогда своим пехотинцам, и давал отнюдь не любезные комментарии.

— Ваша фамилия? Сколько лет? Сколько детей?.. А-а, это вы! Бог мой! А мне говорили, что вы хорошенькая...

Остановившись перед двадцатитрехлетней молодой женщиной, улыбавшейся ему, он скорчил отвратительную гримасу:

— Знаете, вы ужасно постарели...

В другой раз он потрепал за ухо зрелую даму, воскликнув:

— В вашем возрасте вам уже недолго осталось...

Обращаясь к дочери графа Бено, он ухмыльнулся:

— Ах, черт побери! Я узнал вас по вашему большому носу, он такой же, как у вашего отца...

Однажды один свидетель передал диалог, рассказанный нам Стендалем:

— "Ваша фамилия?"

Молодая женщина покраснела:

— Монтестье.

— О! Это хорошая фамилия!

— Он был добрый гражданин.

— О нет! Он был великий человек.

Потом Бонапарт повернулся к соседке мадам Монтестье:

— Как глупа эта женщина!.."

Несмотря на грубости Императора придворные дамы продолжали бесстыдно трепетать, думая о нем. Но именно в этом любовном эскадроне Наполеон выбрал себе ту любовницу, которую искал.

Это была мадам Дюшатель. Ее муж, государственный советник и генеральный директор дворцовой регистратуры, был слишком стар, чтобы окружить жену любовной заботой, как этого требовал ее пылкий темперамент. Она была очень красива. Герцогиня д'Абрантес рассказывала, что мадам Дюшатель обладала "неотразимым очарованием удлинённых темно-синих глаз, которые выдавали со всей откровенностью те черты ее страстного характера, которые она хотела скрыть".

С самой первой встречи в потайной комнате, смежной с кабинетом, Наполеон и мадам Дюшатель поняли, что созданы для того, чтобы совершать в постели великие дела... Они были в восторге друг от друга и совершали любовные открытия, которые предсказывали им большое будущее...

Однако Жозефина скоро стала подозревать о новой беде и, как пишет Жозеф Тюрган в книге "Влюбленный Наполеон", "...призвала весь штат своих шпионов, чтобы застигнуть своего мужа врасплох". Он же, предупрежденный своей тайной полицией, решил, что мадам Дюшатель больше не должна появляться во дворце в неурочное время. И он сам, босиком, стал ходить по ночам в ее апартаменты. Послушаем Констанана.

"Император ждал ночи, чтобы отправиться к своей любовнице, и когда во

дворце все засыпали, он, забыв о предосторожности, в ночных панталонах, без туфель или даже без шлепанцев, пробежал весь путь, разделявший их апартаменты. Однажды на рассвете я заметил, что он еще не возвратился, и, боясь скандала, отправился, руководствуясь его приказом, предупредить горничную мадам Дюшатель, чтобы она известила свою хозяйку, что час настал. И уже через пять минут после передачи предупреждающего уведомления я увидел, что Наполеон вернулся в заметном волнении, причину которого я вскоре узнал. Возвращаясь обратно, он заметил горничную Императрицы, которая выслеживала его в коридоре. Решив принять меры против любопытства представительниц прекрасного пола, он послал меня к молоденькой дозорной из вражеского лагеря, чтобы передать ей приказ молчать, если она не хочет лишиться места, а также возможности устроиться куда-нибудь впредь.

Я не знал, добавил ли он к этим ужасным угрозам более мягкий аргумент, чтобы купить ее молчание, но то ли от страха, то ли благодаря вознаграждению той хватило здравого смысла молчать".

Однако Жозефина несмотря на все принятые меры вскоре обнаружила доказательства, которых она так опасалась, и разразился скандал, которым она "щедро угостила" весь Двор.

Бертье давал прием, на который была приглашена императорская чета. Наполеон, желавший рассеять недоверие Императрицы, был с ней настолько нежен и предупредителен, чего не выказывал уже давно, что она встревожилась. С поджатыми губами Жозефина искоса наблюдала за ним, спрашивая себя, что же скрывается за такой любезностью мужа? Он даже взял тарелку из рук пажа, чтобы самому услужить жене. Очень удивившись, она поблагодарила его с кривой усмешкой и расположилась в углу салона, откуда было удобнее следить за ним, "хорошо зная, — пишет Фавр, — что подобная демонстрация нежности является только прикрытием похотливых намерений и что он не заставит себя долго упрашивать, чтобы устремиться к той юбке, которая его привлекала".

И она была права. Думая, что он исполнил свой долг перед Жозефиной, Наполеон обошел вокруг стола и остановился между мадам Жюно и мадам Дюшатель, которая в этот момент протянула руку к тарелке с маслинами.

Наблюдая за ними из своей засады, Императрица увидела, как Наполеон взял маслины и протянул их даме, но не могла слышать, что при этом он сказал:

— Напрасно, мадам, вы едите маслины вечером — вам будет плохо.

Тут он перехватил подозрительный взгляд Жозефины и посчитал за лучшее обратиться к другой даме. Но, как свидетельствует Фавр, чувства, которые Император испытывал к мадам Дюшатель, были более красноречивы, чем он желал бы...

— А вы, мадам Жюно, — сказал он, — вы не едите маслин? И правильно делаете, не надо подражать мадам Дюшатель, так как она неподражаема...

Мадам Дюшатель покраснела, и ее волнение не укрылось от глаз Императрицы, которая решила непременно разузнать, что же он сказал ей. На следующий день она пригласила к себе на завтрак мадам Жюно.

— У Императора вчера на вечере у Бертье был очень веселый вид. Он говорил с вами о вашем предстоящем отъезде в Испанию?

— Да, мадам, он говорил мне о моих туалетах и о долге быть там элегантной, как настоящая представительница Франции, хотя подобных тем Император обычно не обсуждает.

Императрица сделала равнодушное лицо:

— А с мадам Дюшатель он тоже говорил о ее туалетах?

— Нет, мадам, ей он советовал, насколько я помню, не есть вечером маслин...

Жозефина звонко рассмеялась:

— Раз уж он давал советы, надо было сказать ей также, чтобы она не строила из себя Рокселану, имея такой длинный нос!

Затем нервным шагом она подошла к камину, на котором лежала только что вышедшая книга мадам де Жанлис о мадемуазель Лавальер.

— Вот в этой книге, — сказала она, протягивая ее мадам Жюно, — написано обо всех худых женщинах с белокурыми волосами. Они все думают о себе, как о фаворитках! Но их всех нужно ставить на место!

И на протяжении всего завтрака Жозефина вздыхала, скрежетала зубами и громко обсуждала способы отмщения. Внезапно она разрыдалась.

— Как подумаю, — всхлипывала она, — что всего десять дней назад он приходил ко мне и мы провели чудесную ночь... Он был нежным и страстным, как лейтенант...

И без всякого смущения Жозефина подробно рассказала, что делал с ней Наполеон в постели. Мадам Жюно слушала открыв рот, стараясь не пропустить ничего такого, что позволит ей блистать осведомленностью в салонах Мадрида и Лиссабона.

Но тут вошел Наполеон, и Жозефина побледнела. Предвидя дальнейшее, мадам Жюно быстро протиснулась и с сожалением исчезла. Как только она вышла, начались военные действия.

Императрица швырнула на пол салфетку, заломила руки и, разрыдавшись, заявила, что она самая несчастная женщина в мире. Эта сцена разозлила Наполеона, и он высказал ей то, что мгновенно заставило ее замолчать.

— Вы должны подчинить себя всем моим фантазиям и проще смотреть на мои увлечения. Я имею право на все ваши упреки и жалобы ответить: так я хочу! Я выше всего и не подчиняюсь никаким условностям и никаким притязаниям, от кого бы они ни исходили!

После этого он бросил на пол несколько тарелок, разбил графин, разорвал скатерть и вышел быстрым шагом...

Тем не менее эта сцена ничего не прояснила, и Жозефина так и не узнала, был ли Император любовником мадам Дюшатель. Оставшись одна, она принялась размышлять, можно ли факт запрещения даме есть маслины рассматривать как доказательство адюльтера. И к тому времени, когда ей принесли шоколад, решила считать слова Наполеона не более чем шуткой.

Остаток дня Жозефина провела в мрачном расположении духа, придумывая, что можно сделать, чтобы застать мужа на месте преступления. Но так как по натуре она была флегматичной, то вскоре уснула на своем канапе, так ничего и не придумав...

Вечером Наполеон пришел к игральному столику Императрицы, за которым собрались приближенные дамы, и, усаживаясь с ними играть в карты, стал называть тех, с которыми хотел составить партию: "Мадам Мюрат, мадам

де Ремюза и мадам Дюшатель".

Жозефина сидела в кресле в другом конце салона и смотрела на них с плохо скрываемой ненавистью. Наполеон приступил к долгим рассуждениям о любви, высказывая самые неожиданные мысли, выстраивая самые удивительные теории, чем позабавил дамскую аудиторию, немало развлекшись и сам. От любви он перешел к ревности и нарочито громким голосом обрисовал портрет ревнивой жены, настолько похожий на Жозефину, что в салоне установилась неловкая тишина. Императрица, ужасно оскорбленная, бросилась в свою комнату, провожаемая взглядами присутствующих, весьма довольных тем, что являются свидетелями подобной сцены.

В течение нескольких следующих дней Жозефина проводила свое время, диктуя ядовитые анонимные письма мадам де Ремюза, которая потом тайком рвала их. Затем она отправлялась подсматривать за домиком на Аллее вдов. Наполеон узнал об этом. Разгневавшись, он вызвал к себе мадам де Ремюза.

— Если вы не одобряете методы инквизиции, которые применяет ко мне Императрица, почему вы не удерживаете ее от подобных поступков? Ведь своими шпионскими действиями она оскорбляет нас обоих и дает в руки моих врагов оружие против меня. Я хочу, чтобы вы были ответственнее, или я переложу всю вину на вас.

Мадам де Ремюза опустила голову. Он продолжал:

— Я знаю, что Императрица думает, будто я влюблен и у меня есть фаворитка. Но это не так! Люди, подобные мне, не созданы для любви. Меня полностью поглощает политика. И я не потерплю влияния женщин при моем Дворе. Они много навредили и Генриху IV, и Людовику XIV, а мои дела намного важнее и серьезнее, чем деяния этих королей. Да и французы стали слишком сознательными, чтобы простить своему государю сомнительные связи и любовниц.

Закончив свою тираду, Император оставил мадам де Ремюза и отправился к мадам Дюшатель, которая ждала его в своей постели, чтобы вкусить радости сомнительной связи.

И все же как-то вечером в Сен-Клу Жозефине представился случай, которого она так долго ждала. Окруженная многочисленной свитой, она заметила, как мадам Дюшатель осторожно вышла из салона. Прошло десять минут, а та все не возвращалась, и Императрица, дрожа от ревности, наклонилась к мадам де Ремюза:

— Я хочу увериться в моих подозрениях. Вы оставайтесь со всеми в салоне, и если обо мне будут спрашивать, скажите, что меня позвал Император.

Через четверть часа она возвратилась с искаженным лицом, шатаясь, и тихо попросила мадам де Ремюза последовать за ней в ее комнату. Там Жозефина взорвалась:

— Все кончено! — воскликнула она, затворяя дверь за своей наперсницей. — То, что я предвидела, — подтвердилось. Я пошла в кабинет к Наполеону, но его там не оказалось. Тогда я поднялась по потайной лестнице в маленькую комнатку. Она была заперта, но, приложив ухо к замочной скважине, я услышала голоса Бонапарта и мадам Дюшатель. Я громко постучала и назвала себя. Можете себе представить, как они перепугались! Они долго не открывали, но когда дверь все-таки отворилась, их восторженный вид не оставил у меня ни малейших сомнений. Я прекрасно понимаю, что не должна была

этого делать, но не удержалась и разразилась упреками. Мадам Дюшатель стала плакать, а Бонапарт пришел в такую ярость, что я едва унесла ноги, чтобы избежать самых ужасных последствий. И сейчас я вся дрожу в ожидании кошмарной сцены...

Мадам де Ремюза, помня наставления Наполеона, решила дать Жозефине хороший совет:

— Вернитесь к его величеству, — сказала она, — и своей нежностью постарайтесь смирить его гнев.

Императрица послушалась. Думая, что поступила очень разумно, мадам де Ремюза вернулась в салон, где уже находилась мадам Дюшатель, едва сдерживающая обуревавшие ее чувства. Вдруг громкие вопли заставили всех присутствующих замолчать. Они услышали голос Наполеона, гремевший, как гром небесный, и крики Императрицы. Затем послышались звуки ударов, пощечин, грохот ломаемой мебели и бьющегося стекла, все это доказало присутствующим, что драма, назревавшая несколько недель, наконец разыгралась. Мертвенно-бледная мадам Дюшатель встала и, вызвав свою карету, укатила в Париж. Все другие остались, счастливые скандалом, о котором смогут рассказать своим внукам.

После этого жизнь во дворце превратилась в ад. Создавались различные группировки: супруги Мюрат защищали мадам Дюшатель; Ремюза приняла сторону Жозефины; мадам Мэр колебалась; сестры Императора щедро расточали свой яд, и весь Двор существовал в атмосфере интриг. На протяжении какого-то времени можно было видеть герцогов, подслушивающих под дверями; графов, сплетничающих, как привратницы; маршалов, целыми днями повторяющих пересуды горничных. Сам Наполеон забросил свои планы высадки в Англии и был занят битьем фарфоровых ваз в комнатах Императрицы.

И среди всей этой шумной возни торжествовала мадам Дюшатель. Потому что теперь, чтобы тайком пробраться к ней, Император, как школьник, должен был совершать тысячу сумасбродств. Однажды вечером они прогуливались в Вильере (церковный приход недалеко от Нейи, где Мюрат купил себе дом) в компании с Дюроком. Вдруг послышались шаги. Испугавшись, что его могут увидеть вместе с любовницей, Наполеон бросился к высокой стене, перелез через нее и спрыгнул в сад "с такой большой высоты, — пишет королева Гортензия, — что рисковал сломать себе шею".

В конце февраля Наполеон провел несколько дней в Мальмезоне вместе с женой, любовницей и всем Двором. Вел он себя там с поразительной развязностью. По свидетельству мадам де Ремюза, "Император, к большому удивлению всех окружающих, гулял в садах вместе с мадам Дюшатель и молоденькой мадемуазель Савари, уделяя государственным делам меньше времени, чем обычно. Императрица чаще находилась в своей комнате и проводила время в слезах. У нее больше не было сил устраивать бесполезные сцены. Ее тихое страдание в конце концов тронуло сердце Императора".

Но на самом деле не несчастный вид Жозефины отдалил Наполеона от мадам Дюшатель, а возросшие честолюбивые помыслы любовницы. Ведь он терпеть не мог, когда указывали, как ему следует поступать.

"Моя истинная любовница, — говорил он, — это власть. Мне стоило слишком большого труда завоевать ее, чтобы я позволил кому-нибудь похитить или разделить ее со мной". Как пишет Фредерик Массон, "он чувствовал, что

его хотят опередить". Однако его дама, очень умная и умелая советчица, ничего не просила для себя.

Хитрая, как Макиавелли, она отказывалась даже от его подарков. Однажды Наполеон послал ей свой портрет, украшенный великолепными бриллиантами. Портрет она оставила у себя, а бриллианты отослала обратно, "чувствуя себя оскорбленной". Это проявление полнейшего равнодушия к роскоши изумляло Наполеона, и он чуть было не поверил ему. С самого начала он согласился сделать свою любовницу первой придворной дамой, хотя ее положение отнюдь не соответствовало этому назначению, так как в прошлом она не была связана с семьей Бонапарта. Затем он стал внимательнее прислушиваться к ее советам. Именно благодаря ей Мюрату было обещано звание князя — великого адмирала и он стал его светлостью. Но все закончилось тем, что Наполеон разгадал игру своей любовницы.

"Она захотела, — сказал он однажды, — встать на один уровень со мной. Я писал ей любовные письма, которые потом потребовал обратно через Дюрока. Я не хотел, чтобы они были изданы, как это делали с другими правителями". С тех пор как Наполеон убедился, что его любовница захотела стать "фавориткой" и править рядом с ним, он решил порвать с ней. Способ, которым он воспользовался для этого, достаточно интересен. Он вернулся к Жозефине, и, как свидетельствует мадам де Ремюза, признался ей, что действительно был очень влюблен, но теперь все кончилось, и добавил: "Я заметил, что мною хотели управлять"...

Свои признания он довел до интимных откровенностей, "выходящих за рамки простых приличий", и закончил просьбой к Императрице помочь ему разорвать эту связь.

Мысль поручить жене избавить его от любовницы достаточно необычна. Но она не шокировала Жозефину. Мадам де Ремюза пишет:

"Жозефина совсем не была мстительной — это надо признать. И как только она увидела, что ей нечего опасаться, ее гнев угас. Обрадованная тем, что может больше не волноваться, она снова стала для Императора приятной и снисходительной супругой, которая легко прощала ему все. Она прилагала все усилия, чтобы погасить любые сплетни об этой связи, и даже уверяла своего мужа, что, если бы он захотел изменить свои привычки с мадам Дюшатель, она тоже изменила бы свои и сделала все, чтобы поддержать его и даже скрыть его поступки, осуждаемые в свете".

Императрица вызвала к себе первую даму Двора и очень любезно сообщила ей, что Император больше не будет приходить к ней в постель.

— Со своей стороны, — добавила она, — я бы вам посоветовала не пытаться подогреть его кровь вашим чересчур смелым декольте. Император велел мне сказать вам, что отныне ему будут неприятны все способы демонстрации ваших чувств к нему, которые вы посчитаете возможным позволить себе.

Мадам Дюшатель не дрогнула. Она прекрасно владела собой и, по словам мадам де Ремюза, "показывала своим хладнокровием, что не заслуживает подобных предупреждений и еще менее признает свою вину перед Двором, который какое-то время не спускал с нее глаз. Она сохраняла ровное спокойствие, которое доказывало, что ее сердце не было глубоко затронуто неожиданным разрывом".

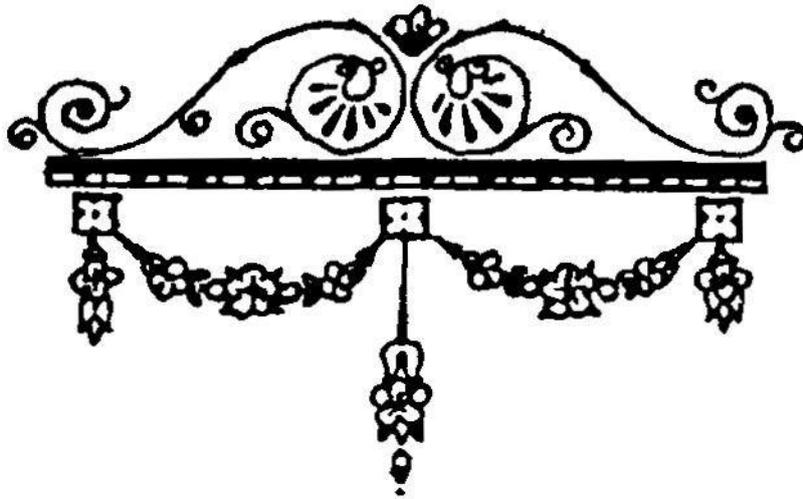
Что касается Наполеона, его поведение оставляло желать лучшего. Послу-

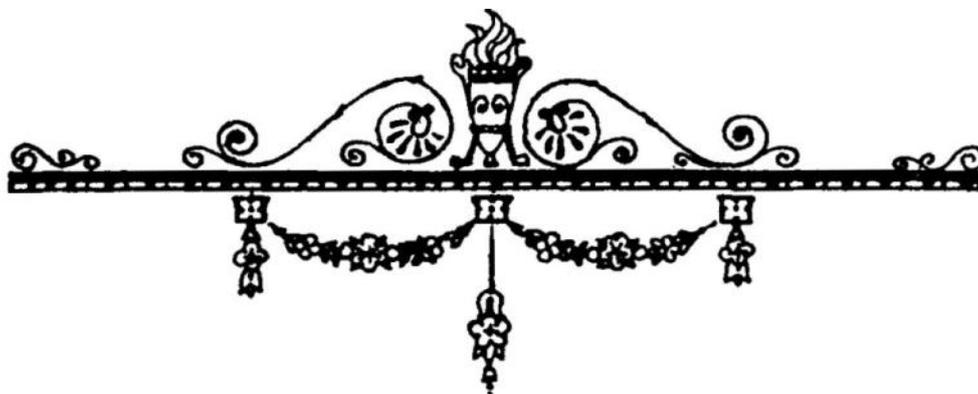
шаем еще раз мадам де Ремюза:

"Император, боявшийся малейшего давления, вел себя неестественно, пытаясь все время показать, что она перестала для него существовать. Он забывал даже о проявлении элементарной вежливости по отношению к мадам Дюшатель; он даже не смотрел на нее, с легкостью говорил о ней, стараясь представить свои чувства как мимолетную фантазию, о которой он рассказывал с малоприличной откровенностью. Он краснел, будучи еще влюбленным в нее, потому что не хотел признаться даже себе, что подчинился более сильной воле, чем его собственная".

Короче, он вел себя совершенно по-хамски.

Мадам Дюшатель осталась среди приближенных Жозефины. После Ватерлоо она была одной из немногих, кто пришел засвидетельствовать уважение и верность падшему Императору.

Жозефина предстает обнаженной перед папским камердинером

Обнажаться перед священником допустимо только на исповеди.
Жорж Санд

31 марта 1805 года Наполеон покинул Сен-Клу и отправился короноваться в Италию. Счастливый от мысли, что заполучит знаменитую железную корону ломбардских королей, он забыл на какое-то время о своих любовных неприятностях.

Эта корона известна с VI века. Когда Теоделинда, став вдовой Отариса, вновь вышла замуж за Агидульфа, герцога Туринского, она велела изготовить корону для своего нового супруга. Ее сделали из железного обруча, покрытого золотыми пластинками. Некоторые историки, однако, считают, что она вся из чистого золота, но это не так. Другие авторы утверждают, что корона сделана из железа и золота именно для того, чтобы тот, кто носит ее, помнил, что власть — это тяжкий труд, скрывающийся под внешним блеском. Предание упоминает, кроме того, что изнутри железный обруч короны утыкан длинными гвоздями, которые использовались при распятии Христа. До Наполеона эту корону носили Карл Великий и Карл V.

Прибыв в Турин, Наполеон пожелал посетить дворец, в котором никогда не был, и заставил распахнуть все закрытые двери. "Я здесь хозяин! Открывайте!" — приказал он. А через несколько дней папский камердинер по оплошности оказался в одной из комнат, "захваченных Императором". И перед взором этого достойного духовного лица предстала самая удивительная картина, которую он когда-либо видел в своей жизни: несколько озадаченная, но полная достоинства совершенно нагая Императрица.

На какое-то мгновение смущение парализовало действующих лиц этой неожиданной сцены, затем Жозефина начала хохотать, а святой отец, зажмурив от целомудрия один глаз, поспешно ретировался, бормоча извинения. Узнав об этой встрече, выходящей за рамки протокола, Император "очень развеселился", и этот случай не имел никакого продолжения. Жозефина действительно имела привычку иногда демонстрировать свои прелести мужчинам.

Прежде чем продолжить свой путь в Милан, Наполеон решил немного передохнуть в замке Ступиниджи, старинном увеселительном доме королей Сардинии, расположенном в двух-трех лье от Турина: "Я хочу, чтобы это путешествие стало праздником, чтобы музыка и поэзия сопутствовали ему, а женщины были его главным украшением". Мысль о том, что скоро он станет обла-

дателем короны Италии, делала его чрезвычайно веселым и непосредственным. Он смеялся вместе с придворными дамами, трепал их за ушко, говорил скабрзности герцогиням, легкомысленно похлопывал по бедрам жен маршалов.

Пребывая в таком приподнятом настроении, Наполеон заметил прелестное создание, появившееся в окружении Жозефины. Эта молоденькая девушка пользовалась репутацией особы, перед которой распахивались все двери, и государственные мужи, пренебрегая всеми общепринятыми формальностями, были рады посвятить ей часы не только досуга. И Наполеон тотчас же забыл честолюбивые планы предстоящей коронации и, проводя в Ступиниджи целые дни, даже не вспоминал о необходимости продолжить путешествие.

Время от времени вновь обеспокоенная Жозефина интересовалась:

— Не пора ли нам ехать в Милан?

— Я жду папу, — уклончиво отвечал Император. Эта ложь во спасение позволила ему без опаски продолжать наслаждаться ласками новой любовницы.

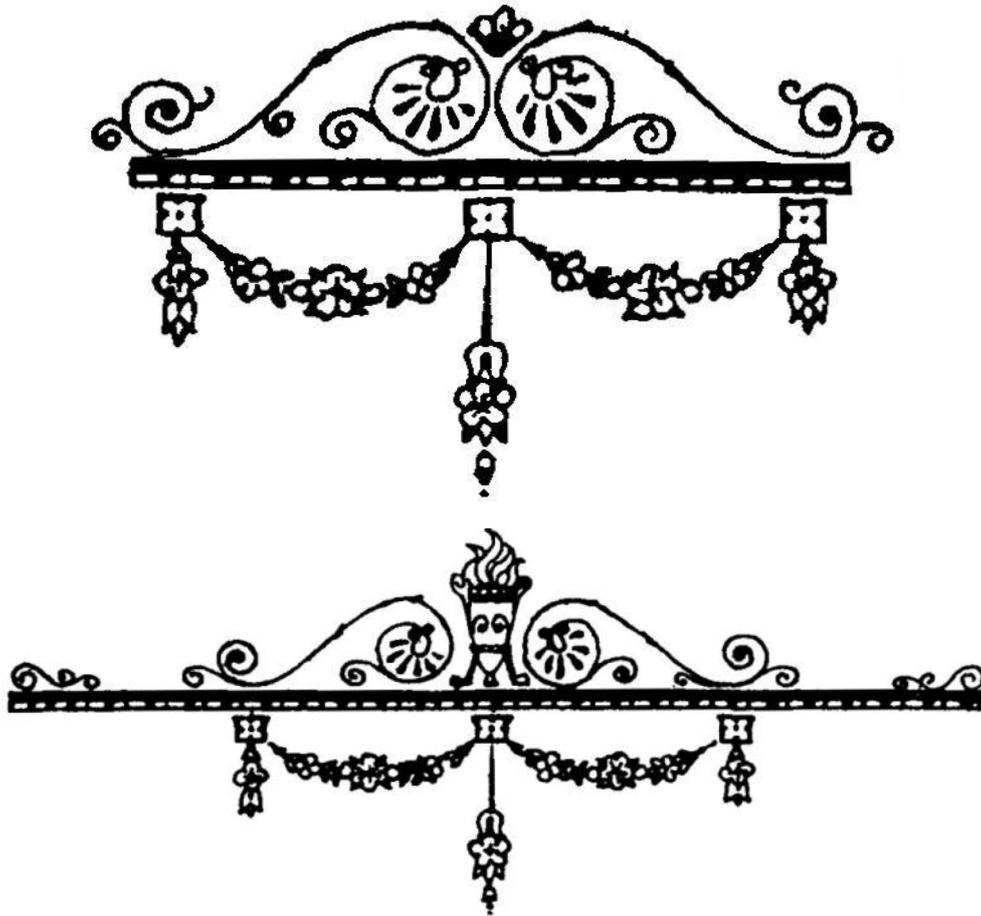
Через несколько дней Императрица отметила у своего мужа появившуюся неприязнь к ней. Вечером после обеда она осмелилась спросить, что с ним. Ее вопрос вызвал негодование Наполеона.

— Что со мной? Любовница! Молодая, красивая и страстная! — и без всякого уважения к супруге он ударился в подробное описание всех прелестей мадемуазель Н. и всех нежностей, которые она ему расточала. После чего, оставив Жозефину заливать горячими слезами, он вышел, хлопнув дверью. Такое поведение было обычным для него. Послушаем, что пишет по этому поводу мадам де Ремюза:

"Я всегда замечала, что Наполеон увлекся другой женщиной. То ли сильнее проявлялся деспотизм его характера по отношению к жене, не желавшей признать за ним право его полнейшей независимости, то ли его натура не позволяла ему испытывать хоть малейшую долю приличествующего уважения к той, которую он всегда предпочитал другим, но у него никогда не было доброжелательности к ней, он легко переступал через нее и становился грубым, жестоким и безжалостным, как только у него появлялась любовница. Он ставил жену в известность об этом и проявлял дикое удивление, что она не одобряет его нового увлечения, которое он считал для себя логически дозволенным и необходимым.

— Я не такой человек, как другие! — говорил он. — Законы морали или приличий написаны не для меня".

И уходил доказывать это с полным сознанием своей правоты.

В Италии Наполеон влюбляется в чтицу

Он обожал чтение вслух.
Мишле

Целых две недели Наполеон отдавал все свои силы опьяняющим прелестям мадемуазель Н. и даже потерял прекрасный цвет лица, который приобрел, преодолевая Альпы.

Однажды утром поглядев на себя в зеркало, он испугался: погасший взор, отвисший рот, тусклые, прилипшие к голове пряди волос, серый цвет лица — он стал похож на карикатуру, нарисованную английским художником Джилр-эем. Сильно встревоженный, он решил немедленно порвать с опасной вакханкой, и мадемуазель Н. попросили предложить другим свои услуги, оказавшиеся чересчур утомительными для Императора. Ветреная красавица, казалось, нимало не была разочарована. Она улыбнулась, пожала плечами и не медля отправилась выбирать красивого офицера, с которым в этот же вечер преда-лась наслаждениям...

Став свободным, Наполеон заскучал. Воспоминания о ночах, проведенных с пылкой любовницей, неотступно преследовали его. К концу второго дня он стал с интересом поглядывать на придворных дам и заметил в свите Импера-трицы новенькую — миниатюрную блондинку, служившую чтицей. Ее звали Анна Рош де Ла Кост и ей только что исполнилось двадцать лет. Она была бед-ной сиротой, воспитывала ее тетка, известная интриганка. Не будучи очень красивой, она была очаровательна, хотя и по-детски немного худа. Особенно были хороши длинные светлые волосы. У девушки был кроткий характер, а кроме того она получила превосходное образование, которое соединялось у

нее с обольстительной веселостью. Наведя о ней справки, Наполеон узнал, что эта молодая особа уже несколько дней была любовницей его камергера Теодора де Тиара. Эта новость испортила настроение Императору. В раздражении он вызвал Констанана и потребовал у него подробности. Слуга, знавший все происходящее во дворце, сказал, что их встреча произошла в Ла Новалере после спуска с горы Сенис.

— Каким образом, расскажите.

— Вы помните, сир, что Тиар занимался каретой, которая чуть было не свалилась в пропасть. Но в самый последний момент он успел послать слугу, и тот удержал карету перед самым обрывом, а сам де Тиар потом исчез.

— Я знаю, что после этого он сел в сани и на четыре часа раньше нас приехал в Ла Новалер. Но каким образом он оказался вместе с мадемуазель де Ла Кост?

— Но, сир, мадемуазель де Ла Кост тоже была в этих санях... И хотя спуск длился всего десять минут, они пробыли вместе четыре часа.

В своих "Мемуарах" Тиар приводит воспоминания об этом "головокружительном спуске" в обществе мадемуазель де Ла Кост:

"Впечатления от этого пути были совершенно невыразимыми. Спуск проходил в каком-то исступлении и вызвал во мне массу чувств. Эти мгновения, пролетевшие как бы между небом и землей, между реальностью и небытием, пробудили такой восторг, который, не испытав, невозможно представить. Существует ли более тайное волшебство, чем когда вы устремляетесь в вечность, но не один, а вместе с женщиной, формы и лицо которой так нежно молоды, а прекрасные волосы, развевающиеся по ветру и падающие на грудь, трепещущую от переполняющих ее чувств, делают ее неотразимо прекрасной? И тогда возникает опасность, которую ты искал сам и которую хочешь разделить с ней..."

Наполеон, насупившись, встал и прошелся из угла в угол по комнате, изредка пиная мебель и посылая кому-то проклятия.

После полудня он находился в убийственном настроении. Отложив важные письма, подготовку к коронаванию и государственные дела, он отправился на верховую прогулку, чтобы поразмыслить над тем, как устранить Тиара, не вызвав скандала во дворце. Через два часа размышлений он нашел такой способ и, возвратившись, срочно позвал Констанана.

— А что, мсье Тиар каждый вечер проводит с мадемуазель де Ла Кост?

— Я не думаю, сир. Вчера вечером он был с мадам де Серран.

— Спасибо.

И Наполеон стал готовиться к атаке, как если бы он был окружен австрийскими войсками.

На большом листе бумаги он нарисовал план замка, расположил на нем объекты, отметил охрану во всех коридорах, ведущих в комнату мадемуазель де Ла Кост. Надо было добраться до этой комнаты, не привлекая внимания свиты, не встретив Тиара и не возбуждая подозрений шпионов Жозефины.

Отработав диспозицию, Император с гордостью выпрямился. Его талант стратега проявился при разработке этой операции с такой же очевидностью, как и на поле боя... Он позвал Констанана и протянул ему лист бумаги.

— Вы должны расставить гвардейцев сегодня к десяти часам вечера в местах, указанных здесь. И проследить, чтобы никто не приближался к апарта-

ментам мадемуазель де Ла Кост, пока я буду там...

Констан поклонился и пошел исполнять приказ. "Как только он вышел, Наполеон, в восторге от своей военной хитрости, стал напевать "Мальбрук в поход собрался", как он обычно делал перед каждым сражением", — пишет Адольф Пено в книге "Наполеон в Италии".

В одиннадцать часов вечера Император покинул салон, где только что закончил партию в карты с несколькими дамами из свиты Жозефины, и притворился, что уходит в свои комнаты. Он спустился на первый этаж, разулся и, взбежав через несколько ступеней на второй этаж, наткнулся на гвардейца. Несмотря на свой вид опереточного любовника и туфли в руках Наполеон строго спросил:

— Ты никого не видел?

— Нет, сир.

Полный достоинства, Наполеон надел туфли и направился в коридор, ведущий в комнату чтицы. На углу он увидел другого гвардейца и, посмотрев ему прямо в глаза, спросил:

— Все в порядке?

— Да, сир.

Император опять снял туфли и теперь шел на цыпочках. Подойдя к двери, вытащил из кармана ключ (у него всегда была связка ключей от всех комнат дворца, в котором он находился в данное время), осторожно вставил его в замочную скважину, медленно повернул и распахнул дверь.

То, что он увидел, страшно удивило Бонапарта. В постели лежала совершенно обнаженная мадемуазель де Ла Кост вместе с мсье Тиаром. Император остолбенел, а мадемуазель де Ла Кост воспользовалась этим, чтобы прикрыть свою наготу. Наконец он пришел в себя и, пытаясь спрятать туфли, которые держал в руках, спросил:

— Как вам удалось войти сюда, мсье Тиар?

Камергер впрыгнул в свои панталоны и пробормотал:

— Через дверь, сир.

Наполеон ухмыльнулся:

— Этого не может быть... В котором часу?

— В пять часов после полудня, сир...

На этот раз Наполеон не нашелся, что сказать. Все его стратегические планы были нарушены страстью и небольшой долей фантазии. А он, который всегда и во всем превосходил других, не смог себе даже представить, что существует другой мужчина, способный ласкать женщину в течение шести часов. Закусив губу и бросив бешеный взгляд на любовников, он вышел, хлопнув дверью.

Эта дурацкая сцена повергла Императора в ярость. Возвратившись к себе, он разбил несколько ваз, обругал гвардейцев, накричал на слуг и, улегшись в постель, стал подыскивать отдаленную страну, в которую мог бы сослать Тиара.

На следующее утро, немного успокоившись, Бонапарт решил, что разумнее будет просто забыть об этом случае и завоевать Анну способом, невозможным для камергера. Он послал ей дорогие украшения. Красавица оказалась тщеславной. И с этих пор, как пишет Адольф Пено, мсье Тиар стал носить уничижительный титул "предыдущий".

Несколькими днями позже Двор покинул Ступиниджи, чтобы обосноваться в Милане, где должно было состояться коронавание. Едва прибыв туда, Наполеон поручил камергеру неотлучно находиться при высоких особах духовного звания, и в то время как мсье Тиар должен был склоняться перед кардиналом Бочелли, Наполеон отправился к Анне, перед которой преклонил колени под менее благовидным предлогом. Надо признать, что у Наполеона в то время были другие желания, нежели целовать перстень кардинала.

На следующий день Император захотел сделать свою победу над мсье Тиаром полной. На глазах у всего Двора он подарил мадемуазель де Ла Кост кольцо. Жозефина, разразившись рыданиями, бросилась к себе в комнату.

И в этой прелестной обстановке должны были вскоре принимать папу...

На протяжении двух недель Жозефина закатила столько сцен, испустила столько криков, измочила слезами столько носовых платков, что Наполеон отступил, согласившись расстаться с Анной.

— Ты хочешь, чтобы она уехала?! Ну что ж, пусть уезжает! Но я ставлю одно условие: сначала пусть за ней приедет из Парижа ее тетя, а затем ты устроишь в своем кругу большой прием.

Жозефина побледнела. Этикет запрещал чтицам выходить из внутренних покоев. Требование Императора было связано с риском вызвать пересуды Двора, оскорбительные для Жозефины. Но понимая, что это единственный способ избавиться от Анны, она уступила. Но вскоре была отмищена.

Когда мадемуазель де Ла Кост и ее тетюшка отправились наконец в Париж, они обе заливались горючими слезами. Каждый поворот дороги отдалял их от судьбы, на которую они так рассчитывали, и теперь будущее представлялось им мрачным. Но в дороге их ждало утешение. Перед Моденой, в лесу, обе были изнасилованы разбойниками. И этим приятным воспоминаниям они предавались до самого Парижа.

Позднее Наполеон выдал замуж Анну де Ла Кост за мсье Левавассера, главу налогового управления департамента Луара. Но этот союз не угасил пыла бывшей чтицы — она поочередно стала любовницей русского дипломата, русского министра и, наконец, царя.

После отъезда Анны у Наполеона уже не было времени искать новую любовницу. Подготовка к коронации полностью занимала его, мешая охотиться за красавицами в коридорах Миланского дворца.

23 мая он получил железную корону. Предоставим слово свидетельнице этого события, мадемуазель Аврийон:

"Императора короновали в одном из самых красивых соборов Италии, украшенном в итальянском стиле — драпировками из газа и крепа. Церемония была великолепна. Императрица восседала на трибуне, откуда она была видна всем. Железная корона, которой, как говорят, короновался Карл Великий, теперь должна была перейти к Императору. Утром ее привезли из Монзы, где она хранилась много веков.

В момент коронавания Император взял корону обеими руками и, прежде чем надеть на себя, сказал громким голосом:

— Бог дал мне ее и пусть кто-нибудь попробует тронуть ее!

Теперь эти слова известны всем. Наполеон сиял от счастья".

После коронавания Наполеон решил, что, будучи Императором Франции и королем Италии, он имеет право сразу на двух фавориток и почувствовал себя

несчастливым от того, что не имел пока ни одной.

Празднования, устроенные в Генуе в ознаменование присоединения Лигурийской республики к Французской империи, позволили ему найти такую любовницу, которая смогла угодить сразу двум государям...

Желая достойно встретить Наполеона, генуэзцы решили составить эскорт из самых красивых женщин города. Единственным условием вхождения в эту группу была красота, и этой чести хотели удостоиться аристократки и простые горожанки, комедиантки и бедные девушки. Среди них была одна, превосходящая красотой и очарованием всех. Ее звали Карлотта Гаццани. Дочь танцовщицы, она не воспитывалась в салонах, но природная грация делала ее похожей на принцессу. Послушаем мадемуазель Аврийон:

"Никогда в своей жизни я не видела лица более чистой красоты. Оно обладало такой привлекательностью, что даже женщины не могли оторвать от него глаз. Ее глаза, сиявшие поистине ангельской нежностью, были бархатными, а взгляд таким ласкающим, что казалось, она излучает магнетизм на всех, кто смотрел на нее. Ее фигура была великолепной, но хотелось, чтобы она была чуть поплотнее".

Талейран, имевший "полный карман любовниц", подумал, что эта женщина могла бы стать идеальной фавориткой, и рассказал о ней Императору в самых восторженных выражениях. Наполеон выслушал его, сверкая глазами. Затем принялся ходить по салону широкими шагами, воинственно насвистывая. Временами он останавливался и расспрашивал дипломата о подробностях анатомии Карлотты: "Какая у нее грудь? А ноги? А колени? А бедра?"

Невозмутимый Талейран, осведомленный обо всем, отвечал на вопросы серьезным бесстрастным тоном гида, описывающего собор. По мере того как картина близилась к завершению, Наполеон ускорял шаги. Находясь в состоянии перевозбуждения, он стал похож на мечущуюся крысу. Наконец, остановившись, он глухо сказал:

— Пойдем за ней.

Талейран усмехнулся:

— Надо подождать несколько дней, сир.

— Почему?!

— У мадам Гаццани любовник, к которому она очень привязана, сир.

— Француз?

— Да, сир.

— Его имя?

— Это мсье Тиар, сир.

Наполеон потерял дар речи. Затем побагровел, бросился к вазе и разбил ее у ног все так же бесстрастного Талейрана.

Таким образом, Наполеон второй раз был неприятно поражен, обнаружив своего камергера в постели женщины, которую сам хотел узнать поближе. Его обуревали противоречивые чувства, и, вновь оставив важные дела, он стал думать над тем, как добиться своего. Но срочная депеша из Парижа, извещавшая о воинственных намерениях Англии, помешала ему немедленно осуществить свое галантное намерение. Вынужденный срочно возвратиться во Францию, Наполеон принял решение, о котором сразу же стали судачить при Дворе: чтобы выполнить позже то, что ему не удалось сделать сейчас, он назначил Карлотту Гаццани в свиту Жозефины в качестве чтицы на место мадемуазель де

Ла Кост. Прекрасная гемуэзка не знала ни слова по-французски, и ее назначение на эту должность могло бы показаться экстравагантным; но, к счастью, Жозефина теперь испытывала омерзение к чтению вслух. Жозеф Тюркан пишет не без лукавства: "Так как Император только и думал о том, чтобы перелистать с ней книгу любви, для него не имело значения, что чтица не умеет читать по-французски — она говорила по-итальянски и он тоже. Итальянский — это язык любви, и они прекрасно понимали друг друга."

В июне Наполеон добился от Жозефины обещания, что во время его путешествия у нее не будет мигрени, и, сев в карету, покатил в Париж, которого достиг через восемь дней. Перед отъездом он успел назначить Евгения де Богарнэ вице-королем Италии. Через неделю после его отъезда мадам Гаццани была принята в свиту Императрицы к большой радости мсье Тиара, который подумал, что Император действительно обладает необыкновенной добротой. Но вскоре он должен был горько разочароваться...

Однажды утром Наполеон вызвал мсье Тиара, поручил ему дипломатическую миссию и приказал немедленно выехать к месту службы, запретив впредь появляться при Дворе без необходимости. И так как камергер очень удивился, Император бросил ему сухо:

— Считайте, что вы впали в немилость, и думаю, что для этого есть причины. — Сказав это, он выпрямился с победоносным видом и, уже предвкушая наслаждения с Карлоттой, разрешил совершенно подавленному мсье Тиару выйти из кабинета.

И в дальнейшем Наполеон старался отделять Тиара от мадам Гаццани, удерживая его возле себя при Аустерлице, затем в Далмации и, наконец, во время кампании 1806–1807 годов.

В тот же вечер Наполеон позвал к себе мадам Гаццани. Жозефине, которая всегда была настороже, сразу же донесли о новой связи мужа. И она вновь стала искать способ застать его на месте преступления. Послушаем Констанана:

"Однажды, когда у Императора было свидание с этой дамой, он приказал мне находиться в комнате перед его кабинетом, отвечая всем, кто будет его спрашивать, в том числе и Ее Величеству, что он работает с министром.

Свидание проходило в апартаментах, которые прежде занимал Бурьенн. В них вела лестница из спальни Его Величества. Эта часть дома была скромно обставлена и имела второй выход на лестницу, называемую "черной", так как она была плохо освещена. Именно по ней пришла мадам Гаццани. И только они встретились, как в комнату, где я находился, вошла Императрица и спросила, что делает ее супруг.

— Мадам, Император сейчас занят, он работает с министром в своем кабинете.

— Я хочу войти туда.

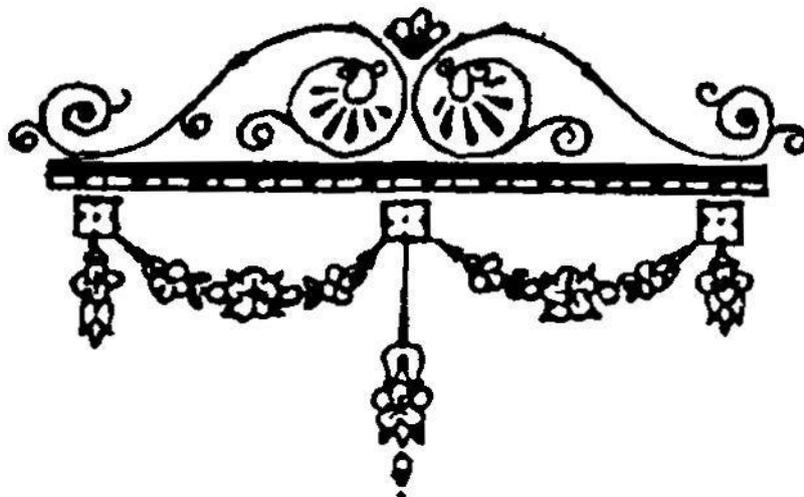
— Это невозможно, мадам, я получил приказ не беспокоить его, даже если придет Ваше Величество.

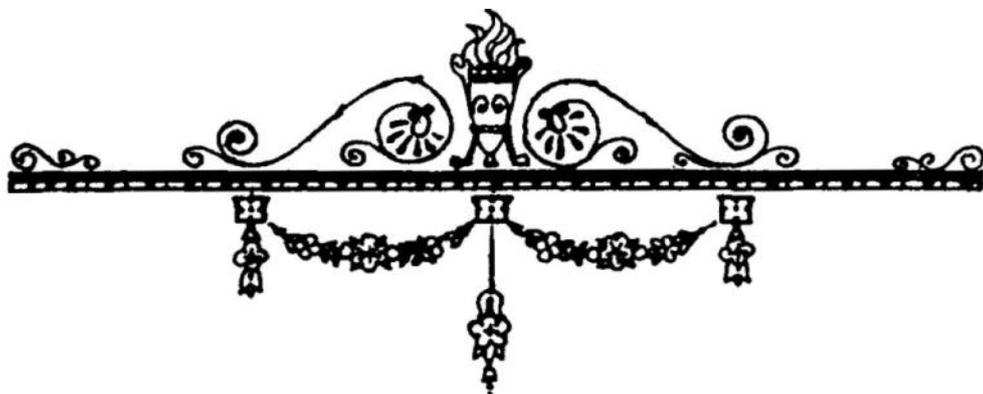
Она вышла, недовольная и даже разгневанная. Через полчаса вернулась и опять повторила свое требование. Мне было очень неприятно видеть ее огорченной, но я не мог пренебречь приказом Императора.

В тот же вечер, укладываясь спать, Император сказал мне строгим голосом, что Императрица убеждена, что он был с женщиной, и ссылается при этом на меня. Я невозмутимо ответил Императору, что он не должен верить этому.

— А я и не верю, — ответил он, переходя на свой обычный дружеский тон, — я достаточно хорошо знаю вас и уверен в вашей преданности. Но горе болтунам, если я узнаю, кто мог сказать ей об этом"...

После этих слов он облачился в белый халат и отправился к мадам Гаццани, которая уже ждала его в постели.

Наполеон обнаруживает в замке Аустерлиц обнаженную женщину

За что я люблю войну, так это за непредвиденный исход баталий.
Маршал Фош

Устав от ревности Жозефины, Наполеон ранним утром оставил Париж и отправился в Булонь, где его ждали шестьдесят тысяч солдат, собираясь доказать, что его флот обладает мощностью, необходимой для высадки в Англии.

Во всех портах и на всех реках Франции спешно строились суда, канонерки и десантные баржи. На верфи в Париже готовилось восемьдесят шлюпов. Спущенные на воду в июне, они сплавлялись по Сене в Гавр и после оснащения необходимым вооружением и экипажем направлялись к берегам Па-де-Кале. Кавалерийские эскадроны и легкая артиллерия были в полной боевой готовности. Из Луары и Жиронды, из Шарента и Адура — отовсюду двигались караваны судов, и когда Наполеон прибыл в Булонь, в его распоряжении было около тысячи судов.

Император чувствовал себя счастливым, снова находясь в обстановке военного лагеря, где он мог отдохнуть душой и расслабиться. После восьми месяцев этикета и интриг Двора это было необходимо ему. Он опять шутил с солдатами; его видели сидящим прямо на земле и рассматривающим карты; он ругался, как корсиканский разбойник, и иногда проводил время с женщинами, обращаясь с ними грубовато и просто.

Интерес к жительницам Булони проявился у него после неожиданного случая.

Когда полки прибыли в Булонь, горожанки, смотревшие на них со своих балконов, были охвачены идеей, что любое проявление патриотизма является честью для француженки. И у многих из них при взгляде на красивых военных в предвкушении предстоящих событий по спине пробежал приятный холодок. Однако к концу недели ни одна из горожанок, хотя они часто прогуливались вокруг военного лагеря, не подняла свой подол для солдата императорской армии.

Их неудачи оказались связаны с тем, что маркитантки армии были бдительны и встречали приближающихся горожанок криками "матросская девка", "порченная шлюха", "грязная прачка"... Ужасно напуганные этим, девушки спешно возвращались обратно, пытаясь скрыть свои вылазки. Еще несколько дней городские женщины ходили вокруг лагеря под предлогом простого интереса. Одной из них даже удалось заговорить с каким-то военным, но эта бесе-

да длилась недолго: из палаток выскочила толпа маркитанток и устремилась к неосторожной булонке, которая едва успела унести ноги.

В городе вскоре стало известно, что две сотни "солдаток", ревнивых как жены, хранили честь ста шестидесяти тысяч мужчин, доверенных им Родиной. Каждый вечер они были готовы встречать — в специально отведенных для этого палатках — уставших после боевых учений мужчин, которые десятками заходили к ним, влекомые единым желанием. Каждая женщина за один вечер утешала до тридцати солдат. Они делали это весело, отважно, у всех был гордый характер и храброе сердечко настоящей француженки. Но как-то августовским вечером прошел слух, что какой-то булонке удалось заполучить артиллериста, и тотчас же две сотни горожанок отправились в лагерь, чтобы бросить вызов маркитанткам. Издали заслышав воинственные крики, сопровождаемые насмешливыми куплетами, маркитантки как фурии бросились на своих обидчиц.

Столкновение было ужасным. Через час, когда удалось разнять сражающихся, обнаружили, что двадцать восемь женщин лишились зубов, семнадцать едва не были задушены, у пятерых выдраны волосы, а с двух полностью содрана одежда, и они голыми бежали под небом Пикардии.

Наполеон, узнав об этих душераздирающих фактах, только усмехнулся. Придворные дамы научили его быть философом.

Через восемь дней, проведенных среди солдат, Император стал ощущать душевное томление. Он вспоминал красивых женщин, оставленных в Париже, и чувствовал себя одиноким в постели. Он открылся Мюрату:

— Вот уже несколько дней я вижу только усатые лица. Это становится скучным.

Маршал добровольно взял на себя роль посредника:

— Я знаю одну даму из Генуи, она красива и остроумна и очень бы хотела познакомиться с вами.

Глаза Наполеона загорелись.

Мюрат, как настоящий придворный угодник, сначала сам решил отвесть прелестей красоты, а потом описал Императору заманчивые детали. У Императора всерьез разгорелся аппетит, и он послал Констана за той, которая вскоре явилась, залившись краской смущения.

— Мне сказали, что вы красивы, — встретил ее Наполеон. — Но мне солгали, вы — очень красивы.

Чрезвычайно растерявшаяся девушка расплакалась. Чтобы успокоить ее, он стал снимать с себя одежду.

В три часа утра, считая, что настоящий Император должен заботиться о своих подданных, он проводил ее до самого дома, и, вернувшись, спокойно уснул, думая о Жозефине... Во время своего пребывания в Булони он ежедневно оказывал честь красивой генуэзке, ни имени, ни фамилии которой не оставил для истории Констан в своих "Мемуарах".

Однако нет сомнений в том, что не все свое время Наполеон проводил с прелестной подружкой. Склоняясь над картой Англии, он изучал ее береговые очертания, казавшиеся ему наиболее благоприятными для высадки, и по десять раз в день взбирался на прибрежные скалы, всматриваясь вдаль, не идет ли французская эскадра. "Когда Вильнев со своими кораблями будет здесь, чтобы защитить три тысячи шлюпов, — говорил он, — мы пересечем Ла-Манш

и победим англичан у них в доме". И он долго всматривался в горизонт через свою подзорную трубу, но ничего не видя там, начинал нервничать.

Но вот пришла удручающая новость: адмирал Вильнев, считая задуманное Императором предприятие чересчур рискованным, решил остаться в Кадисе. Наполеон страшно разгневался. Круша мебель в своем кабинете, он принял ошеломляющее решение: "Ну что ж! Раз мы не можем разгромить англичан на их острове, отправимся бить их в Австрию!"

Тем временем в Европе сформировалась новая коалиция. Россия, подкупленная Англией, согласилась объединиться с Австрией, и, как пишет Сен-Жорж де Бушелье, "часть Старого света уже приготовилась опрокинуть Францию. Миллионы солдат уже были на марше, двигаясь с Урала и с полярных ледников".

Изменив тактику, Наполеон немедленно двинул войска из Булони на Рейн, а сам возвратился в Сен-Клу, чтобы подготовить новый план.

После года мирной жизни опять началась война. Но при Дворе о ней никто и не думал. Когда Император появился в Париже, весь Двор потешался над приключением, героиней которого стала мадам де Сталь. Император, ненавидевший ее, узнав эту историю, испытал несколько приятных минут. Вот что рассказал об этом виконт Бомон-Васси:

"Мадам де Сталь была приглашена на охоту в Мортefonтен. Но была настолько скучна со своей манией философствовать по всякому поводу, что охотники поспешили оставить ее в одиночестве наслаждаться деревенскими красотами. Оставшись одна, она взяла "Жизнь Марка Аврелия" и отправилась с нею в лес. В семь часов вечера, когда охота уже закончилась, она все еще сидела на стволе дерева, погружившись в свою книгу. В это время через лес проходил бравый и красивый гвардеец, который больше предавался празднествам в честь Бахуса, чем охоте.

Он увидел сидящую на поваленном дереве пышную женщину, чей грубоватый румянец был схож с цветом лица местных крестьянок, за которую он и принял ее, и одежда ее тоже была проста. Он сразу же решительно взял ее за талию и поцеловал на манер приветствия. Можно понять ошеломление автора "Коринны". Соскользнув на землю под мощным натиском мужчины, у которого не было сомнения, что это ей не может не понравиться, мадам де Сталь начала кричать, но ее крики были слабы; она боролась, но ее усилия были напрасны".

Ловко опрокинутая гвардейцем, она обнажила наименее интеллектуальную часть своей персоны, чем тот немедленно воспользовался. Оглушенная, шокированная, но счастливая, мадам де Сталь остерегалась теперь звать на помощь, думая, что все обойдется, что иногда нужно делать что-то доброе людям из народа, которым недоступны духовные радости...

"Прошло несколько мгновений, — продолжает Бомон-Васси, — и тут в лесу послышались шаги. Это был Матье де Монморанси, взволнованный пропажей своей подруги. Он был со своим слугой, шедшим чуть впереди. Гвардеец тотчас же скрылся, будто его и не было. Увидев мадам де Сталь полуодетой и взъерошенной, Матье де Монморанси воскликнул:

— Моя дорогая, что произошло?!

Мадам де Сталь, слишком разумная, чтобы навлечь на себя подозрения, и слишком хорошо владеющая собой, чтобы мгновенно не обрести хладнокро-

вие, ответила:

— Со мной? Ничего, мой друг.

— Однако, что за поза?

— Ах, вы ничего не видели, я, вероятно, уснула, а вы меня внезапно разбудили.

— Бог мой! — живо отреагировал блестящий придворный. — Я согласен, я ничего не видел, но какой странный сон видели вы?"

Ничего не ответив, мадам де Сталь поднялась и, сопровождаемая своим верным другом, пошла навстречу обществу. Она, несомненно, думала, что никто никогда не узнает о происшедшем с ней. Но она не знала, что за кустами находился слуга Матье де Монморанси, который был не так скромн, как его хозяин...

В то время как Двор смеялся над этим приключением, австрийская армия вошла на баварскую территорию. Наполеон немедленно собрался и 24 сентября 1805 года оставил Сен-Клу и вместе с Жозефиной отправился в Страсбург. 1 октября он продолжил путь один, чтобы возглавить свои войска, которые теперь стали называться Великой Армией. 2-го он был в Людвигсбурге, 12-го — в Бургау, 24-го — в Мюнхене, 13 ноября — в Вене. На каждом этапе своего продвижения Наполеон получал нежные письма от Жозефины, из которых узнавал, что она ревнует. Эти письма не мешали ему, однако, думать о юбках.

И в Вене Мюрат, всегда готовый к мелким услугам, свел его с приятной женщиной. Послушаем, как эту историю рассказывает сам Наполеон.

"В 1805 году в Вене Мюрат сказал мне:

— Я хочу познакомить вас с очаровательной женщиной, которая без ума от вас. Она давно мечтает о встрече с вами.

Хотя такое заявление показалось мне подозрительным, я сказал, чтобы ее привели ко мне.

Она не понимала ни слова по-французски, а я не знал ни одного слова по-немецки. Она понравилась мне настолько, что я провел с ней целую ночь. Это была одна из самых приятных женщин, которых я знал. Женщина без запаха. Утром, когда я проснулся, ее уже не было. С тех пор я ее никогда больше не видел. Я так никогда и не узнал, кто она. И только в 1808 году шеф венской полиции сказал, что ее звали Юдифь, но, может быть, он хотел только напомнить мне библейскую легенду. Чтобы мне понравиться, женщина должна быть красивой и любезной, а эта, кроме того, хорошо сделала свое дело".

Это было сказано Наполеоном на Святой Елене в 1817 году и поведено позднее Гурго.

Благодаря прекрасной венке Наполеон со свежими чувствами приготовился встретить врага. 1 декабря он воскликнул: "Мы должны закончить эту кампанию ударом грома!" И этим громом был Аустерлиц. На следующий день он написал Жозефине знаменитое письмо:

Аустерлиц, 18 фримера, XIV года

(3 декабря 1805 года. — Авт.)

"Я послал это письмо с Лебреном прямо с поля боя. Я победил русскую и австрийскую армии под командованием двух императоров. Я немного устал. Я уже восемь дней на полевых бивуаках, под открытым небом, а ночи прохладные. Сегодня я буду спать в замке принца Кауница, но только два-три часа.

Русская армия не только разбита, но и уничтожена.

Целую тебя.

Наполеон"

Пока Император как примерный муж слал отчеты Жозефине, оставшиеся в живых после этой невероятной битвы, еще одуревшие после боя, с радостью ощупывали себя и уцелевших товарищей.

"Вы навсегда останетесь храбрецами. А погибших Франция никогда не забудет", — сказал солдатам Наполеон.

Были, однако, павшие, которых ждала менее славная посмертная судьба. Приведу только один пример странной участи, выпавшей на долю останков генерала Морлана. Вот что написал об этом генерал Марбо в своих "Мемуарах":

"Мой бедный друг капитан Фурнье был убит почти одновременно с генералом Морланом. Император, всегда внимательной к тому, что может поднять патриотический дух в войсках, решил, что тело генерала Морлана должно покоиться внутри монумента, который он намеревался воздвигнуть в центре Парижа, на площади Инвалидов.

Врачи, у которых на поле боя не было ни времени, ни необходимых для бальзамирования средств, поместили тело генерала в бочку с ромом и отправили в Париж. Однако дальнейшие события задержали строительство памятника, предназначавшегося для гробницы генерала, а бочка, в которую было помещено его тело, все еще находилась в одном из залов Медицинского института и в 1814 году, когда Наполеон потерял Империю. Спустя некоторое время бочка по ветхости развалилась, и случайные свидетели были чрезвычайно удивлены, увидев, что ром подействовал на усы генерала таким невероятным образом, что они отросли ниже пояса. Тело было в прекрасной сохранности, но семья генерала возбудила судебное дело против врача, сделавшего из генерала экспонат, достойный кунсткамеры.

Вот что значит любить славу и идти умирать, чтобы потом какой-нибудь псих натуралист поместил вас в свою библиотеку между рогом носорога и шкурой крокодила".

А ведь, действительно, судьба иногда распоряжается с такой бесцеремонностью, на какую никогда бы не отважился ни один романист...

Понемногу стали убирать поле боя, на котором валялись пятнадцать тысяч убитых, двадцать тысяч раненых, пушки, ружья, сабли, трупы лошадей, шляпы... Наполеон отправился в замок Аустерлиц. Слуги, которых несколько часов назад бросили австрийский император и русский царь, встретили его с глубоким почтением. Пока готовили обед, Наполеон в задумчивости обходил пустынные залы, в которых разбросанные вещи свидетельствовали о спешном бегстве его врагов. В конце одного коридора он обнаружил запертую дверь. Когда по его приказу дверь взломали, он увидел восхитительную молодую женщину, испуганно глядевшую на него из-под одеяла, натянутого до самых глаз. Трудно представить большее удивление Наполеона.

— Кто это? — просто спросил он. Слуги ответили, что не знают имени этой женщины, забытой царем. Император остановился у кровати и несколько мгновений смотрел на красавицу, глаза которой внезапно наполнились слезами.

— Кто вы?

Вместо ответа она разрыдалась.

— Царь Александр уехал, — сказал Наполеон, — не позаботившись о вас. Он поступил неблагородно. Потрудитесь одеться, прошу вас. Я прикажу моим офицерам проводить вас до русских аванпостов.

Незнакомка, тронутая галантностью Императора, улыбнулась и привстала, желая поклониться ему. Но при неловком движении одеяло соскользнуло, и Наполеон увидел, что она совершенно нагая. Какое-то мгновение он с удовольствием смотрел на нее, а затем подумал, что, не теряя времени, надо приступить к переговорам о мире с Австрией. Несколько взволнованный, но уже овладев собой, он вышел и велел позвать Дюрока. Через несколько минут маршалу было поручено проводить даму к русским.

На следующий день Наполеон встретился с австрийским императором, обнял его на глазах у изумленных солдат и стал беседовать с ним у бивачного костра, а затем проводил гостя до кареты.

Возвратившись к своим офицерам, он воскликнул:

— Господа, мы возвращаемся в Париж. Мир достигнут!

Сев в свою карету, он вернулся в Мюнхен, где его ждала Жозефина. Там, чтобы немного отвлечься, он задумал женить Евгения де Богарнэ, которого сделал своим приемным сыном, на принцессе Аугусте Баварской.

Ее отец был полностью отмщен, видя как Император печется о его дочери, и заявил не без юмора: "Наполеон, наверно, думает, что я отец уродины, которую будет трудно пристроить. Он не знает, что Аугуста красива и ее любит принц Баденский". Но чтобы все устроить как надо, у него возникла идея любопытного представления. Послушаем Наполеона:

"Король Баварии вошел ко мне в кабинет с какой-то дамой под вуалью. Он поднял вуаль — это была его дочь. Я нашел ее прелестной и очень смущенной. Я сказал королю, что в восторге от нее. Я усадил девушку и поручил ее заботам гувернантки, мадам де Вюрмсер. Должны ли принцессы любить? Нет, это только политический товар".

Этот нелюбезный комментарий оказался ошибочным.

К счастью, очаровательная Аугуста нашла Евгения очень красивым и захотела ему принадлежать. Таким образом, ее любовь помогла Наполеону заключить их брачный союз. Пока шла подготовка к свадебной церемонии, Император взглядом гурмана оценивал бюст принцессы Баварии, чувствуя, как в нем зарождаются нечистые желания. Не задумываясь о последствиях, он начал ухаживать за ней. Сам он сделал такие признания на острове Святой Елены:

"Принцесса Баварии была красива и мне доставляло удовольствие быть рядом с ней. Однажды на охоте король ускакал вперед, я обещал вскоре догнать его и остался подле принцессы на целых полтора часа. Это разгневало короля, и, когда мы встретились, он начал ворчать на нее. Но она ответила:

— Вы что, хотите, чтобы я выставила его за дверь? Позже я заплатил ей за такую галантность".

Имя принцессы не упоминается в его длинном "стеганом одеяле из дам", как насмешливо назвал Мериме донжуанский список Наполеона. Император велел ускорить приготовления к свадьбе Аугусты и Евгения, которая состоялась 14 января 1806 года и повергла в дурное настроение весь клан Бонапартов. "Императору пришлось выдержать несколько семейных сцен, — пишет

Гортензия. — Мюрат и его жена, Каролина Бонапарт, не пожелали присутствовать на ней. Один переживал из-за того, что молодой человек больше него успел поучаствовать в блестящей военной кампании, он даже сломал свою шпагу на церемонии усыновления моего брата. Титул вице-короля, полученный пасынком Наполеона, также не улучшил настроения Мюрату. Другая была возмущена выгодным альянсом для семьи, которую она не считала своей. Она откровенно говорила мне об этом и призналась, что уже в Мюнхене советовала Наполеону развестись и жениться на принцессе Аугусте, так как эта женщина действительно ему подходит"...

После свадьбы молодые супруги, будучи вице-королем и вице-королевой Италии, оставили Баварию и направились в Милан, а Наполеон и Жозефина возвратились в Париж. Там они увидели, что весь высший свет, политики и финансисты обеспокоены невероятным происшествием, случившимся с добродетельной Жюльеттой Рекамье. Эта молодая двадцативосьмилетняя женщина была наделена такой ослепительной красотой, что, как уверяют современники, когда она входила в салон, всех охватывало желание аплодировать. Будучи замужем за банкиром на двадцать лет старше нее, который, как говорят, был ее отцом, она вела роскошную, но безупречную жизнь. (Известно, что мсье Рекамье был любовником мадам Бернар, матери Жюльетты. Некоторые историки уверяют, что от этой незаконной любви и родилась будущая муза Шатобриана. Однако в 1793 году банкир, боясь, что будет гильотинирован, подумал о будущем своей дочери. Единственной возможностью передать ей свое состояние была женитьба на ней, и он без колебаний заключил фиктивный брак... Это предположение, в частности, сделано в книге Эдуарда Эррио "Мадам Рекамье и ее друзья".)

Однако ее добродетели смущали других женщин и особенно распутную красавицу мадам Гамелен, имевшую бесчисленное количество любовников и получившую прозвище "самая большая шалунья Франции". Однажды эта обаятельная язва узнала, что у мадам Рекамье легкий флирт с одним из ее любовников, красавцем Монтроном. И тотчас же стала повсюду следить за ней, намереваясь устроить проделку в своем стиле.

И вот однажды вечером прекрасная Жюльетта отправилась на бал-маскарад, чтобы встретиться там со своим Ромео. Оба они решили, воспользовавшись своим инкогнито, в маскарадных костюмах наведаться в один дом за заставой Клиши.

Мадам Гамелен, естественно, тоже была на этом балу. Она узнала мадам Рекамье несмотря на ее костюм крестьянки и мсье Монтрона, одетого мушкетером, и видела, как они садились в карету.

"В одно мгновение, — рассказывает генерал Тьебо, — она вскочила в наемный кабриолет и, сбросив свое домино, помчалась вдогонку. Нагнав карету у самой заставы, она выскочила из кабриолета, схватила под уздцы лошадей мадам Рекамье и, остановив их, принялась кричать во все горло:

— На помощь! На помощь! В этом экипаже женщина, укравшая моего мужа!

Сбежались служившие на заставе гвардейцы и окружили фиакр. При свете фонарей, среди собравшейся толпы из кареты вытащили мсье Монтрона и полумертвую от ужаса мадам Рекамье. И тут мадам Гамелен воскликнула:

— Мадам Рекамье! Как, это вы?! Ах, извините, я ошиблась...

Чрезвычайно довольная собой и учиненным скандалом, она села в свой кабриолет и, надев домино, возвратилась на бал, где начала распространять слухи и рассказывать, как ей удалось отомстить".

На этом она не остановилась. На следующий день, посетив примерно двадцать домов, она добралась до Каролины Мюрат, чтобы рассказать ей лицемерным тоном:

— Со мной в эту ночь произошло нечто ужасное... Я обожаю Монтрона, и что же вы думаете: в одиннадцать вечера я увидела, как он уезжает в фиакре с какой-то женщиной. Я последовала за ними. У заставы Клиши я их догоняю и, к моему отчаянию, узнаю рядом с ним мадам Рекамье...

Весь высший свет восклицал:

— Как?! Мадам Рекамье?!

— О, да, — вздыхала мошеница, — именно, а мы ей так доверяли...

Тем не менее такое вероломство многим не понравилось, и некоторые дамы отказались принимать у себя мадам Гамелен. "Но, — как пишет генерал Тьебо, — зло, совершенное ею, сделало свое дело"...

Парижане действительно начали сомневаться — и это продолжалось почти сто пятьдесят лет — в добродетели Жюльетты Рекамье.

На протяжении ста пятидесяти лет репутация мадам Рекамье оставалась ниже критики. Мериме утверждал, что у нее был физический недостаток, помешавший ей — он использует модное тогда словечко — "стать Модницей". Однако мсье де Ломени, правнучатый племянник Жюльетты, обнаружил документ, окончательно разрушивший эту легенду. Речь идет о дневнике, который оставил Луи де Ломени — его дед. Этот молодой писатель делал в то время заметки о жизни мадам де Рекамье для своей "Галереи современников". Он написал, что в 1841 году прекрасная старая дама рассказала ему о своей любви с принцем Аугустом Прусским. В этих заметках была такая запись: "Мы поехали на воды, и оба были убеждены, что поженимся. Наши отношения стали близкими. Воспоминания об этих восхитительных днях, а также о двух годах любви с Шатобрианом, проведенных в Аббэ-де-Буа, были самыми прекрасными, единственно прекрасными в моей жизни".

Эдуард Эррио написал в 1948 году:

"У меня есть некоторые документы, подтверждающие, что Жюльетта Рекамье была совершенно нормальной женщиной, ведь Шатобриан оставил неопровержимые свидетельства этого".

Следовательно, в 1806 году злые языки были, вероятно, правы, утверждая, что мнимая чистота мадам Рекамье "могла обмануть только несмышленных".

Пока весь Париж комментировал со скрытой недоброжелательностью приключение мадам Рекамье, Наполеон, желая отдохнуть после праведных трудов Булони и Аустерлица, решил немного позабавиться. Но он не был создан для светских развлечений, о чем свидетельствует Констан.

"Утром Император позвал меня:

— Констан, я решил сегодня вечером потанцевать у итальянского посла. Принесите мне десять карнавальных костюмов.

В этот же вечер я отправился с Его Величеством в дом Марескалчи. Там я одел его в старое черное домино и приложил все усилия, чтобы сделать его неузнаваемым. Все было хорошо несмотря на самую абсурдность его маскиров-

ки и на очень непрезентабельный вид, который придавал ему обтягивающий костюм. Я хотел заменить ему и туфли, но он отказался наотрез. Когда Император вошел в зал, его сразу же узнали. И хотя он был в маске, его обычная привычка держать руки за спиной выдавала его полностью. Он хотел быть загадкой, но на первый же вопрос, который он задал, ему ответили, добавив: "сир". Раздосадованный, он обернулся ко мне:

— Вы правы, Констан, надо было переобуть туфли. Принесите мне высокие сапоги и другой костюм.

Я надел ему сапоги, переделал в другой костюм, посоветовав держать руки впереди, если он не хочет быть узнаваемым с первого взгляда. Но едва он вошел, как снова заложил руки за спину. К нему подошла какая-то дама и сказала:

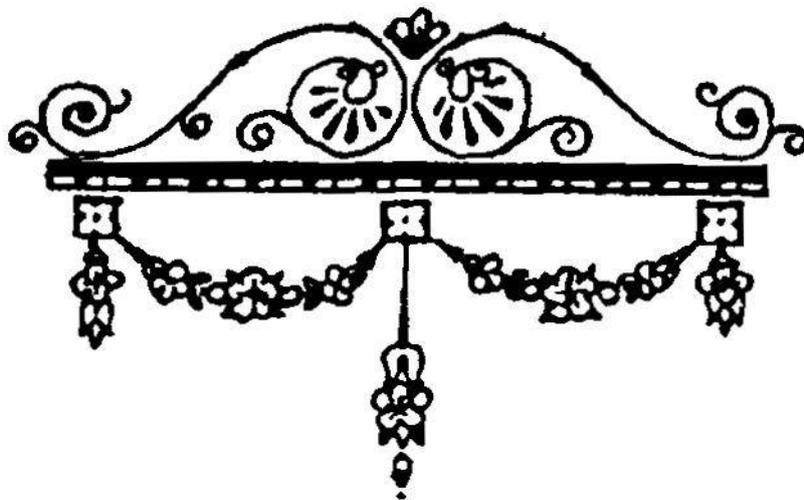
— Сир, я вас узнала.

Он спохватился и опустил руки, но все уже раскланивались, расступаясь перед ним. Обескураженный, он вернулся, надел третий костюм, обещая следить за своими руками, и предложил пари, что теперь его никто не узнает. На этот раз он вошел в зал, как в казарму, расталкивая всех. Несмотря на это, кто-то крикнул:

— Ваше Величество, это вы!

Раздосадованный, Наполеон опять переменил костюм, одевшись турецким пашой. Увы! Едва он появился, все встали, крича: "Да здравствует Император!"

Окончательно побежденный, Император надел свой мундир и ушел, рассердившись на себя, что не умеет маскироваться, как все остальные. К счастью, у него были другие утешения.

Жозефина подозревает, что Наполеон был любовником своей сестры Полины

Семейный покой человека нарушается недоверием.
Ла Брюйер

В это утро Наполеон диктовал свои декреты, заканчивая каждую фразу грубым ругательством, которое хорошо образованные секретари не решались перенести на государственные бумаги.

Император был зол на своего брата, князя Жерома. Этот молодой человек двадцати трех лет очень любил над всеми подшучивать, хотя "имел несчастье делать это глупо". Наполеон только что узнал из доклада Фуше, что накануне Жером, прогуливаясь с несколькими такими же шутниками в Люксембургском саду, подошел к одной престарелой даме, одетой в старомодное платье, и сказал ей:

— Мадам, я большой любитель антиквариата и не могу видеть вашего платья, не испытывая желания запечатлеть на нем поцелуй восхищения и почтения. Вы позволите мне сделать это?

Дама любезно ответила ему:

— Охотно, мсье. А если вы соблаговолите прийти завтра ко мне, вы сможете поцеловать и мой зад, который почти на пятьдесят лет старше моего платья.

Эта проделка Жерома не понравилась Наполеону, который приложил столько усилий, чтобы поднять своих родственников до княжеского титула, и он не смог смириться с тем, что его младший брат продолжает вести себя, как проходимец. Он вызвал его к себе, строго отчитал и отправил обратно, сказав: "Ты недостойн титула, который я тебе дал. Я запрещаю тебе впредь появляться здесь".

После обеда в Тюильри пришла Полина, чтобы уладить неприятный инцидент между братьями. Она долго говорила Императору о Шарле Буонапарте — их отце, что ему было бы больно, если бы он узнал о размолвке между сыновьями, вспоминала их детство в Аяччо, говорила о долге быть едиными, как если бы не было счастливых событий, сделавших их первыми князьями Европы, и они навсегда остались маленькими Бонапартами, собиравшимися в тесный кружок подле их матушки...

У Наполеона на глазах появились слезы, и он простил брата. Полина воспользовалась этим для новой атаки на Жозефину, ненавидимую всем корсиканским кланом.

— Это она настраивает тебя против нас. Она разъединила нашу семью, она не может подарить тебе наследника.

Наполеон опустил голову. Полина затронула болезненную тему, не дававшую ему покоя ни днем ни ночью. Вот уже десять лет он спрашивал себя, кто же из них — он или Жозефина, виноват в том, что у них нет сына.

— Это она не может больше иметь детей, — сказала Полина. — Надо развестись...

Но Наполеон не был, в отличие от нее, уверен в своих детородных возможностях. Ведь ни одна из его любовниц не дала ему доказательств его способности зачать сына. Он с грустью обнял сестру и отправился в свой кабинет.

Естественно, Жозефине доложили о визите Полины. Ее опять охватила ревность и, чтобы скрыть свою мертвенную бледность, она увеличила обычную порцию румян. Чувство горечи, подогретое чрезмерным воображением, толкнуло ее на бессмысленный поступок.

Послушаем Луи Фавра, который был последним секретарем канцлера Волнея Паскье:

"Несколько охладев к Наполеону, Волней остался верен Жозефине, уважавшей его за трезвый ум, и к которой он сам испытывал искренние дружеские чувства. Чтобы чаще видеть его, она предоставила ему апартаменты в павильоне Марсан, и именно там произошел случай, рассказанный его невольным свидетелем.

В течение зимы 1806 года Волней по воскресеньям часто беседовал с одним из своих друзей. Беседа шла об Америке, о которой Волней всегда говорил с грустью, сожалея, что ему пришлось покинуть эту страну. Вдруг яростный звон колокольчика заставил его прерваться на середине фразы. Дверь распахнулась, и в комнату вбежала Жозефина, протянув ему обе руки:

— О, друг мой, как я несчастна! — и она разрыдалась.

Собеседнику Волней стало неловко присутствовать при этой сцене, и он отошел к камину, пытаясь незаметно выйти. Но Императрица, мечась по комнате и заламывая руки, помешала ему сделать это.

— Успокойтесь, мадам, — сказал Волней, привычный к приступам ревности у Жозефины. — Успокойтесь, Император любит вас, и вы это знаете.

Но слезы Жозефины потекли с новой силой, и она произнесла, выговаривая каждое слово с ненавистью:

— Если бы вы знали, что я видела! Я видела... его... в объятиях Полины!..

Облегчив душу таким доверительным признанием, она как вихрь вылетела из комнаты..."

Так из-за гнева Жозефины стали распространяться слухи, с радостью подхваченные врагами Императора. И эта клевета полностью на совести Жозефины.

"Коронованная куртизанка, — пишет Анри д'Альмера, — она была способна, как и все подобные ей женщины, выдумать хитроумную ложь и тут же поверить в нее. Ее собственная личная жизнь в течение многих лет извратила ее воображение, заставив предполагать и у других наличие дурных инстинктов. Впрочем, она всегда ревновала золовку к своему мужу, и эта ревность не останавливалась ни перед клеветой, ни перед ложью. И если принять во внимание ее характер, ее прошлое, ее истерический темперамент, нельзя доверять ни одному из ее утверждений. Она приняла за кровосмесительную лю-

бовь живое братское чувство, несколько экзальтированное на итальянский манер, — именно это нам кажется наиболее вероятным".

К несчастью, экстравагантное обвинение Императрицы снова возникло в эпоху Реставрации. Беньо, ставший министром полиции при Людовике XVIII, когда Наполеон находился на острове Эльба, утверждал, что его служба перехватила письма Полины, которые не позволяют пренебрегать наличием императорского инцеста. Ниже представлена записка, составленная на основании содержания писем, на самом деле существовавших только в злом воображении Беньо, и которая не могла бы появиться без участия Жозефины.

"Эту женщину Наполеон вызвал на остров Эльба для утешения. Там она томилась от скуки и для развлечения установила связь с континентом. Из ее писем видно, что она хотела завлечь на остров своего любовника барона Дюшана, полковника второго артиллерийского полка. Другого своего любовника, таинственного Адольфа, она, наоборот, отговаривает от приезда на Эльбу, ссылаясь на свой долг перед Императором. Об этом же она писала и Дюшану, но в другом тоне, желая скорее успокоить его тем, что с братом она собирается быть днем, а вечера и ночи проводить с Дюшаном — и оба будут довольны.

Но, если бы барон знал обо всей ее корреспонденции, он не был бы доволен, так как среди других писем Полины было перехвачено письмо к мадам Мишло, у которой она просила шесть бутылок лекарства против застарелого сифилиса. Есть опасение, что это будет иметь для Наполеона неприятные последствия, а может быть, и для всего населения острова".

Скоро весь Париж знал текст этой записки, и граф Жакур, временно исполняющий обязанности министра иностранных дел, поспешил известить о ней Талейрана, находившегося тогда на конгрессе в Вене. Вот текст депеши, отсланной 3 декабря 1814 года:

"Нимфа Полина написала двум полковникам. Одного она приглашает приехать, уведомляя, что с Наполеоном бывает только днем, и обещая ему все ночи; а другого просит не приезжать, объясняя отказ необходимостью исполнять родственный долг. В одном из писем она называет своего августейшего брата "старой гнилушкой" и просит две бутылки рома".

Однако совершенно невероятно, чтобы Полина могла назвать своего брата "старой гнилушкой", и достаточно только этих слов, чтобы развеять сомнения и обратить все в анекдот. Артур Леви, один из биографов Наполеона, тоже высказывает недоверие к "перехваченным" письмам, добавляя, что "ни на острове Эльба, ни прежде между братом и сестрой не было каких-либо неестественных отношений".

Однако клевета Жозефины была настолько привлекательна своей гнусностью, что роялисты, республиканцы и другие враги Наполеона позволили ей обрасти всякими ложными доказательствами. Стараясь угодить Людовику XVIII, обожавшему развратные истории, они нагромоздили подробности. Фуше приводит такой ответ Полины мадам Матис, зачисляя его в разряд неопровержимых доказательств: "Знает ли мадам, что на желание, выраженное Императором, нельзя ответить "нет"? И я, его сестра, если он говорил мне "хочу", должна была ответить: "Сир, я — к услугам вашего величества".

Злосчастная фраза, оброненная Жозефиной, сделала свое дело во Франции и пошла дальше. Подхваченная англичанином Льюисом Голдсмитом, она нашла свое отражение в памфлете, опубликованном в Лондоне в 1814 году и об-

личающем содомские нравы, царящие во Франции. Большая ложь обычно приукрашивается по мере ее распространения, так и напраслина Жозефины возросла при пересечении Ла-Манша. Голдсмит не удовлетворился тем, что уложил Полину в постель Императора, он добавил к ней и Каролину.

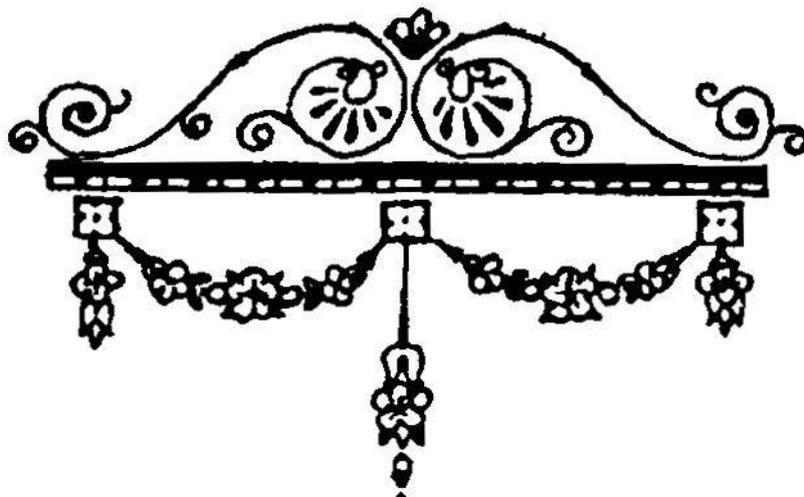
"Без всякого уважения к приличиям, — писал он, — инцест даже не скрывался ими. Наполеон открыто жил с обеими сестрами, а мадам Мюрат даже хвасталась этим".

Среди горячих приверженцев Наполеона были несколько человек, невольно выступивших на стороне его клеветников, желая любой ценой оправдать предполагаемое нарушение благопристойного поведения их "божеством".

"Если Император и был любовником своей сестры, — говорили они, — это доказывает только то, что этот великий человек настолько выше всех прочих, что законы морали, необходимые для обуздания заурядных людей, не должны были применяться по отношению к нему".

Во времена Второй империи враги режима, ища способов добраться через дядю до племянника, широко использовали клевету Жозефины, и Францию наводнили памфлеты с новыми скабрёзными подробностями...

Сегодня нет ни одного серьезного историка, подтверждающего версию о противоестественной связи Наполеона со своими сестрами. Это обвинение поддерживается разве что несколькими авторами, падкими на сомнительные анекдоты.

Наполеон становится отцом маленького Леона

Малыш Леон, в чреве твоей матери ты не знал бедности...
Крестильная молитва

Когда клан Бонапартов узнал, что Жозефина обвинила Наполеона в прелюбодеянии с сестрой, это вызвало у всех страшный зубовой скрежет. Императрица была названа "старой потрепанной уродиной", и они поклялись развести ее с Наполеоном. На настоящем совете племени Полина заявила:

— Надо познакомить его с молодой женщиной, способной родить ему ребенка. Тогда он уверится в бесплодии Жозефины и отвергнет ее.

— У меня есть на примете такая женщина, — сказала Каролина.

Она только что приняла в свою свиту восхитительную брюнетку восемнадцати лет, "воспитанную ровно настолько, чтобы не иметь ни претензий, ни щепетильности".

Мать девушки держала галантерейную лавку, а отец, называвший себя рантье, занимался какими-то темными делами. Эту юную особу звали Элеонора Дениель де Ла Плэнь. Получив кое-какое образование у мадам Кампан, она вышла замуж за некоего Ревеля, капитана драгунского полка, но не чувствовала себя удовлетворенной замужеством. Ее муж, офицер, в 1805 году был осужден на два года за подделку подписей. Лишенная поддержки, она обратилась к своей воспитательнице мадам Кампан, и та сказала ей:

— Надо пойти к княгине Мюрат, вы сможете стать ее компаньонкой.

Элеонора засомневалась, примет ли ее княгиня. Но мадам Кампан подняла брови:

— Еще бы не примет! Тогда она будет иметь дело со мной...

Мадам Кампан всегда сохраняла свое влияние на бывших воспитанниц. Однажды Каролина, уже ставшая Неаполитанской королевой, сказала ей:

— Я удивлена, что ваше отношение ко мне осталось таким же, каким было в те времена, когда я была вашей воспитанницей.

На это бывшая придворная дама Марии-Антуанетты ответила:

— Будет лучше, если вы забудете свой титул передо мной: я не испытываю трепета перед королевами, которых наказывала за непослушание.

Элеонора отправилась в замок Нейи, где жили князя Мюрат, и Каролина приняла ее к себе чтицей.

— Эта маленькая плутовка сделает все, что нам надо. Она безнравственна и любит деньги. Предоставьте все мне...

Через несколько дней Наполеон был приглашен своей сестрой в замок Нейи, и первая, кого он там увидел, была, конечно, Элеонора. Она ему сразу же понравилась, и он поинтересовался у сестры, где она живет.

— В павильоне парка, — ответила Каролина.

На следующий день после завтрака Наполеон отправился в павильон, где Элеонора угостила его "десертом". Вечером он принял ее в Тюильри и, восхищенный, попросил приходить к нему почаще.

И хотя Наполеон был совсем не в ее вкусе, Элеонора согласилась и почти каждый день стала проводить два часа в его компании. Однако эти "сеансы удовольствия" были скучны ей. Позднее она рассказывала, что в тот момент, когда Наполеон ласкал ее, она, подталкивая ногой, переводила большую

стрелку напольных часов, стоящих в алькове, на полчаса вперед. Благодаря такой уловке Император, имевший привычку поглядывать на часы во время любовных игр, быстро вскакивал, торопливо одевался и бегом возвращался к своим занятиям...

Информированное об их встречах, семейство Мюрат с нетерпением ждало результатов. В конце февраля 1806 года клан Бонапартов собрался в Нейи, и Каролина с досадой сообщила, что Наполеон "еще не засеял поле мадам Ревель". Эта новость вызвала разочарование, о чем Леон Буазар пишет в своей оригинальной манере: "Корсиканцы надеялись, что из ее лона появится ребенок, этакий изгоняющий ангел, который укажет Жозефине на дверь".

После длительных дискуссий, во время которых каждый высказал свое мнение о способностях Императора как производителя, Мюрат тайком от всех принял неожиданное решение: стать любовником молодой чтицы и с помощью испытанных средств помочь ей подарить Наполеону ребенка. В тот же вечер, ничего не сказав Каролине, которой мог не понравиться его метод, он отправился к Элеоноре и со всем пылом своего средиземноморского темперамента расправился с ней в постели. Молодая чтица не была экспансивной натурой, но заключила, что она, должно быть, во вкусе всей семьи.

На следующий день Мюрат решил продолжить сотрудничество с Императором, и вскоре это вошло у него в привычку. Когда Элеонора возвращалась из Тюильри, он шел следом за ней в маленький парковый павильон и исполнял то, что Леон Буазар называл "ударом виолончельного смычка".

Между тем, пока Иоахим Мюрат усердствовал с похвальной целью помочь своей семье, Наполеон, верный своей манере воевать на нескольких фронтах, обрел новое увлечение в лице Стефани де Богарнэ. Юная племянница Жозефины, только что удочеренная Наполеоном (хотя у нее был отец), собиралась выйти замуж за князя Баденского. Все было бы хорошо, но она смотрела только на Наполеона и терпеть не могла своего жениха. Это вызвало многочисленные толки, и мадам де Ремюза донесла до нас отголосок приключения, разжегшего страсти во дворце:

"Стефани было тогда семнадцать лет. Она отличалась приятной внешностью, живым умом, веселым нравом; у нее были живые голубые глаза и светлые волосы. Баденский принц сразу же влюбился в нее, однако ей он не нравился, так как был толст, хотя и молод, лицо его было одутловатым и невыразительным. Малоразговорчивый, он, казалось, стеснялся самого себя и часто засыпал во время беседы. Стефани, живая, пикантная, гордая тем, что ее удочерил Император, думала, что окажет слишком большую честь князю, если согласится отдать ему руку и сердце. Напрасно ее пытались убедить в необходимости этого шага. Она отвечала, что дочери Императора надлежит выйти замуж только за короля или королевского сына. Это наивное тщеславие, сопровождаемое колкими шутками, не нравилось Наполеону, хотя и забавляло его. Но все кончилось тем, что перед самой свадьбой он на виду у всех влюбился в нее".

Признавшись себе в этом, Наполеон потерял чувство меры и поселил Стефани во дворце на всех правах фаворитки. Это, конечно, не доставило удовольствия ни Жозефине, ни семейству Бонапартов, ни толстому жениху.

Мадам де Ремюза продолжает:

"Император приказал, чтобы она повсюду следовала в свите после Импера-

трицы, задавая шаг всей семье, что вызвало высшее неудовольствие мадам Мюрат. Она всем сердцем возненавидела Стефани, даже не пытаясь скрыть этого. Юная особа по любому поводу заливалась смехом, заставляя смеяться Императора, а значит и всю свиту".

Опять разгорелась ревность Жозефины. Она серьезно поговорила со своей племянницей, убеждая ее не принимать ухаживания Императора и намекая на нежелательные последствия. Мадемуазель де Богарнэ покорно выслушала советы тетушки и обещала вести себя осмотрительней.

Бонапарт тем не менее не хотел, чтобы князь Баденский заметил то, что происходило у всех на глазах. Но не один принц был шокирован происходящим. Весь двор с изумлением наблюдал за Императором.

"Любовь, — говорили шепотом одни, — толкает его на неразумный поступок, ведь он может догадаться уложить свою дочь к себе в постель". — "Однако, — говорили другие, — удочеряя ее, он брал на себя обязательства отца, а это противоречит тому, что он собирается сделать".

Лица придворных вытянулись еще больше, когда стало известно, что Наполеон, совсем потерявший голову от любви, заказал для Стефани приданое — платья и драгоценности на ошеломляющую сумму в двадцать две тысячи франков и подарил к свадьбе бриллиантовое кольцо за полтора миллиона франков. К несчастью, Наполеон не ограничился этим. Он подарил своей дорогой Стефани землю Бризгау. Этот подарок мог бы сделать старый Бризаш "важнейшим оплотом", местом намного более стратегически важным, чем Кель, мощь которого помешала союзникам в 1814 году действовать при Базеле.

Таким образом, любовь должна была в ответственный момент сражений лишить Наполеона главных козырей.

За несколько дней до свадебной церемонии Наполеон, боясь скандала, стал более осторожным и перестал при всех бросать на Стефани страстные взгляды. Она же, помня наставления тетушки, истово противилась искушению, но не стала меньше ненавидеть своего жениха.

"Ее невозможно было представить ночью после свадьбы в апартаментах князя, — пишет мадам де Ремюза. — Через несколько дней Двор отправился в Сен-Клу, а с ним вместе и молодая чета. Новоявленная княгиня продолжала отталкивать своего мужа. Он проводил ночи в кресле после безуспешных попыток уговорить жену исполнить супружеский долг. Он жаловался Императрице, та ворчала на свою племянницу. Император тоже присоединялся к уговорам, но все это не возымело эффекта".

В конце концов, устав от сцен ревности Жозефины и понимая, что не сможет стать любовником Стефани, Наполеон отправил молодоженов в Баденское княжество.

Однако, по словам Леона Буазара, "вся эта история возбудила в нем мужские желания, и прекрасная Элеонора опять заполучила Императора".

Несколько дней подряд он приходил в комнату тайной любви и отдавал Элеоноре весь пыл, предназначавшийся его племяннице. Теперь молодая женщина принимала от Наполеона не менее страстные выражения чувств, чем от "виолончелиста" Мюрата, также продолжавшего бывать у нее. Такая активная деятельность, направленная на одну цель, не могла не принести свои плоды. В начале апреля Элеонора заметила, что забеременела. Она тот-

час же объявила об этом Императору, который чуть не сошел с ума от радости и немедленно снял для нее особняк — дом номер два по улице Победы.

Следует заметить, что эта улица играла заметную роль в истории любви Наполеона. На этой улице в доме номер шесть он жил когда-то с Жозефиной. На ней же он поселил Элеонору. На этой же улице он снимет дом для Марии Валевской.

Весь Двор был ошеломлен, узнав эту новость, и в течение нескольких дней только и судачил о возможных последствиях. Женщины с восторгом перешептывались: "Теперь Император разведется с Жозефиной, теперь доказано, что это она не могла иметь ребенка". "Хотя ребенок и незаконный, — комментировали мужчины, — он может унаследовать трон. Правда, Людовик XIV тоже имел незаконных детей от мадам де Монтеспан, но они не стали престолонаследниками. Но та династия была прочной" ...А злые языки болтали: "Вот будет забавно, если мы однажды увидим на троне человека, отцом которого, скорее всего, был Мюрат"... В общем, все посмеивались. Но втихомолку...

Пока придворные злословили, Наполеон принимал поздравления от Мюрата, гордого своим благодеянием, о котором Император и не подозревал. В этот исторический период он устраивал семейную Европу.

Жозеф стал королем Неаполя и Сицилии, Луи — королем Голландии, Бернадот — деверь Жозефины и муж Дезирэ Клари — князем Понтекорво. Несколько близких друзей также получили титулы: Бертье заимел княжество Невшатель, а двадцать маршалов и генералов стали герцогами.

Наполеон отдал приказание заняться формальностями развода Элеоноры и Жана-Франсуа-Оноре Ревеля, находящегося в тюрьме, и перевезти Элеонору в особняк на улице Победы под покровительство Ренье де Сен-Жан д'Анжели, евнуха нового типа, который в большей степени, чем султан, пользовался милостями одалисок.

Пока Элеонора готовилась подарить Наполеону наследника, он, гордый сознанием своей мужской полноценности, в которой сомневался долгие годы, занялся преобразованием Европы. Германская империя, просуществовавшая десять веков в виде трехсот семидесяти крохотных государств, распадалась и переходила в руки наиболее могущественных князей Западной и Центральной Германии. Эти князья, "обхаживаемые" Наполеоном, создали под защитой Франции Рейнскую конфедерацию, из которой была исключена Пруссия. Пруссия почувствовала себя ущемленной, и королева Луиза, известная антифранцузскими настроениями, перешла к действиям...

19 сентября королева, убежденная в содействии России, царь которой был влюблен в нее, послала Наполеону ультиматум: французские войска, остававшиеся в Пруссии после Аустерлица, должны быть немедленно выведены на другую сторону Рейна. Через неделю Император, оставив Сен-Клу, уже был в войсках и издал указ, в котором сообщалось, что французы не должны заставлять ждать врагов, среди которых есть женщина — прекрасная королева. Галантные французы заторопились и встреча состоялась 14 октября в Иене и Ауэрштадте. Она оказалась прискорбной для пруссаков. 27 сентября Наполеон триумфально вошел в Берлин и решил отдохнуть от ратных трудов с хорошенькими и пылкими берлинками.

Констан представил ему нескольких, и вскоре мужская неутомимость французского императора стала известна всему городу. Предоставим слово

Констану:

"Присутствуя на большом параде в Берлине, Наполеон получил прошение от молодой девушки, сопровождаемой пожилой женщиной. Ознакомившись с ним во дворце, он вызвал меня:

— Констан, прочтите эту записку, побывайте у этих женщин и узнайте, что они хотят".

Из прошения слуга узнал, что молодая девушка просит у Императора "особого свидания". Констан тотчас же отправился по указанному адресу и нашел там девушку лет пятнадцати-шестнадцати удивительной красоты.

— Император послал меня за вами, — сказал он. Эта фраза не произвела ожидаемого эффекта, так как девушка не понимала по-французски. Она недружелюбно смотрела на него. К счастью, ее мать немного говорила по-французски.

— Что вам надо? — спросила она. Констан показал на карету, поджидавшую его у ворот, и ответил:

— Наполеон.

При этом имени обе женщины подпрыгнули от радости, издавая такие восторженные возгласы, что Констану не составило особого труда понять их восклицания. После этого мамаша, как могла, объяснила:

— Я жена убитого прусского офицера, а это его дочь. Я хочу, чтобы Император ее увидел, но прошу разрешения присутствовать при свидании...

Констан, имевший длительную практику общения с людьми из разных стран, привык понимать иностранные языки и ответил вдове офицера, что этикет не позволяет ей присутствовать на аудиенции, предлагаемой ее дочери. Но мать продолжала настаивать, и, когда Констан с девушкой сели в карету, увязалась за ними.

Они вошли во дворец втроем, но перед комнатой Наполеона Констан толкнул мамашу в кресло. "Сидите и ждите," — сказал он и повел прекрасную фройляйн в апартаменты Императора.

"Я полагаю, — пишет далее Констан, — что ее беседа с Императором не была особенно интересной, так как они могли объясняться только знаками, тем не менее она продлилась достаточно долго. Позвав меня ближе к утру, он потребовал принести четыре тысячи франков, которые отдал довольной девушке. Девушка встретила с матерью, которая без видимого неудовольствия просидела в кресле почти всю ночь. Наполеон сказал мне, что за все время свидания он смог понять только "Das ist gut".

Достаточно красноречивое резюме их встречи...

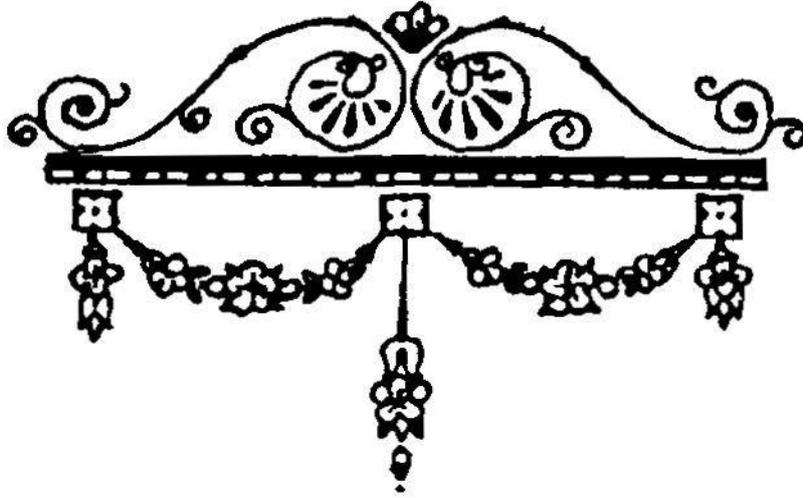
Через несколько дней Наполеон заторопился в Польшу, которая десять лет назад была разделена между Пруссией и Австрией. Там его встретили как освободителя.

31 декабря, остановившись в Пултуске, он получил письмо, глубоко взволновавшее его. Каролина сообщала ему, что две недели назад Элеонора произвела на свет мальчика. В мэрии при регистрации новорожденного записали: "отец отсутствует", и молодая мать, которая хотела назвать мальчика Наполеоном, сократила его имя до Леона...

Император послал Элеоноре нежное письмо, а вместе с ним деньги, драгоценности и произведения искусства. Вскоре Элеонора поняла, что Император

вовсе не намерен делить с ней корону. Но если бы ее поддержала вся его семья, то она могла бы стать Императрицей.

Несмотря на усилия двора скрыть рождение сына Элеоноры, парижане вскоре узнали, что произошло на улице Победы. Выбор имени ребенка привел их в восторг, какой-то анонимный куплетист немедленно вдохновился этим событием, и по Парижу стала распространяться забавная песенка.

Мария Валевская от имени Польши приветствует Императора

Маленькие подарки укрепляют дружбу.
Народная мудрость

В то время как Париж в насмешливых куплетах воспевал первенца Наполеона, Император готовился войти в Варшаву. Как уже говорилось, Польша более десяти лет не существовала на карте мира. Ее поделили между собой Пруссия, Австрия и Россия.

Приход Императора Франции вызвал у польских патриотов неожиданный энтузиазм. Были вывешены свято хранимые национальные флаги, люди надели народные костюмы и мундиры своей бывшей армии, обнимались, пели запрещенные гимны, танцевали зажигательную польку. Все думали, что Наполеону будет так же легко восстановить Польшу, как ликвидировать Пруссию.

Свидетель этих событий, Жак Венгиль, пишет:

"Приветствуя французского Императора и его Великую Армию, они признавались, что всегда надеялись только на Францию, и теперь были уверены, что пришел час возрождения Польши, что несправедливость, жертвой которой она стала, была только краткой и мрачной главой в ее Истории. И Наполеон не остался равнодушным к патриотизму и рыцарскому духу поляков".

Зная слабость Наполеона, руководители польского сопротивления решили воспользоваться ею и уложить в его постель молодую женщину, поручив ей миссию патриотического адюльтера. Для этой цели была выбрана обольстительная аристократка двадцати лет от роду.

1 января 1807 года Наполеон, направляясь в Варшаву, остановился для смены лошадей возле городка Блонь. Его карету немедленно окружила восторженная толпа. Внезапно она расступилась, давая дорогу двум элегантным женщинам. Самая красивая из них, блондинка с нежными голубыми глазами, в национальном головном уборе, сказала по-французски, обращаясь к Дюроку:

— О, мсье, я умоляю вас, проведите нас к Императору и сделайте так, чтобы я смогла поговорить с ним несколько минут с глазу на глаз.

Великий маршал, оглядев прекрасную полячку, подумал, что его хозяин будет не прочь познакомиться с такой красавицей. Взяв молодую женщину за руку, он повел ее к императорской карете.

— Сир, — обратился он к Императору, — эта молодая женщина несмотря на опасности приехала сюда в надежде поговорить с вами наедине.

Наполеон сразу же пленился ею. Он снял шляпу и, поклонившись, сказал

несколько любезностей.

Молодая полячка покраснела, охваченная сильными чувствами, взяла его руку и, поцеловав ее, воскликнула:

— Добро пожаловать! Мы счастливы видеть вас на нашей земле, и ничто не может ослабить наших чувств к вам и удовольствия видеть вас ступающим по земле нашей Родины, освобождение которой мы связываем с вами.

Император, тронутый таким излиянием патриотического энтузиазма, подумал, что не стоит упускать случай, и, взяв букет, преподнесенный ему встречающими, протянул его красавице:

— Примите его, — сказал он, — в знак гарантии моих добрых намерений. Мы увидимся в Варшаве, и я надеюсь, что услышу из этих прекрасных уст слова благодарности.

Зарезервировав таким образом будущую встречу, он позвал Дюрока и велел отправляться... Карета быстро отъехала, и восторженно кричавшая толпа увидела, как Наполеон из окна кареты машет шляпой белокурой незнакомке. Эту молодую женщину звали Мария Валевская.

Дочь Матиуша Лачиньского, она принадлежала к старинному, но обедневшему польскому роду. После смерти отца, оставившего мадам Лачиньскую с шестью детьми, Мария, самая младшая из них, была больше увлечена судьбой своей страны, чем нарядами и куклами.

Ее наставник, Николай Шопен, отец великого композитора, писал на полях ее учебной тетради: "К чему такой чрезмерный восторг? Как приложить ваши причитания о бедной Польше к истории Пунических войн?"

Когда ей исполнилось 17 лет, красивый и богатый молодой человек благородного происхождения предложил ей свою руку. И хотя он ей очень нравился, Мария отказала, потому что он был русским. Затем граф Анастас Колонн де Валевский, владелец замка, богатый вдовец и дедушка юноши на девять лет старше Марии, предложил ей составить его счастье.

Мадам Лачиньская, обрадованная возможностью достойно устроить судьбу дочери, с радостью дала согласие старику. Узнав об уготованной ей участи, девушка стала противиться, но получила от матери пару пощечин. Заболев от такого унижения, Мария несколько месяцев находилась между жизнью и смертью. Это свидетельствует о степени ее чувствительности и самолюбия.

Едва девушка оправилась от болезни, ее повели под венец. И Мария скрепя сердце исполнила свой долг. После первой же брачной ночи она понесла. Родив ребенка, она стала жить только надеждой, что Император Франции, которого она обожествляла, однажды придет и освободит ее страну. Эта страстная надежда привела ее в Блонь.

Когда Мария Валевская со своей подругой Эльзуней возвратилась в замок, держа, как драгоценность, свой букет, Наполеон устраивался в Варшаве. Прибыв в предназначенный для него дворец, он сразу же велел приготовить ему очень горячую ванну, как он любил, затем погрузился в воду и предался мечтам о юной блондинке из Блони.

— Велите разыскать эту женщину, — приказал он Дюроку, — во что бы то ни стало. Я хочу ее видеть.

Вспомнив, что Жозефина хотела приехать к нему, Наполеон написал ей такое письмо:

"Дорогая моя. Я прошу тебя возвратиться в Париж. Погода здесь очень пло-

хая. Дороги отвратительны, пространства огромны. Пройдет по меньшей мере месяц, пока ты доберешься сюда. У меня здесь очень много дел. По дороге ты можешь заболеть. Ехать сюда было бы безумием. Езжай в Париж. Таково мое желание. Я досаую не меньше тебя. Мне бы так хотелось проводить с тобой длинные зимние ночи. Но надо подчиниться обстоятельствам. Прощай, дорогая.

Всегда твой Н."

Наполеона отличала не только храбрость, но и осторожность...

Мария надеялась, что о ее встрече с Наполеоном никто не узнает. Но уже на следующий день Варшава знала все подробности: Эльзуня не умела держать язык за зубами. И теперь императорской полиции не составило особого труда установить, кто была незнакомка из Блони.

Узнав, что его поклонница замужем за стариком, Наполеон потер руки и послал Дюрока к военному министру Временного правительства Польши князю Понятовскому, дворец которого был центром польского высшего общества.

— Скажите ему, что я интересуюсь этой дамой и хотел бы поскорее увидеться с ней.

Дюрок побежал передавать пожелание Императора, и Понятовский вознамерился использовать чувства Наполеона в политических целях.

— Передайте его величеству: если он соблаговолит принять от меня приглашение на завтрашний бал, он сможет встретить там эту даму.

Когда Дюрок повез Императору ответ, должный порадовать его, князь Понятовский уведомил членов своего правительства о своих намерениях и отправился к Валевским. Мария встретила его в некотором смутении.

— Я знаю, мадам, — сказал он, — что в Блоки вы встретились с Наполеоном. Теперь всемогущий Император хочет снова увидеть вас. Интерес, который он проявляет к вам — это неожиданная удача для нашей страны. Завтра вечером у себя во дворце я даю большой бал в его честь. Необходимо, чтобы вы присутствовали на нем.

Марию смутил заговорщицкий тон улыбающегося князя. Она подумала, что приглашение, высказанное подобным образом, унижительно для нее, и ответила:

— Нет, я не приду.

Жозеф Понятовский посуровел:

— Я повторяю, что само небо, может быть, выбрало вас, чтобы возродить нашу дорогую Родину.

Но Мария не согласилась.

Вскоре к ней пришла целая делегация представителей нескольких польских воеводств. Эти доблестные люди, движимые глубокой любовью к Польше, стали убеждать молодую графиню присутствовать на балу. Растерявшаяся Мария сопротивлялась как могла, и тут в комнату вошел ее муж. Граф Валевский не был в курсе свидания в Блони и, рассудив, что его жена выбрана для представительства из уважения к его рангу, с гордостью велел Марии появиться на балу и встретиться с Императором.

— Наполеон, — сказал он, — должен быть очарован, увидев такую красивую полячку.

Сдавшись, молодая женщина согласилась. В конце концов, не изнасилует же ее Император на приеме...

Когда пани Валевская приехала на бал, Наполеон с нахмуренным лицом ходил из угла в угол по залу. Увидев вошедшую Марию, он остановился, позвал Понятовского и выразил свою волю в нескольких кратких и грубоватых фразах, очень удивив присутствующих, которые не были артиллеристами. Князь подошел к молодой графине:

— Вас ждали здесь с нетерпением мадам, — сказал он, — и очень рады вашему приходу. Ваше имя уже выучили наизусть, уже успели рассмотреть вашего мужа и, пожав плечами, сказать: "Несчастливая жертва", а мне велено пригласить вас на танец.

— Я не танцую, — ответила Мария. — У меня нет ни малейшего желания танцевать.

Раздосадованный князь отошел, чтобы доложить Императору об отказе Марии. Наполеон, заложив руки за спину, вновь принялся нервно выхаживать туда-сюда. И вдруг он увидел, как к Марии подошли Луи де Перигор и Бертран. Бледный от негодования и ревности, он позвал Бертье и приказал тотчас же отрядить Перигора в Шестой корпус, находящийся в Пассарге, а Бертрана — в штаб-квартиру князя Жерома под Бреслау.

Несколько успокоившись после этого, Император прошелся по салону, сясь придать себе более любезный вид. Но поведение Марии настолько озадачило его, что он все время и спрашивал и отвечал невпопад. Так, у молодой девушки он спросил, сколько у нее детей, у пожилой дамы — не ревнует ли ее муж, у дамы чрезмерной полноты — любит ли она танцевать.

Наконец Наполеон оказался рядом с Марией. Послушаем, как она сама описывает эту сцену:

"Я так волновалась, что забыла сделать реверанс, и была так бледна, что он, показав пальцем на мое лицо, а затем на платье, внезапно сказал:

— Белое на белом не смотрится...

Затем, оставив суровый тон, спросил, отчего я выгляжу смущенной.

— Первого января вы были раскованней и разговаривали с легкостью... Ну же, отвечайте, — сказал он после короткой паузы. — Я уверен, что у вас есть что сказать мне.

Немного успокоившись, я ответила, что у меня, как и у всех моих соотечественников, есть только одно желание: восстановление с его помощью Польши в ее прежних границах после разгрома ее врагов.

Легко сказать, — прошептал он, — но вы должны помочь мне воплотить это... — И добавил совсем тихо: — Но это не та встреча, которой я вправе ждать..."

На этот раз графиня не нашлась, что ответить, и Наполеон удалился. Через некоторое время он уехал. Мария, став объектом всеобщего внимания, пожелала вернуться домой. В карете, довольная, что все кончилось, она облегченно вздохнула.

Но все еще только начиналось... Ее всегда всем довольный и веселый муж с радостью принял приглашение на обед, на котором должен был присутствовать Император.

— На этот раз ты наденешь более элегантно платье, я заметил, что ему не очень понравился твой туалет. Для меня будет большая честь, если ты ему понравишься.

Мария с удовольствием вlepила бы мужу пощечину, но вместо этого лишь

слегка потрепала его по подбородку.

Вскоре служанка принесла записку, и Мария прочитала ее, с трудом разбирая каракули:

"Я видел только Вас, восхищался только Вами и желаю только Вас... С нетерпением жду ответа, который сможет успокоить мое страстное нетерпение.

Н."

В этом послании Мария видела лишь слова: "... Я желаю только Вас".

Шокированная, она разорвала записку и велела сказать Жозефу, ждавшему на улице, что ответа не будет. Князь, патриотизм которого придал ему отваги, поднялся вслед за камеристкой и через запертую дверь стал просить Марию уступить желаниям Императора. Сначала он умолял ее, потом начал угрожать.

— Подумайте о Польше, мадам. Для ее возрождения каждый из наших солдат готов отдать жизнь. Ваш долг не менее высок.

В течение получаса военный министр проявлял красноречие, убеждая Марию принести в жертву красоту и целомудрие. Он ушел, так и не получив ответа.

Ранним утром следующего дня графиня получила вторую записку и, не вскрывая, отослала ее обратно. Едва она встала, как ее известили о приходе правительственной делегации. По приказанию мужа она вынуждена была принять прибывших.

Самый старший из государственных мужей строго посмотрел на нее и сказал:

— Вы должны уступить, мадам, ввиду важнейших и чрезвычайных обстоятельств, от которых зависит судьба нации, и чтобы не оказаться плохой дочерью своего народа.

Когда делегация ушла, Мария отправилась к мадам Вобан, любовнице князя Понятовского, посоветоваться по поводу туалета для званого обеда.

Мадам Вобан тоже была в числе заговорщиков. И она прочитала Марии письмо, подписанное самыми известными людьми Польши:

"Мадам, незначительные причины часто приводят к далеко идущим последствиям. Во все века женщины оказывали огромное влияние на мировую политику. И минувшая, и современная история подтверждают эту истину. Поскольку мужчинами управляют страсти, вы, женщины, являетесь одной из самых мощных и властных сил. Мужчина отдает жизнь во имя чести Родины, а от женщины не требуется иных жертв, кроме тех, что предназначены ей самой природой, и она обязана принести их тогда, когда они будут необходимы, как бы ей ни было тяжело. И знайте, мадам, как сказал великий человек, святой Фенелон: "Мужчины, имеющие власть над обществом, не могли бы совершить ни одного великого дела, если бы им не помогли женщины". Услышьте эти слова и свершите благое дело, которое ждут от Вас двадцать миллионов поляков".

Заметив, что Мария взволнована, мадам Вобан прочитала ей второе письмо — от Наполеона, то самое, которое та отказалась распечатать:

"Я прогневал Вас, мадам? Но у меня есть право надеяться на другое. Или я ошибаюсь? Ваше желание действовать почему-то угасает в то время, как мое разгорается. Вы лишили меня покоя. О! Дайте хоть немного радости и счастья

бедному сердцу, готовому обожать Вас. Могу ли я надеяться на ответ? Вы должны мне уже два"...

Как только стало известно, что Мария согласилась присутствовать на обеде в честь Императора, волна восторга прокатилась среди польских патриотов. Для них предстоящий обед был первым шагом графини к постели Императора. Одни утверждали со слезами на глазах, что, как только ЭТО произойдет, они зажгут свечи перед семейными иконами. Другие клялись вывесить на окнах флаги; Третьи говорили, что более прекрасной жертвы не было со времен Авраама. Короче, их сердца переполнялись чувствами, и они считали, что момент, когда Мария отдаст своего "сурочка" Наполеону, будет самым прекрасным мгновением в истории Польши.

Представители Временного правительства явились со значительным выражением на лицах, чтобы пожать руку молодой графине; этот жест должен был выражать одновременно сочувствие и поддержку ее героическому решению. С наступлением вечера мадам Вобан, знавшая слабость человеческой природы, побоялась, как бы Мария не изменила своего намерения, и велела поставить у ее двери часового.

На следующий день в присутствии графа Валевского, который по-прежнему ничего не подозревал, Марию одели, как невесту, а затем доставили в замок, где происходил прием. Прибыв туда, она была озадачена необычайной услужливостью присутствующих. С ее приходом все стали раскланиваться, громко восхищаться ее красотой и нарядом, а некоторые уже просили о ходатайстве. Этот жалкий спектакль вызвал у нее отвращение. "Делайте со мной, что хотите," — сдалась она окончательно. Патриоты поздравляли друг друга.

В тот же вечер Марию проводили к Императору. Послушаем свидетельство Констанана:

"Она согласилась прийти в этот вечер к Императору между десятью и одиннадцатью. Император в ожидании ходил по комнате, выказывая столько же волнения, сколько и нетерпения. Каждую минуту он спрашивал, который час. Наконец в сопровождении какого-то человека появилась мадам Валевская, но в каком виде... Бледная, молчаливая, с глазами, полными слез. Я повел ее в комнату Императора. Она едва держалась на ногах и, дрожа, опиралась на мою руку. Я ввел ее и тотчас вышел вместе с сопровождавшим ее человеком. Во время этого свидания мадам Валевская плакала, и ее рыдания были слышны через дверь; от ее стонов у меня сжималось сердце. Вероятно, в первую встречу Император ничего не добился от нее. К двум часам утра Его Величество позвал меня. Я вошел и увидел, что мадам Валевская, прижимая платок к глазам, плачет горючими слезами. За ней пришел тот же человек, и они ушли. Я думал, что она больше не придет".

Возвратившись к себе, все еще плачущая Мария послала мужу следующее письмо:

"Вашей первой мыслью будет упрекнуть меня, когда Вы узнаете причину, по которой я пишу это письмо. Но, когда Вы его прочтете, Вы будете обвинять себя самого. Я сделала все, чтобы открыть Вам глаза. Увы! Вас ослепило тщеславие, называемое патриотизмом. Вы не хотели видеть опасности. Я провела несколько часов минувшей ночи у... Ваши друзья по политике скажут Вам, что это они послали меня к нему. Я вышла, не запятнав вашу честь, но обещаю

вернуться сегодня вечером. Но я не могу, так как знаю, что произойдет"...

На следующее утро какая-то дама принесла Марии большую шкатулку, букет цветов и бриллиантовое ожерелье. Молодая женщина в ярости бросила на землю дорогое украшение. Посланица протянула ей записку, содержание которой достойно мидинетки, принесшей эти дары:

"Мария, моя нежная Мария! Моя первая мысль — о тебе, мое первое желание — опять видеть тебя. Ты придешь, не правда ли? Ты мне обещала. А если нет, орел сам прилетит к тебе. Тебе доставили букет? Пусть он станет тайным звеном, соединяющим наши тайные отношения. Среди толпы, окружающей нас, мы будем слышать только друг друга. Когда моя рука ляжет на мое сердце, знай — оно целиком занято тобой, и чтобы ответить ему, ты сожми этот букет. Люби меня, моя прекрасная Мария, и пусть твоя рука всегда сжимает этот букет"...

На обеде Мария появилась без букета, а вечером, буквально выталкиваемая патриотами, снова пошла к Императору. Ее встретил мамлюк Рустан:

— Поздно, очень поздно. Император очень сердитый. Ждать долго, очень долго, мадам графиня, — сказал он с акцентом. Затем они вошли в салон, где Император ждал ее, греясь у огня. С холодным видом Мария положила на стол шкатулку с бриллиантами:

— Ваше величество, простите меня, но я не люблю украшений. И кроме того, они слишком дороги для сувенира.

Император топнул ногой:

— Мне плевать, что вы любите, а что — нет!

Он приблизился к ней, осматривая ее костюм — на ней были пальто, шляпа, вуаль, перчатки, черные ботинки — и воскликнул:

— Актриса! Вам не хватает только монашеского чепца!

Она пыталась протестовать:

— Но я пришла в такой час...

— Садитесь! Туда! Как вчера! И теперь скажите, разве я не прав, называя вас актрисой?

Она начала дрожать:

— Я не понимаю, сир, чем заслужила такое обращение?

— Вы, наверное, не читали Лукреция, написавшего "Славянские султаны", где он упоминает о поляках.

— Я не понимаю...

— Сейчас поймете... Мадам не обманывает доверия ничего не подозревающего мужа, но обманывает того, кого она назвала всемогущим... Играет в дипломатию, желая познакомиться с Императором, и отказывается от его подарка... Подходит на дороге к мужчине, но нужны правительственные делегации, чтобы она пообедала с ним. Когда для большого бала более уместно черное платье — она одевается в белую кисею, а для визита к Императору, который все время ходит рядом со смертью, вырядилась в траур!..

По лицу Марии скользнула бледная улыбка, и Наполеон взорвался:

— Я был неправ, назвав вас актрисой. Я должен был сказать — сумасшедшая!

Затем он ударился в пространные рассуждения. (Этот эпизод донесен до нас графом Орнано, родственником Марии Валевской и ее биографом.)

— Еще Ланн — человек, суждения которого всегда отличаются на редкость

здравым смыслом, а вместе с ним и Талейран, самый искусный дипломат в мире, предупреждали меня о двуличии поляков. Почему же я остался глух к их уверениям? Вы лгали, насмехались и предавали, чтобы завлечь меня и чтобы у меня не было пути назад. И что теперь прикажете делать с препятствиями из-за проклятой Польши, когда уже заключены мирные договоры? И что теперь делать с мадам Валевской, в которой я думал найти искреннего друга, наперсницу моей души, которую ждал столько лет, которую я так любил? Она хорошо знает, что мое пребывание в этой стране будет недолгим... И откуда ты взялась такая на мое несчастье? Зачем я повстречал тебя на дороге с твоим дьявольским обаянием и томными глазами — когда ты говорила о крови ваших мужчин и сердце ваших женщин... — И вдруг он с гневом выхватил часы из жилетного кармана и, бросив их на пол, раздавил каблуком: — Вот что я сделаю с твоей Польшей, если ты откажешься от моей любви!!!

"Его глаза метали молнии, — писала Мария Валевская. — Это было так ужасно, что вся моя воля была парализована. А его безумный взгляд, устремленный на меня, казалось, пригвождал к канапе, на котором я сидела. Я обливалась холодным потом и дрожала. Вдруг я услышала глухие удары. Это был грохот его каблуков, под которыми хрустели бедные часы. И вдруг мне показалось, что меня приподнимают. Я подумала: "Наверное, я спала и сейчас проснусь". Но что это? На меня что-то навалилось, мне стало трудно дышать. Я поняла..."

Мария потеряла сознание, и Наполеон воспользовался этим.

Когда она пришла в себя, то с ужасом обнаружила, что Император злоупотребил ее состоянием. Ее юбки были в полном беспорядке, кружева разорваны, а туфли валялись в разных углах комнаты. А он сам сидел в кресле у камина, восстанавливая дыхание. Но то, что должно было случиться, — случилось. И с большой долей мудрости и самоотречения Мария подумала, что будет лучше, если из происшедшего она извлечет выгоду для Польши. А слезы, обвинения и истерика все равно не исправят положения; Император же, напротив, может впасть в гнев, отказаться от своих обещаний, позвать камердинера и выпроводить ее навсегда.

Она встала и подошла к нему, пытаясь улыбаться. Наполеон, все еще раздраженный и несколько меньше влюбленный после утоления желания, не знал, как держать себя. Она опустилась перед ним на колени и произнесла:

— Я прощаю вас.

От этих слов у него стало легче на сердце. Он схватил ее руки, стал целовать их и нежно сказал:

— Теперь мы должны часто видеться.

Мария сразу стала серьезной:

— Вы думаете, что я собираюсь вернуться домой и жить прежней жизнью возле мужа? Никогда! То, что сейчас произошло, соединило меня с вами, и для меня невозможно снова появиться перед графом Валевским.

Наполеон задумался на несколько мгновений, опустив голову и искоса поглядывая на нее. Молодая женщина, имевшая теперь определенную заинтересованность в их связи, улыбалась, прикрыв веки, а потом поцеловала теплыми губами его ладонь. Это прикосновение заставило Императора вздрогнуть, и, как пишет Дорвен, "царственное желание, несколько приглушенное в нем, вспыхнуло с новой силой". С горящим взглядом Наполеон сказал:

— Ты права. Отныне ты будешь жить со мной.

Затем поднял Марию, отнес ее опять на канапе и показал, что он делал с ней, пока она была в обмороке.

Теперь Мария расположилась во дворце, и ее связь с Наполеоном стала официальной. Патриоты ликовали, думая, что благодаря обаянию их героической соотечественницы французский император воскресит Польшу.

Каждый день мадам де Вобан приходила ободрять графиню и диктовала ей слова, которые надо было произносить на подушке. Если она находила Марию слишком удрученной, слишком стыдливой, то напоминала о ее роли. Эту роль точно описал Фредерик Массон:

"Она не будет для Наполеона обычной любовницей, она станет как бы побочной женой, которая, конечно, не разделит с ним ни его корону, ни трон, но займет совершенно особое место в жизни Императора; она будет послом своей родины, его польской женой. Позднее ей удастся укрепить эту связь, такую хрупкую вначале. Она соединит сердце Наполеона с судьбой Польши. Даже своим безмолвным присутствием она сможет заставить его вспомнить о своих обещаниях, обяжет его если и не полностью сдержать их, то хотя бы мучиться угрызениями совести из-за неоплаченного долга".

Каждый вечер Мария повторяла Наполеону все, чему учила ее мадам де Вобан, говорила о Польше, напоминала о его обязательствах. Но он слушал ее рассеянно, предпочитая после любовных утех предаваться салонным сплетням, а не серьезным беседам. Молодая женщина поражалась, видя его интерес к частной жизни собственных генералов и министров, а также членов польского правительства. Он с удовольствием повторял альковные истории.

"Я подшучивала над этим его пристрастием, — писала Мария Валевская. — И ведь никто на белом свете не поверил бы, что самый великий человек века, к которому устремлены помыслы всего мира, находит удовольствие в таких глупостях".

Однажды вечером Наполеон попытался сочинить песенку для солдат, но, не добившись успеха, разорвал черновики и успокоился тем, что затащил Марию в постель. Его темперамент день ото дня становился все более пылким. 29 января 1807 года он написал своему брату Жозефу: "Я никогда не чувствовал себя так хорошо и не помню, чтобы когда-либо в прошлом был так любвеобилен"... А в результате Марии приходилось по нескольку раз в день давать салют в честь Польши...

И когда как-то раз она проявила неожиданную для него инициативу и вдохновенность в любовных играх, Наполеон в благодарность решил, наконец, вернуться к вопросам, которые так занимали его любовницу.

— Ты можешь быть уверена, — сказал он, — что обещание, данное мной, будет выполнено. Я уже заставил Россию вернуть часть захваченной ею территории. Со временем она отдаст и остальное. Сейчас еще не наступил момент, когда можно выполнить все. Нужно потерпеть. Политика — это веревка, которая рвется, когда ее тянут слишком сильно. А выжидая, вы вырастите собственных политиков. Ты знаешь, что я люблю твой народ, что мои намерения, мои политические взгляды — все заставляет меня желать вашего возрождения. И я хочу удвоить усилия, поддержать уже достигнутое. Все, что будет зависеть от меня, не заставляя изменить моему долгу и интересам Франции, — я сделаю, вне всякого сомнения...

Но подумай, ведь нас разделяют огромные пространства: то, что я могу восстановить сегодня, может быть разрушено завтра. Мой главный долг — перед Францией, и я не могу проливать кровь французов из-за чужих интересов и поднимать мой народ при необходимости каждый раз идти к вам на помощь. Но я добьюсь восстановления Польши!

Безумно счастливая, Мария подумала, что ее жертва была не напрасной. Но увы! Через несколько дней Наполеон объявил, что покидает Варшаву. Юная полячка опять чуть было не упала в обморок. Послушаем ее:

"Я была сражена, когда Его Величество сказал, войдя в комнату:

— Мария, я завтра уезжаю. На меня давит моя ответственность. Меня вызывают, чтобы разогнать грозу, готовую разразиться над моим народом".

Мария разрыдалась, думая, что он уезжает, так ничего и не сделав для Польши; что он наигрался с ней, и теперь она навсегда обещена.

— А что же будет со мной? О Боже!

— Ты поедешь в Париж, милая Мария. Дюрок будет опекать тебя и помогать во всем. Всегда обращай к нему, и все твои желания будут выполнены, если только ты не потребуешь невозможного.

Почти убитая, она повторила, что единственное ее желание — чтобы он вернул ей Родину.

— Все сокровища мира не смогут ни удовлетворить меня, ни вернуть мне самоуважение до тех пор, пока Польша не будет свободной. Я уеду в деревню и буду жить затворницей.

Он нежно ответил:

— Нет, нет, Мария, так нельзя. Я знаю, ты не сможешь жить без меня. Я знаю, что твое сердце не принадлежит мне. Ты не любишь меня. Я это знаю потому, что ты искренна и безыскусна, именно этим ты и очаровала меня... Но ты добра, нежна, твоя душа благородна и чиста. Ты не сможешь лишиться меня тех мгновений блаженства, которые я испытал, проведя столько дней возле тебя. Мне нужна только ты! И я буду счастливейшим из мужчин...

И он улыбнулся "такой горькой и такой печальной улыбкой", что она, охваченная жалостью, бросилась в его объятия и обещала ждать его там, где он захочет.

На следующее утро Наполеон присоединился к своей армии, а Мария выехала в Вену, где к ее услугам был посол Франции.

7 февраля французские и русские войска встретились на равнине Эйлау и начали добросовестно истреблять друг друга. Когда наступила ночь, не было ни победителей, ни побежденных, и только группы изможденных, израненных людей бродили между трупов. Ранним утром второго дня русские отступили, и Наполеон решил, что победа осталась за французами. Тут же на поле боя, прямо на барабане, он написал Марии:

"Моя нежная подруга, прочтя это письмо, ты поймешь все, что я не в силах написать о сегодняшних событиях. Сражение продолжалось два дня, и теперь мы хозяева на этом поле. Мое сердце с тобой. Если бы зависело только от него, ты бы уже была гражданкой свободной страны. Страдаешь ли ты, как я, от нашей разлуки? Я имею право в это верить. По правде говоря, я хочу, чтобы ты вернулась в свой замок в Варшаве. Ты слишком далеко от меня... Люби меня, моя Мария, и верь мне.

Н."

Затем Наполеон отправил теплое любовное письмо Жозефине, которая ждала его в Париже.

Счастливая Мария возвратилась в Польшу и остановилась на три недели у своей матери. В конце февраля она внезапно почувствовала тоску по близости с императором. Проведя многие ночи в холодной постели в мечтах о страстных объятиях, она внезапно решила — вернулась в доху из медвежьей шкуры, надела меховой капор, вскочила в сани и велела мчать в замок Финкенштейн, где Император намеревался провести зиму.

Там они прожили три самых сладких и изнуряющих медовых месяца. Мария выполняла роль Императрицы, присутствуя вместе со своим любовником на обедах, где собирались Мюрат, Бертье, Дюрок, послы и иноземные князья. Во время этих приемов Наполеон часто пользовался тайным языком, который сам придумал. Перед изумленными дипломатами он мог внезапно запустить палец в ноздрю, закрыть один глаз или заткнуть уши. Особым мимическим телеграфом, восхищавшим графиню, он был способен передать все нюансы чувств.

Как только гости исчезали, Император увлекал Марию на канapé, прижимал к себе и становился таким, каким был в те времена, когда любил Жозефину. Свидетельства безмерной страсти — те поэтические сравнения, которые он находил для Марии, — не всегда были самыми удачными. Например, как-то раз он сказал ей фразу, которую бесхитростно донес до нас серьезный Фредерик Массон: "Для всех остальных я — дуб, но для тебя одной я хотел бы сделаться желудем". Выразив свою любовь в подобных своеобразных выражениях, Наполеон бросался на Марию с такой пылкостью, что часто все заканчивалось на ковре комнаты... Он обретал необыкновенную жизнерадостность после подобных упражнений, и, сбегая вниз к солдатам с прытью школьника, затевал с ними незамысловатые игры.

Наполеон редко бывал счастлив так, как во время пребывания в замке Финкенштейн. Впервые в жизни рядом с ним было существо нежное, любящее, покорное, искреннее, чистосердечное. Единственное, что его огорчало, — это всегда темная одежда Марии.

— Зачем этот черный цвет? — спросил он однажды, сделав вид, что хочет разорвать ее юбку. — Ты хорошо знаешь, что мне нравятся яркие платья...

Она непримиримо ответила:

— Полячка должна носить траур по своей Родине. Когда вы освободите ее, я стану носить только розовое...

Он улыбнулся:

— Наберись терпения. Весной я начну наступление против русских.

А пока погода действительно не благоприятствовала военным действиям. Иногда на целые дни снежные бури отрезали замок от остального мира, а по ночам термометр опускался до тридцати градусов мороза.

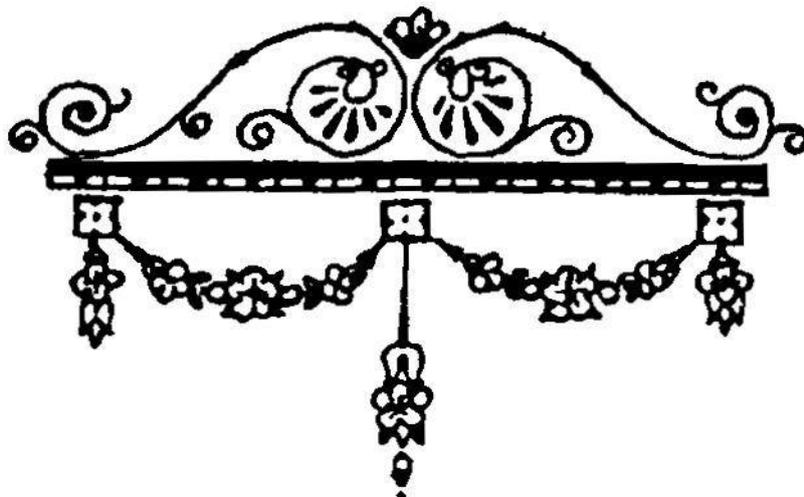
В ожидании первых подснежников солдаты Великой Армии проводили время за картами, распевая непристойные куплеты... В замке Финкенштейн несмотря на постоянно горевшие в камине дрова царил ледяной холод. Поэтому любовники чаще всего проводили время, резвясь в постели, что давало им возможность согреться.

Майским утром, когда Наполеон еще лежал в постели с Марией, ему принесли конверт. Это было письмо от Жозефины, в котором она с плохо скрывае-

мой ревностью укоряла его, что он пишет нежные письма парижанкам. Император встал и тут же написал такой ответ:

"Я получил твое письмо. Я не знаю никаких дам, в переписке с которыми ты меня упрекаешь. Я люблю только мою маленькую Жозефину с надутыми губками, капризную девочку, которая даже ссорится очаровательно. Она всегда мила, за исключением тех моментов, когда ревнует. Тогда она становится просто дьяволицей. Но вернемся к дамам... Если я должен заняться какими-либо из них, я бы предпочел, чтобы они походили на розовые бутончики. Те, о которых ты пишешь, — такие? Прощай, моя подруга. Всегда твой
Н."

После этого, найдя, что Мария свежа как розовый бутон, он опять улегся в постель и принялся обрывать лепестки...

Был ли у Наполеона сын от его падчерицы Гортензии?

Человек вне общепринятых норм, Наполеон был одновременно де-душкой и дядей своему сыну.
Жан-Поль Пеллерен

26 мая 1807 года три медовых месяца любовников замка Финкенштейн были неожиданно прерваны новостью, потрясшей Наполеона. Старший сын Гортензии, пятилетний Наполеон-Шарль, умер в Гааге, где с 1806 года находились Луи Бонапарт и его жена Гортензия — король и королева Голландии. С самого рождения этого ребенка поговаривали, что он был сыном Императора; будто бы прелесть Гортензии так взволновала ее отчима, что его неоднократно видели выходящим из ее комнаты в Тюильри. И этому есть множество свидетельств.

"С того момента как Гортензия повзрослела, Первый консул стал поглядывать на нее, и мадам Кампан вместе с Жозефиной считали необходимым присутствовать при их встречах. И когда приходил Бонапарт, мадам Кампан всегда вводила Каролину, которая, хоть и была молода, но, обладая женским чутьем, могла догадаться, что происходит".

Каролина была подругой Гортензии по пансиону мадам Кампан в Сен-Жермен-ан-Лэ.

Другой мемуарист, генерал де Рикар, добавляет: "Утверждают, что между Наполеоном и его приемной дочерью никогда не было недозволенной связи. Но это не так. Весь Двор и весь Париж знали огорчения Жозефины по этому поводу и все обстоятельства женитьбы Луи Бонапарта".

Однако Бурьенн восставал против таких обвинений. "Это неприкрытая ложь, — писал он, — что Бонапарт имел к Гортензии чувства, отличные от тех, которые должен питать отчим к приемной дочери". Барон Мунье возражает ему:

"Бурьенн пытается доказать, что между Наполеоном и его приемной дочерью не было любовной связи. И, как мне кажется, делает это напрасно. Мсье Леспера часто говорил мне об этом, как об известном факте. На мнимого сына Луи смотрели как на ребенка Наполеона. Он хотел усыновить его и сделать своим преемником. Я вспоминаю, что видел, как в 1806 году Наполеон, держа ребенка за руку, проходил по галерее Сен-Клу. На его лице было заметно гордое удовлетворение. Ребенок был прехорошенький и походил на него. В то время Наполеон оставил мысль о разводе с Жозефиной, поскольку у него был

наследник".

Наконец, это может показаться парадоксальным, но Фредерик Массон ссылается на слухи, пытаясь объяснить своеобразное поведение Наполеона со своим племянником:

"Он сиял от восхищения, когда ребенок, глядя на проходящих по саду гренадеров, кричал: "Да здравствует Нанон, солдат!" Наполеон приводил его к себе, за обедом сажал за сервированный стол и забавлялся, глядя, как ребенок переворачивает все, до чего может дотянуться. Он водил малыша кормить газелей, сажал его на них верхом и весело смеялся, слыша, как тот называет его "дядя Бибиш". Играя с ним, Наполеон ходил на четвереньках, строил уморительные рожи. Он усыновил этого ребенка как своего наследника, но разве это доказывает, что тот был его сыном?"

В нем он видел свою породу, свою кровь. Разве это противоречило честным нравам? Его намерение укрепить свой трон давало ему право спокойно не обращать внимания на все подозрения".

Этот ребенок, смерть которого так потрясла Наполеона, оставался загадкой. Произведя его на свет, Гортензия только следовала семейным традициям. Вот письмо, которое ее отец, виконт де Богарнэ, послал Жозефине после рождения дочери:

"Что я должен думать об этом ребенке, который появился через восемь месяцев после моего возвращения из Италии? Я пытаюсь его принять и молю небо помочь мне в этом. Но я знаю, что это чужая кровь. И все же она не узнает моего стыда, я клянусь. Я дам ей должное воспитание. Но Вы... Вы примите это к сведению"...

Появление на свет этого мальчика составляет тайну для историков вот уже более ста пятидесяти лет. И мы пытаемся прийти к определенному мнению на основании различных точек зрения двух авторов.

Первый из них, Редерер, был политиком и начал свою деятельность на следующий день после 18 брюмера 1799 года. Как раз в это время Наполеон был озабочен проблемой наследника. Жозефина бесплодна. И сам он не уверен в своих детородных способностях. У него был выбор: расстаться с Жозефиной и жениться на молодой женщине. Но ведь он не был уверен в своем семени, а кроме того, любил креолку и играл роль благородного супруга.

Второе решение подсказывала ему его семья: назначить наследником одного из братьев. Жозеф и Люсьен оспаривали друг у друга это право. Но Первый консул отверг оба пути и выбрал третий. Он женит своего брата Луи на Гортензии и усыновит их первого сына, в котором будет кровь Бонапартов и Жозефины.

В то время Гортензия была очень красивой семнадцатилетней девушкой, живой, веселой и очаровательной. Луи же, напротив, был замкнутым и мрачным из-за венерической болезни, от которой он очень страдал. Наполеон говорил: "Графиня С. оставила ему такое воспоминание об Италии, которое он будет долго помнить..."

Правая рука Луи была полупарализована, у него было искривление позвоночника и ослабление голосовых связок. Чтобы излечиться от "плохой болезни", он прибегал к помощи знахарей: принимал ванны из вареной требухи, спал в рубашках и на простынях от чесоточных больных, делал какие-то мерзкие припарки.

Узнав о намерениях Наполеона, Гортензия, флиртовавшая тогда с Дюроком, разразилась рыданиями. Но Жозефина дала ей понять, что, выйдя замуж за Луи и родив ребенка от этого ничтожества, она спасет мать от развода. Свадьба состоялась 4 января 1802 года. Консул уехал в Лион восьмого. Через месяц Гортензия объявила о своей беременности. Ребенок родился 10 октября, то есть по всем подсчетам он был зачат через шесть дней после отъезда Бонапарта.

Возвратившись в Париж, Наполеон заявил, что хочет усыновить своего племянника. Луи отказался, и, чтобы уговорить его, Консул присудил ему все возможные военные и гражданские награды, пожаловал миллион франков, шпагу Великого коннетабля, орден Золотого руна, должность в Законодательном Совете и орден Почетного легиона. Все напрасно.

В январе 1805 года Наполеон в последний раз предложил усыновить ребенка и сделать его королем Италии под именем Наполеона II. Но Луи снова отказался. В 1806 году Наполеон предложил брату голландский престол. Снова безрезультатно.

В мае 1807 года ребенок умирает от крупа. Наполеон, который с рождения маленького Леона знал, что он не бесплоден, на этот раз серьезно задумался о разводе.

Другая версия кажется более естественной и берет начало в постели Первого консула. По слухам, ходившим в Тюильри, Бонапарт стал любовником Гортензии с лета 1801 года. В декабре юная девушка со смущением обнаруживает свою беременность. Растерявшийся Наполеон поставил в известность Жозефину, и во избежание скандала Гортензию решили выдать замуж за немощного Луи. Послушаем генерала де Рикара, адъютанта короля Жерома:

"Что не оставляет никаких сомнений в связи Бонапарта с его падчерицей — это слезы Жозефины на свадьбе Гортензии и Луи, которого она ненавидела, но надеялась, что положение невестки послужит более мощным тормозом для Наполеона и что это замужество, отдалив от него дорогую соперницу, вернет ей покой и счастье, которые она так надолго потеряла".

За несколько дней до свадьбы Люсьен отправился к Луи и попытался открыть ему глаза.

— Гортензия — любовница Наполеона, — сказал он.

— Я знаю, мне уже сказали об этом, но все это скоро закончится...

Свадьба состоялась 4 января, Наполеон уехал в Лион восьмого, а 10 октября Гортензия произвела на свет маленького Наполеона-Шарля. Как мы уже видели, эта дата противоречит отцовству Первого консула.

"Однако, — повествует теперь Пьер де Лакретелль, — сегодня не существует ни одного неопровержимого доказательства, что сын Гортензии родился 10 октября 1802 года в девять часов вечера. Заметка в "Мониторе" извещает об этом в трех строках, но информация, помещаемая в прессе, полностью зависела от консула. Что касается свидетельства о рождении — оно исчезло, без сомнения, сожжено, как и многое другое во времена Коммуны. Осталась только копия, составленная очень скромно.

Если брачный контракт Луи и Гортензии подписало много высокопоставленных лиц, то во время регистрации ребенка в мэрию не был приглашен ни один государственный чиновник, хотя присутствие только одного из них позволило бы утихомирить слухи, появившиеся двумя месяцами раньше. Только

три подписи стоят на копии акта о рождении: подписи всего двух свидетелей — Бонапарта и Жозефины, и подпись самого Луи".

Гортензия, скорее всего, разродилась за месяц или полтора до официальной даты рождения Наполеона-Шарля. Впрочем, дальнейшая последовательность событий подтверждает отцовство Императора.

"Настоящая драма, — продолжает Пьер де Лакретелль — еще только началась. Три года Наполеон и Луи противостояли друг другу, как в настоящей братоубийственной войне, в которой Гортензия всегда поддерживала своего деверя, а не мужа. Более того, та любовь, которую испытывал Наполеон к своему племяннику, очень похожему на него, раздача корон своим братьям с целью отдалить их от себя, подлог документов, до которого он опустился в надежде обеспечить трон ребенку — все это больше похоже не на действия главы рода, думающего о судьбе династии, а на поступки отца, желающего любой ценой обрести сына.

Но в конце концов он должен был признать свое поражение, так как Луи был готов на разоблачения, грозясь обвинить Наполеона, Гортензию и Жозефину в постыдной комедии, затронувшей его честь".

Пока Луи Бонапарт проводил время на лечебных водах, Наполеон окружил особыми заботами жену брата. После провозглашения Империи он поселил ее в роскошном особняке на улице Победы. Пока его мать еще только ожидала выплаты содержания как вдовствующей высокой особе, к дому Гортензии были приставлены: епископ Нанси в качестве духовника, пять дам-компаньенок, камергер, кучер, три гувернантки, чтица и секретарь. Каждый день Наполеон навещал ребенка, на которого вся Европа смотрела как на его сына.

"Наполеон, — как пишет генерал Тьебо, — часто обращал внимание присутствующих на то, что ребенок очень похож на него. Это сходство было и впрямь разительным". Следующее свидетельство генерала Тьебо:

"Однажды на приеме у королевы Гортензии графиня д'Арбер подвела к Наполеону-Шарлю своих дочерей и сказала, обращаясь к ребенку:

— Монсеньор, я хочу представить вашему вниманию и доброте моих девочек.

При этих словах ребенок, которому не было еще и пяти лет, бросил на нее такой же взгляд, каким отличался только Император, и, несколько удивившись, ответил:

— Мадам, наоборот, это дамы проявляют внимание и доброту ко мне...

Гортензия расцеловала его, все присутствующие были в восторге, а я пришел в замешательство от такта, деликатности, воспитанности, проявленных таким малышом по отношению к сорокалетней даме. Я не смог скрыть своего удивления от находившегося рядом со мной придворного королевы Гортензии.

— Этот ребенок, — сказал он мне, — в своем развитии превосходит все представления. Например, стоит что-либо рассказать ему или в его присутствии, как он тут же все запоминает; он слушает, как Император, — совершенно замерев! А затем его память, здравое суждение и проницательность позволяют ему тотчас же уловить основную мысль услышанного.

Таким был этот ребенок, которого, справедливо или нет, считали сыном Императора и который по своим дарованиям смело заявлял о себе как о достойном наследнике современного Цезаря. Через три месяца этого ребенка не

стало".

Вот выводы, которые делает крупный наполеоновед Жан Саван:

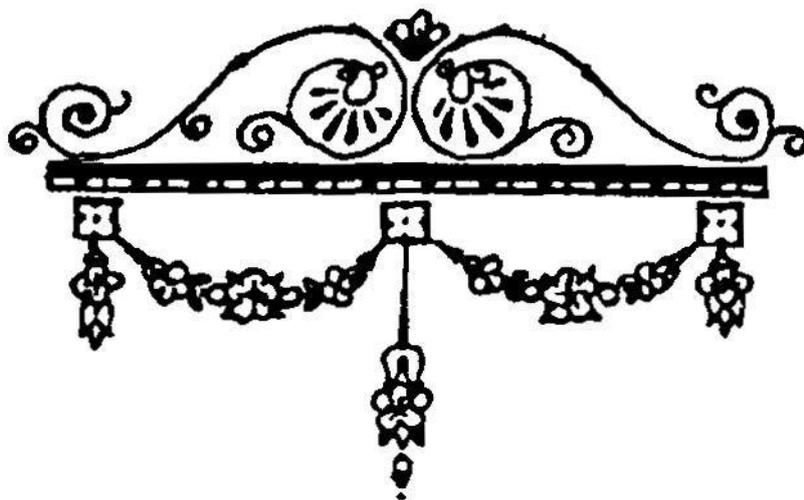
"В этой истории загадочным остается следующее: Гортензия произвела на свет нескольких детей, трое из которых являются сыновьями Луи Бонапарта. Первый: Наполеон-Луи-Шарль, родился 10 октября 1802 года, умер 5 мая 1807 года. Второй: Наполеон-Луи, родился 11 октября 1804 года. Третий: Шарль-Луи-Наполеон, родился 20 апреля 1808 года.

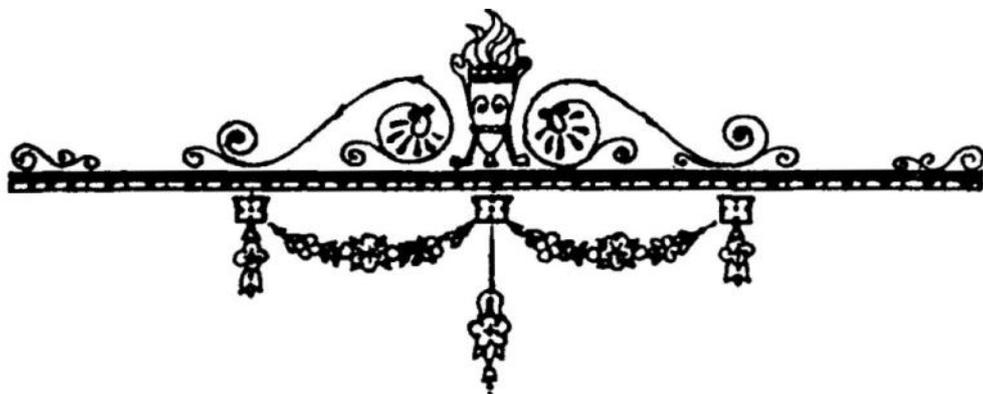
Всеми историками признано и часто повторяется, что Наполеон решился на развод после смерти маленького Наполеона-Луи-Шарля также и потому, что смерть этого ребенка лишала его права на наследование по мужской линии. Однако, следуя этим рассуждениям, почему он не сделал своим преемником второго сына Гортензии — Наполеона-Луи? Почему историки молчат об этом? Потому что Наполеон не любил его так, как первого? Маловероятно.

Что же касается второго сына Гортензии, Наполеона-Луи, Жан Саван замечает, что тот не был ни Луи, ни Наполеоном, а был сыном одного из ее любовников. В будущем это — Наполеон III. В то время ходили такие куплеты:

*Король Голландии
Дан контрабандою.
Его женой, как ни крути,
Рожден фальшивый был Луи.*

Вопрос остается открытым. И сейчас практически невозможно полностью отрицать свидетельства современников об интимных отношениях Бонапарта с его падчерицей и невесткой Гортензией де Богарнэ. При этих обстоятельствах позволительно предположить, что если Голландией на протяжении четырех лет правил король-француз, то произошло это только потому, что в один прекрасный день Наполеон уложил свою падчерицу к себе в постель.

Из любви к Марии Валевской Наполеон создает Великое герцогство Варшавское

Любовь — это источник всех политических, интеллектуальных и художественных творений...
Симона Кануэлль

Майским утром 1807 года Наполеон вошел в комнату Марии в замке Финкенштейн. Он был очень грустен.

— Прошли хорошие деньки, — сказал он. — Скоро быть войне. Ты не можешь оставаться здесь одна. Мне необходимо ехать в войска.

Мария опустила голову. Она знала, что Наполеон должен ехать сражаться с русскими, чтобы освободить Польшу. Она также знала, что их расставание неизбежно и ее жертва не бессмысленна. Она знала еще, что никогда не была так счастлива, как в эти четыре месяца. Но на сердце у нее было тяжело.

— Когда я должна выезжать? — спросила она. Император был краток:

— Сегодня же. — Ничего не добавив, он возвратился к себе в кабинет.

Оставшись одна, Мария упала на ковер и зарыдала. Придя в себя, она встала, взяла ножницы и отрезала, чтобы взять с собой, небольшой кусок обивки их кровати. Говорят, что до сих пор в замке Финкенштейн сохранилась эта кровать с дырой в обивке.

Через два часа они простились. Оба были очень бледны.

— Не забудь, что ты обещал мне освободить Польшу, — сказала Мария, сияясь улыбнуться. Император обнял ее:

— Именно для того, чтобы сдержать это обещание, я должен покинуть тебя и идти сражаться...

Она села в карету, и он долго махал ей шляпой, как тогда в Блони. "Верь мне, мы скоро встретимся" ...Им суждено было увидеться только в 1808 году.

Император уехал из замка через два часа после отъезда Марии, отведав супа из полевой кухни нескольких полков, потрепав за уши молодых солдат и упав несколько раз с лошади. Напоследок он произнес несколько исторических речей. (Наполеон был очень плохим наездником. Однажды он упал с лошади, объезжая смотром войска на площади Карусель. С его головы слетела шляпа, ее поднял молодой лейтенант и подал ему. Смутьившись, Император сказал: "Благодарю вас, капитан". Стоявший рядом офицер успел спросить: "Какого полка, сир?" Наполеон подхватил игру: "Моей гвардии", — был ответ.)

На следующий день было объявлено о капитуляции Данцига. Перед тем как продиктовать сообщение в Париж, Наполеон написал нежное письмо

Марии:

"Моя любимая! Данциг капитулировал. Я уверен, что ты будешь очень рада, узнав это от меня. Я еду в Данциг, но не забыл моего обещания. Будь счастлива, потому что горизонт проясняется и мы скоро увидимся. Это самое дорогое мое желание"...

Через две недели он был в Гейльсберге. Его войска находились в это время в нескольких лье от русских. Все свидетельствовало о том, что решительного сражения не избежать. Однако при последних приготовлениях, в перерыве между двумя военными советами с маршалами, Наполеон нашел время написать Марии несколько строк:

"Моя нежная подруга! Все идет так, как я и предполагал. Мы наступаем на пятки врагу, и польская дивизия преисполнена энтузиазма и отваги. Приближается день нашей встречи, который я призываю всем сердцем.

Твой Н."

Через два дня во Фридрихсберге он разбил русскую армию. После этой победы, удивившей Европу, Наполеон пригласил русского царя в Тильзит для переговоров о мире.

Встреча происходила на плоту на середине Немана под выпивку и глупые речи. Там Император в первый раз увидел прусскую королеву, был ослеплен ее красотой и немедленно пожелал стать ее любовником.

— Необыкновенно красивая женщина, — сказал он одному из своих генералов.

Генерал был льстецом.

— Она может стать розой среди лавровых кустов, — ответил он. Эта фраза привела Наполеона в хорошее расположение духа до конца переговоров.

В первый же вечер он проявил необычайную галантность по отношению к королеве. Он расшаркивался перед ней и преподносил цветы.

— Но ведь мы едва знакомы, — смущалась она.

— Согласитесь, мадам, что это повод для продолжения дружеских отношений.

Это было почти заявление. На следующий день он пригласил ее на обед тет-а-тет. Увидев его ерзающим на стуле от сильного желания, она осмелилась попросить у него крепость Магдебург для своего сына.

Между ними сразу же пробежал холодок.

— Магдебург... Магдебург, — пробурчал он, пытаясь скрыть свое неудовольствие. — Об этом и не думайте, мадам... — И он оставил ее.

Поняв опасность, которую представляла бы связь с королевой, бывшей в то время любовницей русского царя, отныне он стал держаться с нею в определенных рамках. Вечером он признался в письме к Жозефине: "Прусская королева действительно очаровательна. Она кокетничает со мной. Но не надо ревновать. Я как бы покрыт воцненным покрывалом, с которого все соскальзывает. Галантность по отношению к ней может обойтись мне слишком дорого".

"Не менее справедливо и то, — сообщает нам Кузен д'Аваллон, автор "Бонапартианы", — что злосчастная принцесса добилась от Императора выгодного для себя соглашения, по которому она сохранила половину своих территорий".

9 июля был подписан мирный договор. Несмотря на опасения дипломатов, что заинтересованность Франции в альянсе обидит царя, Наполеону, верному

обязательствам по отношению к любовнице, удалось вернуть часть Польши. Эти земли, названные теперь Великим герцогством Варшавским, получили право на существование благодаря Марии Валевской.

Узнав эту новость, молодая полячка обезумела от радости. Ей захотелось броситься в объятия своего любовника. Несколько дней она ожидала его, почти не сомневаясь, что он поедет во Францию для ратификации договора.

В то время как она бросалась на стук каждой кареты, Наполеон во весь опор мчался через Польшу и Пруссию и после девяноста двух часов, проведенных в дороге, остановился на несколько дней в Дрездене, чтобы размять ноги, встретиться с принцем Саксонским и стать любовником очаровательной Шарлотты Кельманзегге (через несколько лет она станет шпионкой наполеоновской разведки).

Выехав из Дрездена 22 июля, он 27-го был в Сен-Клу, а 29-го послал это жестокое письмо Марии Валевской, все еще ждавшей его приезда:

"Моя нежная, любимая Мария. Ты, так любящая свою страну, поймешь, с какой радостью я опять оказался во Франции после почти года отсутствия. Моя радость была бы полной, если бы ты была рядом со мной. Но ты в моем сердце... Мой день рождения — в праздник Успения. И это еще одна причина, чтобы наши души соединились в этот день. Ты мне уже, конечно, написала и послала поздравления. До свидания, моя дорогая. Очень скоро ты приедешь ко мне, когда я освобожусь от дел, чтобы пригласить тебя. Верь моей неизменной привязанности к тебе.

Н."

Мария почти не выходила из дома, ожидая письма с приглашением в Париж.

Несколько дней Наполеон вместе с парижанами праздновал установление мира. Как только ему удалось вырваться от Жозефины, он помчался на улицу Победы, где жила Элеонора Даниэлль с маленьким Леоном, его сыном. Император был в восхищении:

— Никогда я еще не видел такого красивого ребенка! — Затем стал выяснять, похож ли ребенок на него: — Нос — мой, подбородок — мой, рот — мой и даже прядь волос, как у меня...

Наполеон был счастлив, но в его глазах уже зажигались две звезды Аустерлица...

Император стал несколько раз в неделю брать Леона в Тюильри, где закармливал его конфетами, задаривал игрушками и, по забавному выражению мемуариста, "утомлял его ласками". Слуги часто присутствовали при удивительных сценах, когда человек, которого вся Европа представляла только склонившимся над планами сражений и проектами государственных соглашений, ходил на четвереньках, дудел в детскую дудочку и изображал курицу, несущую яйца, чтобы вызвать улыбку у своего сына...

Сначала Наполеон подумывал о том, чтобы узаконить ребенка и сделать его своим наследником, но, поразмыслив, побоялся скандала и отказался от своего намерения. Леон был доверен кормилице, мадемуазель Луар, скромно воспитывавшей его под именем Макон. После разрыва Наполеона с Элеонорой ребенком занялась Каролина Мюрат. Она поселила его в Тюильри. Когда ему исполнилось шесть лет, Наполеон приставил к нему в качестве опекуна

своего секретаря Меневаля. В 1815 году, перед тем как оставить Париж, он позаботился о сыне, выделив ему сто тысяч франков. И наконец, уже находясь на Святой Елене, передал ему триста тысяч франков, сопроводив их запиской: "Я бы хотел, чтобы мой маленький Леон добился судейского звания, если ему это, конечно, по вкусу".

Граф Леон вел довольно беспорядочную жизнь. Проиграв часть своего состояния в карты, он бросился в политику. В 1840 году собирался стреляться на дуэли с будущим Наполеоном III, намеревался судиться со своей матерью и кончил тем, что потерпел поражение на выборах в Законодательное собрание в 1848 году. Во времена Второй империи он женился на дочери своего садовника, от которой имел четверых детей. Он умер в Понтуазе в 1881 году, всеми забытый и почти нищий. В настоящее время последний граф Леон живет в Вильер-сюр-Марн.

В сентябре Наполеон, ставший теперь самым могущественным государем в Европе, решил создать дворянское сословие своей Империи и стал мечтать о пышности прежних королевских дворов. Бывший республиканский генерал решил переселиться в резиденцию французских королей в Фонтенбло. А придворные дамы из свиты Императрицы захотели видеть Императора с привычками Людовика XV.

Послушаем Констанана:

"Одна из этих дам привлекла внимание Его Величества. Он уже написал ей несколько нежных записок и как-то вечером попросил меня отнести еще одну. Во дворце Фонтенбло есть внутренний сад, называемый садом Дианы, доступ в который имели только Их Величества. Этот сад с четырех сторон окружали особняки. Один из них занимал Император с женой. По периметру этого ансамбля, образуя каре, возвышались аркады, за которыми располагались апартаменты приближенных персон.

Мадам де Барраль, дама, которую заметил Наполеон, занимала комнаты за аркадами. Его Величество предупредил меня, что, если окно будет приоткрыто, я должен проникнуть в дом через него. Там в полумраке я обязан передать это письмо особе, которая спросит меня о нем. Темнота в комнате является необходимым условием, потому что при открытом освещенном окне меня могут заметить из сада со стороны аркад.

Не зная внутреннего расположения дома, я влез через окно. Шагнув вперед, я произвел страшный шум, упав с высокой ступеньки, находившейся под окном. Падая, я услышал звук закрываемой двери. Сильно ударившись коленом и локтем, я с трудом поднялся и на ощупь стал пробираться к выходу, боясь быть обнаруженным.

Когда я вернулся к Императору и он увидел, что мои ушибы не серьезны, то принялся от души хохотать, а затем сказал:

— Теперь я буду знать, что там есть ступенька. Подождем, пока мадам де Барраль оправится от испуга, вы будете сопровождать меня"...

Через час Император отправился на свидание. Он пересек сад, осторожно влез в окно и бесшумно прошел в комнату мадам де Барраль. Молодая женщина, испуганная шумом, вызванным Констананом, притаилась в темном углу.

— Где вы? — не увидев ее, спросил Наполеон.

— За кроватью.

— Зажгите свет.

— О нет!..

Они на ощупь нашли друг друга, упали на постель и предались наслаждениям.

"Но несмотря на то, что мадам де Барраль была достойна истинной привязанности, — продолжает Констан, — их связь не была долгой. Я полагаю, что сложности, связанные с визитами к ней, охладили пыл Его Величества, а может быть, Император не был настолько влюблен, чтобы подвергаться испытанию на храбрость каждое посещение".

И тут же освободившееся место в ветреном сердце Наполеона заняла другая дама.

В конце сентября Император снова встретил Карлотту Гаццани, прекрасную генуэзку, которую он вывез из Италии два года назад, нашел ее очень соблазнительной и пожелал ее. Карлотта по натуре была мягкой и пассивной. Когда он внезапно оставил ее в 1806 году, она довольно скоро утешилась, без горечи и сожаления. "Обретение" также произошло очень просто.

— Я буду в твоей комнате через пятнадцать минут, — сказал Наполеон.

Карлотта кивнула головой, отправилась к себе и начала раздеваться. Через пятнадцать минут Наполеон постучал к ней в дверь. Еще через полминуты через всю комнату летели детали знаменитого мундира полковника кавалерийских стрелков: туфли с золотыми пряжками, сюртук, большой шнурок ордена Почетного легиона — и Карлотта почувствовала на себе всю тяжесть самого могущественного человека в мире. Менее всего склонная к философским обобщениям, она только подумала, что он потолстел... Наполеон же получил от этого маленького свидания удовлетворение, превзошедшее его ожидания. В этот же вечер, на цыпочках покинув свои апартаменты, он снова вернулся в постель генуэзки. На следующий день пригласил ее к себе, и во дворце все узнали, что она опять в фаворе. Об этом сначала шептались, но потом их связь стала почти официальной. Вот что пишет мадам де Ремюза:

"Он поселил ее в Фонтенбло. Вечером она спускалась к нему, иногда он поднимался к ней, но Двор не стал уделять пристального внимания этой связи, предвидя, что она не продлится долго и не произведет больших перемен. Талейран, который первым посоветовал Бонапарту выбрать в любовницы Карлотту, иногда тоже пользовался ее благосклонностью... И не только он..."

Император с присущим ему "тактом" посвящал Жозефину в подробности ночей, проведенных с любовницей. Бедная Императрица, в последнее время редко достаивающаяся визитов мужа в свою спальню, невозмутимо выслушивала его рассказы о ночных похождениях.

Известно, что Наполеон был очень высокого мнения о собственной особе. Он наивно полагал, что во дворце только он один позволял себе некоторую распущенность нравов. Однако он глубоко ошибался. После заключения мира весь Двор охватило какое-то любовное исступление. Послушаем барона де Буйе, автора книги "Хроники скандальных событий во времена Империи":

"Весь двор знал, что хорошенькая мадам Савари изменяла своему мужу с легкостью, присущей многим девушкам благородного происхождения. Но никто не знал, что иногда она встречается с любовниками в том местечке парка, называемом Волчьей Лужей, где растут папоротники. И не случись эта забавная история, Двор так бы и не узнал о забавах на мягкой траве.

Как-то раз мсье де В., заканчивающий ужин со своими друзьями, поведал им, что некая придворная дама собралась сегодня вечером встретиться возле Волчьей Лужи с одним из гвардейцев личной гвардии Императора.

— Говорят также, — добавил он, — что она перебивалась там со всеми офицерами полка и ни один из них не был там дважды.

Эта история рассмешила его друзей, и кто-то из них сказал, показав на окно:

— Посмотрите, сегодня полнолуние. Давайте прогуляемся к этому "любовному источнику". Может быть, мы узнаем, кто эта дама.

Идею поддержали, и трое друзей вышли из дворца и углубились в парк. Когда они подошли к Волчьей Луже, мсье де В. остановился. Из папоротников доносился странный шум. Можно было подумать, что стонет раненый человек.

— Давайте спрячемся у лунной дорожки и испугаем их, — прошептал мсье де В. Он сложил ладони рупором и изобразил вой волка.

Результат был неожиданным. В одно мгновение из кустов выскочили полуголые мужчины и женщины и побежали на дорогу. Каждая пара состояла из гвардейца и придворной дамы. Мсье де В. и его друзья гордо продефилировали перед ними, узнавая среди спасающихся бегством знакомых девушек и замужних дам, а между ними и прекрасную мадам де Савари".

Узнав о таком конфузе, Наполеон страшно разгневался. Он вызвал к себе мужа мадам де Савари и не долго думая рассказал ему о похождениях жены.

— Ваш долг, — сказал он, — следить за вашей женой. А если вы не способны на это, она будет продолжать обманывать вас, и вы станете посмешищем Двора. Можете идти.

Вот как это звучит в изложении мадам де Ремюза:

"Бонапарт придавал большое значение моральным качествам придворных; он считал недопустимым, чтобы женщина верховодила в семье. Он хотел, чтобы только у него было право пользоваться полнейшей свободой. Он не терпел каких-либо проявлений беспутства у членов своей семьи и часто выговаривал им за это".

Позднее Наполеон сам стал любовником мадам де Савари, что дало возможность ее мужу получить титул герцога Ровиго, должность министра полиции и огромное состояние.

Через несколько дней во дворце разразился другой скандал, еще более оглушительный, так как к нему были причастны Жером Бонапарт, король Вестфалии и брат Императора, и Стефани Богарнэ, принцесса Баденская.

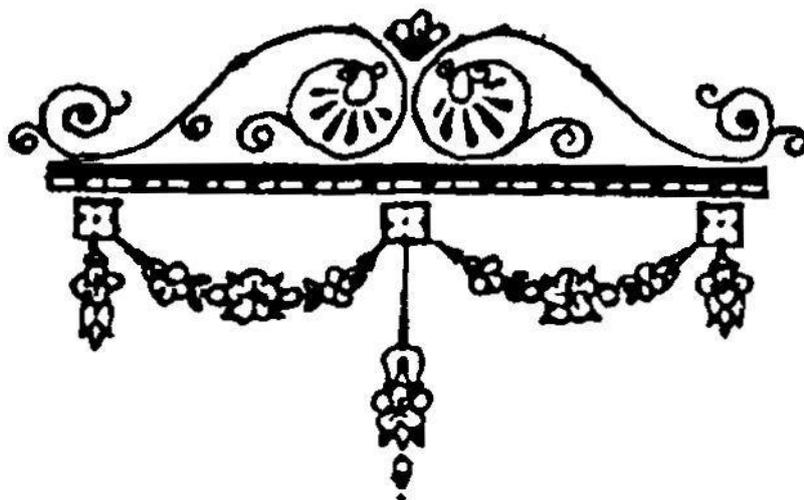
На одном из балов Жером, недавно женившийся на принцессе Катрин, танцевал только со Стефани Богарнэ, в которую самозабвенно влюбился. Эта влюбленность была настолько очевидной, что бедная Катрин чувствовала себя очень неловко, и это не преминула отметить мадам де Ремюза, находившаяся в двух шагах от нее.

"Внезапно мы увидели, как побледнела новая королева Вестфалии. Не сдержав слез, она оперлась на стул и упала в обморок. Бал был испорчен. Ее перенесли в соседний салон. Жозефина в сопровождении нескольких дам поспешила оказать ей помощь. Император резко бросил брату несколько слов и вышел. Жером, испугавшись, кинулся к жене и, положив ее к себе на колени, пытался привести в сознание ласками и поцелуями.

Катрин, придя в себя, начала плакать, не замечая, что вокруг собралось

много народу. Я молча смотрела на них и живо чувствовала волнение Жерома. Ведь множество независящих от него обстоятельств возвели его на трон, сделали объектом страсти Катрин, а он, неожиданно получивший право быть любимым ею, посмел пренебречь ее любовью. Не могу высказать всего, что я переживала, глядя, как она сидит у него на коленях, склонив голову на его плечо, а он ласкает ее, что-то нежно шепча".

На этом спектакле в большом императорском салоне не присутствовал только сам Император. Но Двор уже находился накануне еще большего скандала...

Каролина Мюрат становится любовницей Жюно, чтобы возвести на трон своего мужа

Постель часто бывает только ступенькой...
Куртелин

Октябрьским утром, когда ледяной туман проникал в салоны замка Фонтенбло, весь Двор был охвачен волнением, несколько согревавшим обитателей, узнавших, что посол Австрии в Париже господин Меттерних был любовником великой герцогини Каролины Мюрат... Прежде чем объяснить, каким образом сестра Наполеона оказалась в постели австрийского дипломата, вернемся немного назад.

В 1806 году, когда Наполеон подарил Голландское королевство своему брату Луи и Гортензии, Каролина испытала жестокий приступ ревности, который уложил ее в постель. Чтобы успокоить сестру, Наполеон выделил семейству Мюрат Великие герцогства Клевское и Берг. Однако эти ничтожные владения еще больше разожгли ярость маленькой корсиканки, у которой амбиций было не меньше, чем у ее брата. Она хотела стать королевой, называться ее величеством, выбирать любовников, как Екатерина Великая, принимать почести подданных и свободно пользоваться государственной казной.

В начале 1807 года распространился ложный слух, который натолкнул Каролину на одну мысль. После сражения под Эйлау до Парижа дошло известие, что Наполеон ранен русскими. Тогда Каролина стала размышлять: не сможет ли ее муж каким-либо образом заполучить трон, если Наполеон будет убит на поле боя? Конечно, она принимала во внимание, что по постановлению сената преемником может быть назначен Жозеф, Луи или их дети. Но не существует ли возможностей завладеть короной другим путем? И она стала думать, а ее бурное воображение вскоре подсказало ей необычный и дерзкий план (который, кстати, и будет реализован генералом Мале спустя пять лет). Речь шла о том, чтобы убедить армию признать Мюрата новым Императором, а затем вынудить народ согласиться с этим.

Конечно, это будет настоящий переворот. Чтобы осуществить его, надо добиться поддержки Жюно, губернатора Парижа. И Каролина, уверенная в своих чарах, пригласила Жюно в Елисейский дворец, в котором жила уже некоторое время, взволновала его своим декольте (говорят, ее груди были выставлены напоказ, как на подносе), заставила его краснеть под призывными взглядами — и в конце концов все завершилось в роскошной постели маршала Мюрата. Жюно, далекий от того, чтобы подозревать Каролину в интригах, был вне

себя от радости.

— Ты прекрасный любовник, — сказала ему Каролина, — приходи ко мне, когда пожелаешь.

И он явился этой же ночью.

"В театре она появлялась в ложе генерала, — писала несчастная мадам Жюно. — И возвращалась оттуда в его экипаже. Нередко в самые неподходящие часы у Елисейского дворца можно было увидеть карету генерала".

Скоро весь Париж узнал о связи губернатора, и простой народ смеясь говорил, что у маршала Мюрата будут неплохие шансы в польской кампании...

Пока народ зубоскалил, такая же мысль зародилась в голове другой женщины — Жозефины. Также напуганная тем, что Наполеон может погибнуть в сражении, она задумала передать императорскую корону своему сыну Евгению. Но, чтобы добиться этого, ей тоже потребовалась помощь губернатора. Она пригласила Жюно к себе на завтрак и откровенно изложила задуманное. Но Жюно боготворил Наполеона и даже подпрыгнул, выслушав план Жозефины.

— Но, мадам, указ о престолонаследии издается Императором!

Императрица рассмеялась:

— Никто во Франции не захочет видеть на троне ни Луи, ни Жозефа, ни тем более Жерома. Что касается моих внуков, хотя они и сыновья Луи и Гортензии, они тоже встретят противодействие. А кроме того, нужно будет регентство, а это может дестабилизировать обстановку в стране и вызвать новую революцию... А Евгения все знают, и его любит армия...

После завтрака возмущенный Жюно побежал к Каролине. Великая герцогиня была неприятно удивлена тем, что теперь у нее есть соперница.

— Что вы об этом думаете? — спросила она Жюно. Губернатор, оставшийся таким же прямым и неделикатным, каким был в Египте, ответил:

— Я с удовольствием собственными руками убью того, кто надеется на смерть генерала и строит планы его смещения.

Но Каролина даже бровью не повела, и отважный человек так и остался в неведении, что является пешкой на шахматной доске, на которой сражаются две честолюбивые королевы.

На самом же деле ему была отведена главная роль, о чем свидетельствует Жозеф Тюркан:

"Двумя женщинами владела одна и та же мысль. Но если бы пришло известие о внезапной смерти Наполеона, то только Жюно мог возложить корону на нового избранника. В его ведении находился гарнизон Парижа, а другие воинские формирования должны были бы подчиниться свершившемуся, так же как и армии, находящиеся в кампаниях. А народ, конечно, смирился бы с волей военных. А, впрочем, что ему оставалось делать?"

Вот почему с момента провозглашения Наполеона Императором Каролина так заботилась об армии и не упускала возможность завоевать расположение офицеров. Ее намерения, сначала неясные и нерешительные, постепенно начали обретать четкую форму. Вот почему, устраивая празднества, она приглашала на них офицеров парижского гарнизона, в основном из штаба; вот почему она ездила в военный лагерь в Булонь якобы навестить брата и мужа, в действительности же для того, чтобы ее все увидели и поняли, что великой герцогине безразлично все имеющее отношение к славе армии. Вот почему

также она притворилась влюбленной в Жюно, вызвала его на любовную игру и вела ее так, что наивный губернатор в невольном самодовольстве считал, что обязан этим своим неоспоримым достоинствам, — именно поэтому весь Париж узнал, что она стала любовницей Жюно".

Более ловкая, чем Жозефина, Каролина не стала доверять своих намерений храброму генералу, но, как выразился Жозеф Тюркан, "нашептывала своему любовнику в упоении страсти такие слова, что при необходимости тот не смог бы отказать ей ни в чем".

Вскоре их связь приобрела характер супружества. Каждый вечер после службы губернатор приезжал в Елисейский дворец, где его в соблазнительном неглиже ждала Каролина. Сначала она спрашивала его с тревогой в голосе, нет ли новостей от Императора. Жюно, желая успокоить ее, спешил сообщить содержание присланных депеш. Каролина, как хорошая актриса, выпускала тяжелый вздох. "Ах, как я волнуюсь", — говорила она, а затем уводила его в свою комнату. Так проходили недели. Каролина ждала вестей о гибели своего брата, но они все не приходили. И не появилось ли у нее желание помочь судьбе?

Вот что пишет в своих воспоминаниях герцогиня д'Абрантес:

"В память о моем муже я должна приподнять завесу над интригами, которые предпринимались, чтобы разыграть партию в пользу Мюрата, приоткрыть тайну несчастья с Императором: ведь именно тогда начали распространяться слухи о печальных обстоятельствах, связанных с ним... Стало как-то почти привычным видеть Мюрата в кресле, в котором всегда сидел Наполеон, или седлающим его коня, и, может, кто-нибудь уже считал Мюрата почти Императором Франции. Такая возможность перестала бы казаться шутовской при непрерывном настойчивом повторении, когда глаза привыкают видеть, а уши — слышать, и тогда однажды кто-то произнес бы: "Вражеская пуля уже давно гоняется за Императором. Война есть война..." А от мыслей о его замене до рассуждений о медлительности вражеской пули — очень небольшое расстояние"...

Всю ответственность за такое обвинение я, конечно, оставлю на совести герцогини д'Абрантес.

Каждый год 19 марта Двор готовился к дню рождения Императрицы. И в этом году Каролина и Полина Бонапарт поручили Жюно поставить спектакль. Губернатор Парижа очень волновался, так как единственный театр, с которым он был знаком, — это театр военных действий. И он решил посоветоваться с мсье де Лоншаном, секретарем великой герцогини Каролины, — он был тем, кого называют "человек с талантами". И тот вознамерился сам написать пьесу "сообразно обстоятельствам и персонажам".

— В ней я отражу красоту ее высочества принцессы Полины и ум ее высочества принцессы Каролины.

Жюно ликовал.

— Естественно, — добавил Лоншан, — у вас тоже будет роль в спектакле, а также и у мадам Жюно. Надо, чтобы на сцене были все...

Губернатор согласился, хотя его жена была в это время в положении, и "человек с талантами" принялся за работу. Через три дня комедия была готова, и начались репетиции. Бедная мадам Жюно обнаружила, что вся пьеса пред-

ставляет собой намек на любовь ее мужа к герцогине Бергской. Шарль — персонаж, которого играл Жюно, объяснялся в любви молодой крестьянке, роль которой исполняла Каролина. Влюбленные пели дуэт, полный страсти и сопровождаемый нежными прикосновениями. Правда, великая герцогиня пела фальшиво, а губернатор Парижа был так взволнован, лаская свою любовницу на публике, что у него случались провалы в памяти и он путал текст, заменяя его словами из собственного лексикона. Все это выглядело весьма недвусмысленно.

Естественно, мадам Жюно смотрела спектакль с тоской и прилагала большие усилия, чтобы не расплакаться, когда Жюно целовал Каролину в губы, "как того требовала роль".

Наступил день праздника. Представление давалось в маленьком театре в Мальмезоне, и публика, уже наслышанная о нем, наострила уши. Но намеки на связь Жюно и Каролины были слишком прозрачными. Так же, как и каждая реплика. Одна из них имела наибольший успех.

В какой-то момент Жюно должен был сказать своей партнерше: "Когда я нахожусь возле вас, я почти цепенею". Но, увы, Жюно чересчур волновался, стал бессвязно бормотать и, не успев произнести конец фразы, громко пукнул. Публика стала оглушительно аплодировать, и актеры кое-как доиграли спектакль.

После представления у Каролины случился нервный припадок. Императрица, желая помочь ей, расстегнула корсаж ее платья, и оттуда выпало письмо. Жозефина подняла его, но в этот момент Каролина пришла в себя.

— Отдайте, это письмо от Мюрата, — довольно резко сказала она.

Жозефина ничего не ответила, но узнала почерк губернатора Парижа. Когда праздник окончился, все покинули Мальмезон, а великая герцогиня оказала супругам Жюно честь и села в их карету. В три часа утра это трио оказалось перед Елисейским дворцом. Генерал галантно подставил руку, помогая герцогине выйти из кареты, а затем проводил ее в апартаменты. Мадам Жюно терпеливо ожидала его возвращения. Однако на рассвете она стала терять терпение и велела кучеру отвезти ее домой. Это было мудрым решением, так как губернатор вышел из Елисейского дворца только в полдень...

Наполеон был в Тильзите, когда узнал от генерала Савари, что его сестра стала любовницей Жюно. Императора охватил гнев, не оставлявший его до самого возвращения в Париж. Сразу же по приезде он вызвал Каролину и в выражениях, едва ли принятых в приличных домах, стал выговаривать за ее поведение. Великая герцогиня Бергская была хитрой женщиной. Хорошо зная своего брата, она выждала, пока утихнет гроза, а затем спокойно объяснила брату, почему уложила Жюно в постель. Ее откровенность понравилась Наполеону. Он был удивлен и восхищен ее честолубием и поверил, что эта интрига была предпринята ею, чтобы "заполучить Неаполитанский трон".

На следующий день Император пригласил к себе Жюно и объявил, что он в курсе его связи. Заикаясь и дрожа, губернатор Парижа сказал, что согласен на сатисфакцию, если Мюрат считает себя оскорбленным.

— Я готов, — сказал он. — Возле моего дома или у Елисейского дворца, — если маршал намерен стреляться...

Но Наполеон запретил Жюно драться с Мюратом, ведь дуэль могла спровоцировать нежеланный скандал.

— Драться ты не будешь, — заключил он, — но из Парижа уедешь. Я назначаю тебя командовать наблюдательным корпусом в Жиронде. А потом ты отправишься в действующую армию в Португалию.

Жюно поклонился и вышел, очень опечаленный.

Это решение Императора оказалось чревато серьезными последствиями. Послушаем отрывок из книги Жозефа Тюркана "Сестры Наполеона":

"Все взаимосвязано — как в жизни наций, так и в жизни людей. Каролина, не подозревая этого, стала первой причиной начала бедствий Франции и падения Наполеона. Она же была последней и роковой. Будь она честной женщиной и не затей интриги с Жюно, Наполеон не лишил бы того должности губернатора. Жюно отправился в Португалию генералом-главнокомандующим, но там смог стать лишь "лейтенантом-гусаром", как точно охарактеризовал его генерал Тьебо. Настоящий генерал никогда не проиграл бы сражение под Вимейро, а, напротив, разгромил бы английскую армию. Следствием этого поражения явился бесславный договор, по которому Франция должна была вывести свои войска из Португалии. Ко времени нового наступления французов португальцы успели собрать многочисленные силы и построить прекрасные оборонительные укрепления. И, наконец, англичане обрели плацдарм в Европе для сражений с французами. Жители деревень ушли в партизаны и добивали отставшие отряды. Кроме того, во французских тылах поднялось испанское восстание, и армия, отступавшая из Португалии, была лишена продовольствия и связи с Францией.

В войне в Испании — утверждают наиболее серьезные писатели — Наполеон потерял около четырех тысяч человек, и не стоит забывать, что всеобщего восстания в Испании не произошло бы, если бы не уход португальской армии. Эти потери заставили Императора встретиться лицом к лицу с войсками объединенной Европейской коалиции, превосходящими его армию в численности и военной выучке.

Не будет слишком смелым утверждение, что Каролина явилась первопричиной, подорвавшей мощь колосса. Она также нанесла и последний удар, предав Наполеона так, что трудно найти слова, чтобы объяснить это".

Видимо, поэтому Наполеон написал однажды: "Женщины — виновницы всех интриг. Их стоило бы заставить заниматься только домашним хозяйством, а правительственные салоны должны быть закрыты для них".

Жюно предстояло оставить Париж 28 августа. Однако последняя ночь, проведенная им в столице, полна драматизма. Его жена сохранила для нас записки необычайной откровенности.

"Генерал Жюно был приглашен в последний вечер на обед к Их Высочествам. В приглашении добавлялось, что герцогиня будет счастлива, если мое состояние позволит мне присутствовать на приеме. Но она прекрасно знала, что в моем положении я не могла ехать в карете. Генерал отправился один и вернулся в половине девятого. У него был взволнованный вид, я боялась, что на него свалились еще какие-то несчастья, и отважилась поговорить с ним. Он сказал, что переоденется и проведет вечер со мной. В моем салоне в это время находились кардинал Мори, барон Бретай, Нарбон, де Валанси и несколько дам. К девяти вечера муж переоделся, но прошел еще час, а он так и не появлялся. Я поднялась к нему — никого. Я позвонила, вошел камердинер и сказал, что генерал ушел из дома. Отослав слугу, я, совершенно подавлен-

ная, упала в кресло — мне стало ясно, что у мужа свидание и он придет в семь утра.

Я возвратилась в салон и объяснила гостям, что генерала срочно вызвали в замок по приказу Императора. Вскоре все ушли, остались только граф де Нарбон и мадам Жюст де Ноай. Оба они были своими людьми, и я могла плакать при них не стесняясь. Они пробыли со мной до часа ночи. Оставшись одна, я предалась отчаянию. Мне следовало забыться, отрешиться от себя, готовиться к роли матери, но ради чего? Ради женщины, которая, я знала, недостойна его? Сидя на диване в самом темном уголке моей спальни, я слушала, как пробило три часа. Мое волнение усиливалось, я старалась думать о чем-либо другом, но не могла. Уже занимался день... и вдруг мне пришло в голову, что Мюрат, не сомневаясь, что последняя ночь генерала будет отдана любви, неожиданно застал любовников вместе, и, может быть, Жюно погиб от его руки...

Проходило время, мои мысли становились все тревожнее. Я слышала странный шум, я была в состоянии, близком к безумию... О!.. Как я страдала в эту ужасную ночь с 27 на 28 августа! В четыре утра, не в состоянии больше сопротивляться, я пошла на половину мужа и позвала камердинера, решив поделиться с ним моими опасениями. И тот рассказал мне, что вечером, когда генерал пришел переодеться, ему подали записку. Он прочитал ее, горестно покачал головой, зарядил пистолеты и вышел через дверь, ведущую на улицу Сент-Оноре. Эти подробности вызвали у меня поток слез. Я отослала слугу и осталась одна в комнате мужа. Я смотрела на его кровать и думала, что, может быть, ее хозяина принесут умирать на ней — из-за женщины, которая никогда не сможет оценить ни его сердце, ни его душу"...

Опасения мадам Жюно не были напрасными.

В пять часов утра Лаура, в изнеможении лежавшая на постели мужа, услышала скрип двери. Она подняла голову и увидела посреди комнаты Жюно, который бесшумно вошел с черного хода.

"Увидев его, — пишет она, — я была так счастлива, что не смогла бросить ему ни слова упрека. Я молча обняла его. Глаза, волосы, одежду мужа я стала покрывать поцелуями. Наши губы встретились, и этот горячий поцелуй вернул меня к моим страданиям. Я отстранилась от мужа, и он не удерживал меня.

— Почему ты не спишь? — нежно спросил он. — Ты должна беречь себя.

Он положил руку мне под сердце, чтобы почувствовать шевеление нашего ребенка. Бедный малыш, казалось, был рад прикосновению отцовской руки.

— Лаура, — произнес Жюно, — ты заслуживаешь лучшего.

Я положила голову к нему на грудь и заплакала слезами облегчения".

Жюно понял, что все обошлось, и, желая рассеять печаль жены, игриво посмотрел на нее:

— Докажи, что ты простила меня.

— Я хочу простить тебя, — тихо сказала она.

После этих слов он попытался увлечь ее в постель. Но она и на этот раз отстранила его, хотя уже и не так решительно.

Губернатор насупился и зашагал взад и вперед по комнате. Затем остановился перед Лаурой, стукнул себя несколько раз кулаком по голове и сказал:

— Я не могу уехать, не разрешив проблемы, которая может повлиять на наше будущее.

Нежно поцеловав друг друга, супруги отправились спать каждый в свою комнату.

На следующий день Жюно повез свою жену в замок Рэнси, принадлежавший некогда герцогу Орлеанскому. Здесь она должна была жить в его отсутствие. По дороге губернатор Парижа начал объяснение со своей женой.

"Он был очень взволнован и стал говорить со мной о своих тревогах, — пишет мадам Жюно. — С благородной доверительностью он старался обойти молчанием то, что могло причинить мне боль. Он укорял себя в жестокости и показал мне письменное доказательство преследования, которому подвергался и перед которым не смог бы устоять даже ангел.

— Да, я любил ее, — сказал он, — но мое сердце никогда не принадлежало ей. Она красива, она принцесса, она сестра моего господина... Это льстило мне... У меня закружилась голова — и в этом было твое и мое несчастье. Вчера, только вчера я нашел тебя в таком состоянии... И из-за кого, из-за кого я подвергал опасностям мою жену и моего ребенка?! Я знал, что моя смерть повлечет за собой и твою...

— Твоя смерть?! — воскликнула я, побледнев от ужаса.

Вместо ответа он достал из кармана и протянул мне записку. Я узнала почерк принцессы. Письмо было написано с полным пренебрежением к правилам орфографии:

"Я не могу и подумать, что вы уедете, не повидав меня в последний раз. Возвратившись домой, вы встретите там одни слезливые причитания. Бросьте все это и приходите к своей Каролине. Идите обычной дорогой, двери будут открыты. Прихватите на всякий случай оружие. Вам понятно — зачем?"

— Последние слова вызвали во мне гнев, — продолжал Жюно. — Как могла эта женщина ради удовлетворения своих капризов подвергать опасности жизнь своего мужа, отца своих детей, и жизнь любовника, которого она любила, по ее словам?!

И добавил, что эта записка произвела на него такое отвратительное впечатление, что его чувства, прежде воспламенявшиеся подле Каролины, сразу погасли и он почувствовал себя оскорбленным.

— Но однако же вы вернулись к этой женщине! — воскликнула я в гневе. — Вы не ожидали, что у меня хватит смелости увидеть вас в эту ночь!

— Нет, — холодно ответил он. — И хватит — не будем больше говорить об этом"...

Что же произошло в первый час свидания? Каролина пустила в ход все свои чары, чтобы удержать угасающую любовь. Но Жюно все было ясно, теперь он видел только жалкие усилия похотливой проститутки и отверг ее притязания. И тут женщину охватила безграничная ярость. Она стала извергать проклятия и угрозы:

— О, наконец пришел час... Я хочу, чтобы Мюрат увидел тебя здесь и чтобы к тебе домой принесли твой труп!

— Замолчите! — вскричал Жюно, отталкивая ее. — Если до сего момента вы внушали мне только отвращение, то теперь вы вызываете у меня ужас! Слушайте меня внимательно: если я узнаю, что вы посягаете на покой моей жены, — я вас разоблачу! Теперь я угрожаю вам и сдержу свое слово. Но я отпущу вам не тайком, а открыто, и вся Франция, вся Европа узнает о ваших поступках, особенно в эту ночь! Хорошенько подумайте об этом!

После этих слов Каролина утихла и принялась плакать. Потом она бросилась на колени, умоляя простить ее. Она объяснила свою жестокость любовью и страстью. Она добилась того, что наступило примирение, ставшее последним вздохом этой несчастной связи.

Сделав такое признание, Жюно отвез свою жену в замок Рэнси и приготовился к отъезду. В шесть часов утра он сел в карету, чтобы ехать в Бордо. Лаура обняла его.

— Ты больше не обманешь меня?

— Ты не должна ничего опасаться.

Они нежно попрощались.

А через пять минут после расставания, на первом повороте дороги Жюно надел на запястье браслет, сплетенный из волос великой герцогини Бергской.

Каролина же тем временем бросилась на поиски нового покровителя. В Фонтенбло, куда она переселилась через месяц вместе с Двором, вскоре появился человек, который смог бы помочь ей в осуществлении ее планов. Это был Меттерних, посол Австрии. Голубоглазый дипломат, как говорили, "обладал талантом всех очаровывать". Большой любитель красивых женщин, он умело использовал свое обаяние и укладывал в постель, которую Франция любезно предоставила в его распоряжение, всех дам Двора, у которых, по выражению самого специалиста, были "крепкие груди и озорные бедра". Естественно, мсье Меттерних пожелал порезвиться в компании Каролины, любовный пыл которой имел заслуженную репутацию. Великая герцогиня не стала противиться.

"То ли из природного кокетства, — пишет мадам де Ремюза, — то ли из честолюбивых намерений, но она стала проявлять внимание к министру Австрии, чтобы завоевать его доверие, а может быть, и привлечь на службу Двору".

Через несколько дней Каролина стала любовницей красивого австрийца, который к удовольствию наслаждаться красивой женщиной прибавил удовольствие украсить рогами самого доблестного маршала Великой Армии. И всякий раз, когда Каролина ложилась в его постель, Меттерниха не покидало ощущение, что он берет реванш за поражение при Аустерлице. Связь дипломата и великой герцогини не замедлила стать общеизвестной, и Двор опять был взбудоражен.

Считали, что сестра Императора чересчур тепло принимает иностранных послов, не стеснялись даже публично критиковать ее поведение. Неизвестный автор сложил песенку, в которой отразилось всеобщее мнение:

*Взгляд прекрасной герцогини
Жжет сильнее огня в камине.
Но сравниться он не может
С тем огнем, что между ножек...*

Безразличная к нападкам на нее, Каролина продолжала проводить время под одеялом Меттерниха в надежде, как изысканно отозвалась об этой связи мадам де Саль, "обменять свое сокровище на корону". Став любовницей дипломата, Каролина надеялась заручиться поддержкой Австрии. Еще большая пессимистка, чем ее мать, которая все время вздыхала: "Только бы все это по-

дольше продлилось", — она с полным хладнокровием предвидела крах Империи, низложение Наполеона и головокружительное падение семейства Бонапарт.

Ее план был прост: завладеть троном брата и удержаться после крушения режима благодаря поддержке Австрии. Меттерних не стал разочаровывать Каролину. Мадам де Ремюза подтверждает: "Казалось, что он привязался к мадам Мюрат и сохранил чувства, которые долго удерживали ее супруга на Неаполитанском троне".

Все послеполуденные часы Каролина проводила с Меттернихом в его апартаментах, трудясь во имя благополучного будущего своего мужа. Он, естественно, был единственным, кто не догадывался о новой связи жены. Правда, рядом с ним находилась тогда очаровательная придворная дама, дававшая ему сладостное забвение на ковре его комнаты: кровать была слишком хрупкой для пылких любовников...

Завладев благосклонностью австрийского посла, Каролина установила тесные связи с Маре, начальником императорской канцелярии, и Фуше, министром полиции. Оставался Талейран, министр внешних сношений Франции. Великая герцогиня была ловкой женщиной. Она посещала Малый двор "дьявола из табакерки", благосклонно улыбаясь его остроумию, аплодировала анекдотам, и наконец почувствовала, что Талейран становится ее другом. Обретя уверенность, Каролина перешла в наступление.

"Теперь ее беседы, — пишет мадам де Ремюза, — стали серьезнее. Мадам Мюрат не скрывала от Талейрана, что видит желание своих братьев занять европейские троны и что она чувствует в себе силы держать скипетр власти; упрекала его за противодействие ей. Талейран возражал, намекая на недалекость Мюрата, он подшучивал над маршалом, не встречая, однако, неудовольствия с ее стороны. Напротив, принцесса охотно сама подтрунивала над мужем и говорила, что не позволит ему одному нести бремя власти".

Талейран не мог ни в чем отказать женщине, которая во всех салонах цитировала его шутки, добавляя, что он самый умный человек на свете. Он обещал ей уговорить Императора, чтобы тот отдал Мюрату скипетр, которым сможет умело воспользоваться маленькая белая ручка Каролины.

После таких бесед глаза министра удовлетворенно блестели, что однажды удивило одного из его друзей.

— Все оттого, что я только что разговаривал с великой герцогиней Бергской.

— Ну и что?

Министр с видом знатока покачал головой:

— У нее голова Макиавелли и тело прекрасной женщины.

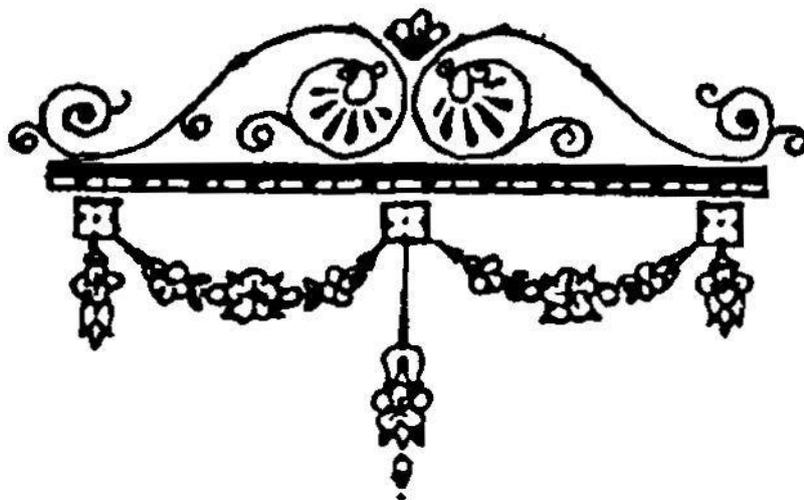
В устах Талейрана это был лучший комплимент.

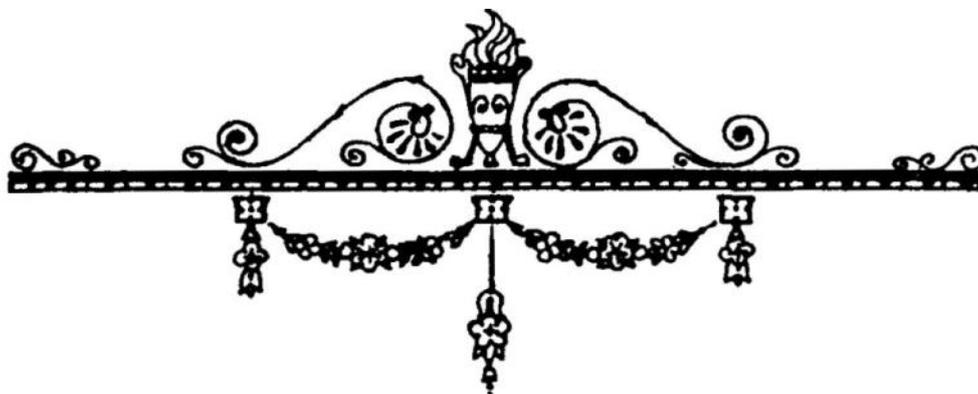
В то время как великая герцогиня постепенно продвигалась к намеченной цели, Жозефина предавалась светскому адюльтеру, как самая заурядная из своих подданных. Она вновь встретила вернувшегося из Пруссии, где он получил нашивки полковника кирасиров, молодого и красивого Фредерика де Беркхейма, бывшего ее любовником с лета 1806 года. Изнемогая от нежных чувств, она предалась этой связи с бесстыдством, которое многие порицали. Целые ночи она истязала его своей страстью. Бедняга Фредерик, отягощенный воинской службой, начал опасаться за свое здоровье и покинул Фонтенбло.

Тогда Императрица перевела свой горячий взор на двадцатидевятилетнего герцога Фредерика-Людвига Мекленбург-Шверинского. И хотя Жозефине было сорок пять лет, и она начала увядать, он влюбился в нее и стал ее любовником. Это приключение способствовало укреплению тесной связи всех членов императорского Двора. По всеобщему мнению, этот Двор был самым сплоченным в Европе. Все его члены так или иначе породнились между собой: Наполеон был мужем Жозефины, которая была любовницей Мюрата, жена которого была в связи с Жюно, чья жена в свое время была любовницей Императора.

С другой стороны, Каролина Мюрат имела любовником Меттерниха, который вскоре станет нежным другом мадам Жюно, после того как переспит с мадам де Саль, любовницей принца Мекленбург-Шверинского, который стал любовником Императрицы — жены Наполеона, обвинявшей мужа в инцесте (кровосмесительной связи) с Каролиной.

Так все смешалось при этом прелестном Дворе.

Наполеон хочет жениться на своей племяннице

Он слишком любил свою семью...
Мишле

Наполеон любил главенствовать на балах в Фонтенбло. Открывая бал, он выходил на середину зала, глядел на присутствующих с устрашающим видом и кратко, как если бы бросал войска на штурм, восклицал: "А теперь — веселитесь!"

В результате обстановка отнюдь не способствовала веселью. Через некоторое время, подчиняясь приказу Императора, несколько пар начинали прилежно танцевать, сжавшись от страха. Но никто не осмеливался возражать — девушки, пунцовые от испуга, дамы с застывшими улыбками, мужчины, старающиеся не обратить на себя внимание и глядящие на паркет, и музыканты, опасаящиеся взять фальшивую ноту.

Полное молчание зала вызывало раздражение Наполеона:

— В чем дело?! Почему у всех такой печальный вид? Разве я не отдал приказ веселиться?

Однажды он поделился своим недоумением с Талейраном. Министр, улыбаясь, ответил:

— Вот именно... А достаточно, может быть, не приказывать...

И Наполеон, раздосадованный, ушел. Обстановка разрядилась, и праздник продолжился...

Ни о чем не ведая, Императрица пользовалась последними мгновениями счастья и беззаботности. А тем временем Наполеон готовился к разводу. После рождения маленького Леона он убедился, что Жозефина бесплодна, и решил сменить жену, чтобы иметь наследника. Но никак не решался отвергнуть крепкую, которую любил и к которой несмотря на все ее измены питал глубокую нежность. А кроме того, его пугало осуждение всей Европы.

Единственное, что могло спасти его от обвинения в жестокости, — это если бы Жозефина ушла от него сама. После смерти маленького Наполеона, сына Гортензии, он намекнул Жозефине, что ему необходима жена, которая родила бы ему детей. И скромно добавил:

— Если что-то и произойдет, ты должна помочь мне. Я рассчитываю на твою дружбу. Ты ведь возьмешь на себя инициативу разрыва? Войдя в мое положение, ты наберешься смелости на уход, не так ли?!

Жозефина напряглась от волнения и ответила:

— Сир, вы — мой господин, и вы решаете мою участь. Как только вы мне

прикажете покинуть Тюильри, я в то же мгновение подчинюсь. Но это самое простое... Я — ваша жена и коронована вами в присутствии папы. И вот это нельзя отбросить с легкостью по своей воле. Если вы разведетесь, вся Франция узнает, что вы меня изгнали, и от нее не укроется ни моя покорность, ни моя глубокая боль.

Император был взволнован ее ответом. Он не стал больше настаивать и говорить о разводе. Но его душевные мучения были так велики, что, как пишет мадам де Ремюза, "ему часто не удавалось сдержать слез, казалось, что его раздирают противоречивые чувства".

В октябре 1807 года Наполеон велел представить ему список европейских принцесс на выданье. Посмотрев его, он покачал головой: в списке были только две баварские принцессы, две австрийские, две испанские и одна португальская. Император, имевший тогда виды на Испанию и Португалию, подчеркнул имена двух последних и почувствовал, что его охватило возбуждение. Внезапно он разорвал лист и, скомкав, бросил его в корзину для бумаг.

— Я женюсь на сестре русского царя. Мы закрепим таким образом политический союз, заключенный в Тильзите. Эта женитьба поможет мне иметь наследника и победить Англию...

А в это время Жозефина, не подозревая о надвигавшейся опасности, продолжала развлекаться с герцогом Мекленбург-Шверинским.

Однажды к Императрице явился Фуше. Она немедленно приняла его, хотя он больше не принадлежал к числу ее друзей. На этот раз его улыбка была еще более желчной.

— Мадам, — сказал он, — наступило время позаботиться о судьбе династии. Дело связано с трудным испытанием для вашего сердца, но долг требует объявить сенату о вашем желании расстаться с Императором...

Жозефина побледнела.

— Это он вас послал?

— Нет, конечно. Но моя преданность династии обязывает меня говорить с вашим величеством так, как это делаю я.

Императрица встала:

— Я не намерена разговаривать с вами. Я буду объясняться с Императором.

Как только Фуше вышел, она послала за мадам Ремюза. Та была категорична:

— Надо срочно поговорить с Императором.

Жозефина находилась на грани обморока.

— У меня нет для этого сил, — простонала она.

— В таком случае, — заключила мадам де Ремюза, — я сама пойду к нему.

Несмотря на поздний час она отправилась к Императору. Оставшись одна, Императрица в слезах бросилась на кровать. Теперь она знала, что приговорена.

Было около часа ночи, когда мадам де Ремюза — в ночной сорочке — попросила Императора принять ее. Он собирался лечь в постель, но его охватило любопытство. Он кое-как натянул на себя чулки, быстро влез в панталоны, не застегнув пуговицы на икрах, пытаясь сохранить перед молодой женщиной величественный вид...

— Что за срочное дело привело вас ко мне в такой час?

Мадам де Ремюза, со своей стороны силясь не потерять светский вид, рассказала ему о визите Фуше к Жозефине.

Наполеон позеленел:

— Этот идиот осмелился оскорбить мою жену?! Это невыносимо!

И, поддерживая панталоны, он побежал к Императрице. Увидев рыдающую Жозефину, он растрогался, заплакал сам, схватил ее на руки и стал так горячо целовать, что мадам де Ремюза, последовавшая было за ним, сочла за лучшее на цыпочках удалиться...

На следующий день министр полиции получил ужасный нагоняй за то, что вмешивается не в свои дела, а после этого, по выражению Эрнеста Лависса, у императорской четы наступил новый медовый месяц...

Попытаемся объяснить такой поступок Фуше. Создается впечатление, что целью в данных обстоятельствах было содействие разводу, чтобы ускорить новую женитьбу Наполеона, которая должна была укрепить позиции партии "цареубийц Нантис", к которой примкнул Фуше. И действительно, несмотря на вернувшуюся нежность Наполеона Жозефина не могла не понимать, что ее дни рядом с Императором сочтены.

Наполеон — и все историки единодушны в этом — обладал невероятной работоспособностью. Это качество позволяло ему одновременно заниматься подготовкой мирного договора, изучать этикет Вестфальского двора, вникать в финансовую политику Франции, думать о необходимом количестве пуговиц на гусарских мундирах, принимать участие в разработке устава гильдии актеров Франции и организации пожарной службы, не забывая при этом о собственной личной жизни...

В то время как Наполеон возобновил ночные отношения с Жозефиной, он не прервал нежной связи с Марией Валевской, обхаживал мадам де Б., получал интимные радости с Гаццани и походя, на краешке дивана, успевал задирать юбки молодым девицам из придворных, грудь которых показалась ему соблазнительной.

В конце октября подобной тайной чести удостоилась молодая женщина из свиты Императрицы по имени Фелисите Лерой. За обязанность охранять дверь Императрицы и открывать свою Наполеону она получала в месяц сто восемьдесят тысяч франков. Эта сумма может показаться весьма скромной, если принять во внимание, что Император проводил у нее каждое утро, все время после полудня и несколько часов после полуночи...

Неправдоподобное сладострастие Императора не мешало ему продолжать поиски новой супруги. В начале ноября он вспомнил, что у восхитительной принцессы Августы, жены Евгения де Богарнэ, есть сестра Шарлотта. Если она так же красива, как и ее старшая сестра, думал Наполеон, он сочтет за удовольствие каждую ночь укладывать ее к себе в постель.

— Пригласите в Милан к вице-королю Евгению короля и королеву Баварии и принцессу Шарлотту, — приказал он секретарям. — Я выезжаю туда немедленно...

На следующий день он выехал в Италию — один, разумно полагая, что в таком деле Жозефина ему не поможет.

Путешествие было чрезвычайно тяжелым. Послушаем Рустаана.

"Мы подъехали к подножию горы Сенис. Погода была ужасной. Император хотел подняться на гору в карете, но за четверть часа до нашего прибытия на

плато поднялся ураган, и снежные хлопья слепили лошадей. Они отказывались идти, и нам пришлось остановить их. Потеряв терпение от бездействия, Наполеон вышел из кареты вместе с маршалом Дюроком, а экипажи свиты остались сзади. Втроем мы пошли по дороге, намереваясь добраться до горной хижины, находящейся довольно далеко, но метель усилилась, и Император стал задыхаться. Маршал, оказавшийся более выносливым, пошел впереди, с трудом борясь с ветром. Я стал помогать Императору кое-как продвигаться дальше. Наконец, совсем обессиленные, мы добрались до хижины. В ней жил крестьянин, продававший путникам спиртное. Наполеон вошел в дом и сел возле камина, в котором тлел огонь. Его Величество сказал:

— Ну что ж, Дюрок, надо признать, что бедняга Рустан очень силен и отважен. — И спросил, повернувшись ко мне: — Ну, что будем делать, старый дружище?

— Пойдем дальше, — ответил я. — Недалеко отсюда есть монастырь.

Я стал искать, из чего бы соорудить подобие портшеза, на котором мы смогли бы нести Императора. В углу я нашел деревянную лестницу. Взяв охапку хвороста, соорудил настил, привязал его к лестнице толстыми веревками, а сверху положил свой плащ".

В этом "экипаже судьбы" Наполеон добрался до монастыря.

По прибытии в Милан Наполеона ждало разочарование: принцесса Шарлотта оказалась безобразной. Он ничего не стал объяснять, а только заявил, что, по некоторым соображениям, может показаться странным, если он станет свояком собственному пасынку, и что лучше отказаться от такого варианта брака.

Тепло встреченный правительством герцогства Баварского, Наполеон отправился на встречу со своим братом Люсьеном, намереваясь сказать ему несколько слов по поводу его новой женитьбы на мадам Жобертон, которая развелась со своим супругом, агентом по сомнительным сделкам. Император сразу же напал на брата:

— Я приказываю тебе развестись!

— Нет!

— Почему?

— Потому что я люблю свою жену!

Тогда Император развернул на столе карту Европы:

— Взгляни на эту карту, Люсьен! Если ты будешь со мной, — ты получишь свою долю и не пожалеешь. Я тебе обещаю... Трон Португалии свободен. Ты займешь его. Все, что ты захочешь, я дам тебе, если ты разведешься раньше меня...

Люсьен продолжал отрицательно качать головой. Наполеон впал в ярость и стал угрожать:

— Я победил всю Европу, не отступлю и перед тобой. Благодаря моей доброте ты можешь спокойно жить в Риме. Но я могу приказать тебе оставить Италию и покинуть Европу!

— А если я не подчинюсь?

— Я прикажу арестовать тебя!

— Говори со мной по-человечески, я не желаю вести беседу в таком тоне!

Император выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

Этот диалог был рассказан самим Люсьеном.

В коридоре Наполеон увидел свою племянницу, старшую дочь Люсьена Шарлотту, которую родители называли Лоллот — прехорошенькую пятнадцатилетнюю девушку.

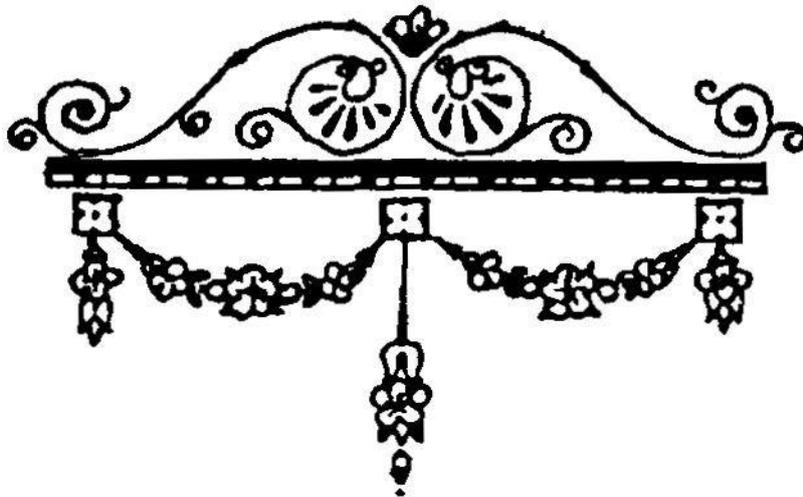
Подумав внезапно, что такую красавицу не стоит отпускать из семьи, он сразу же ухватился за нелепую мысль жениться на ней. Серьезный писатель Фредерик Массон пишет об этой идее с обычным для него спокойствием:

"Эта Лоллот, которую он не видел пять лет, с тех пор как водил ее за ручку по консульским салонам, стала теперь достаточно взрослой и готовой к замужеству. Она была дочерью Люсьена от первого брака с Катрин Буайе, которую Наполеон любил как сестру, хотя она была дочерью владельца бедной таверны и к моменту появления в семье Бонапартов не могла даже написать свое имя. С тех пор как Лоллот уехала из Франции с отцом и мачехой, она стала источником их бесконечных ссор; но ей еще не исполнилось и пятнадцати лет, и воспоминания раннего детства пока не тревожили ее".

Подходя к необычным намерениям Наполеона, этот достойный историк, всегда готовый объяснить слабости великого человека, не моргнув глазом добавляет:

"С позиций брата примирение с Люсьеном кажется Наполеону делом первого порядка, и он мечтает о том, чтобы ввести собственное потомство в свою династию, создав ее только из своей породы"...

К счастью, этот чересчур дерзкий план не был выполнен, и Наполеон, которого уже обвиняли в интимной связи с родными сестрами, не создал собственной династии, начав ее с ребенка от своей племянницы.

В Мадриде Наполеон бежит из постели от слишком благоухающей девицы

Больше всего он любил запах пудры и крови...
Рене Бейль

1 января 1808 года в девять часов вечера Наполеон, инкогнито проехав через всю Францию под именем графа Венецианского, прибыл в Тюильри. Парижане, чрезвычайно удивленные его неожиданным возвращением, строили тысячи предположений, одно неправдоподобнее другого, и салоны столицы забурлили от новостей. Каждая "информация" выдавала настроение умов. Злобные полагали, что Наполеон вернулся из Италии, чтобы прогнать Жозефину; желчные утверждали, что у него что-то с желудком и требуется сложная и срочная операция; язвительные считали, что он подхватил дурную болезнь; и, наконец, оптимисты рассказывали, что он умирает...

Все эти слухи, передаваемые агентами Фуше, вскоре достигли ушей Императора и вызвали его раздражение. Чтобы доказать, что он абсолютно здоров и в его отношениях с Жозефиной нет ничего такого, что давало бы повод к злословию, Наполеон стал появляться на всех балах, танцевал, на виду у всех бросал на жену страстные взгляды. Развлекаясь, он позволял себе озорные шутки, забавлявшие Двор. Послушаем, что рассказал Констан, и еще раз убедимся, как отличался Наполеон от той серьезной и педантичной личности, которую обычно представляют историки...

"Как-то раз Императрица выразила желание отправиться в Оперу на костюмированный бал. Император, сославшись на неотложные дела, отказался сопровождать ее. Когда Жозефина к назначенному часу уехала на бал, Наполеон решил удивить жену. Он вызвал ее камеристку и велел точно описать, в какой костюм она оделась. Затем приказал мне нарядить его в домино, и, прихватив с собой маршала Фриуля и офицера, вместе со мной помчался в Оперу в простой карете. Остановившись у подъезда императорской семьи, мы натолкнулись на нежелание швейцара пропустить нас. Узнав меня, он с недоверием спросил:

— А эти господа с вами?

— Да, со мной.

— Простите, мсье Констан, в такой день как сегодня, всегда находятся люди, желающие без билетов проникнуть на бал.

— Да, это так...

Император от души хохотал над сомнениями швейцара. Наконец мы во-

шли и, оказавшись в зале, стали прогуливаться по двое.

Наполеон взял меня под руку, и мы принялись непринужденно разговаривать, называя друг друга придуманными именами. Император стал Августом, герцог Фриуль — Франсуа, офицер — Шарлем, а я стал Жозефом.

Как только Его Величество замечал домино, похожее на то, которое ему описала камеристка, он, сильно сжимая мою руку, спрашивал:

— Это она?

— Нет, Август, — отвечал я.

Он велел называть его на ты, но я не мог выговорить это слово, так как привык обращаться к нему не иначе как "сир" или "Ваше Величество". Обойдя все уголки зала, побывав в ложах и фойе, рассмотрев все костюмы — и не найдя Императрицу, Наполеон начал хмуриться, а я, чтобы рассеять его беспокойство, сказал, что, без сомнения, Ее Величество ушла переодеть костюм.

В эту же минуту рядом с Императором появилось домино и, весело пританцовывая, легко и шаловливо принялось тормозить моего Августа. Я не поручился бы, что эту комедию разыгрывала не Ее Величество. Домино, видя замешательство, еще больше развеселилось, сыпля шутками и эпиграммами, и, внезапно решив, что пора ретироваться, скрылось в толпе. Император был задет за живое, но счел за лучшее удалиться.

На следующее утро, увидев Императрицу дома, Наполеон сказал:

— Так, значит, ты не была вчера в Опере?

— Нет, я была там.

— Ну-ну...

— Уверяю тебя, я была там! А ты, мой друг, что делал ты весь вечер?

— Я работал...

— О, как странно! А я вчера на бале видела домино, у которого ноги и даже туфли были как у тебя. Я думала, что это ты, и вела себя соответственно...

Император расхохотался, поняв, что был одурачен и что Императрица в последний момент сменила костюм, посчитав, что первый недостаточно элегантен..."

Целых три недели Император участвовал в праздниках, танцевал на всех балах и на всех вечеринках. У него закружилась голова, и ему захотелось положить ее на плечо какой-нибудь прелестной женщине, но такой не оказалось рядом. Жозефина его обманывала, придворные дамы все были продажными, и это убивало всякие чувства к ним... Элеонора Дениель больше не привлекала его, а мадемуазель Лонгрой собиралась выйти замуж.

И тут Император вспомнил ту, мысль о которой часто преследовала его, — нежную Марию, оставленную им в Польше. На следующий же день он отправил в Варшаву курьера, чтобы тот привез Марию в Париж.

Маленькая графиня приехала в конце января и скромно поселилась на набережной Вольтера. Наполеон тотчас же нанес ей визит.

— Я пришел засвидетельствовать вам мое почтение, — сказал он. А так как Император был очень скор в своих действиях, то конец фразы он закончил в постели.

С этой поры Император каждый день тайком посещал Марию Велевскую. К пяти часам вечера, отложив все дела, он садился в закрытую карету и ехал на набережную Вольтера, где его встречали страстными объятиями. После любовных излиятий Мария усаживалась возле его ног, читала ему стихи или пе-

ла старинные польские песни. Император забывал все свои государственные заботы, все дворцовые интриги, все планы предстоящих походов и как юноша целиком отдавался любви. Как-то раз он взял календарь и на обороте написал несколько фраз. Мария прочла их со слезами на глазах: "Ты — мое новое чувство, мое вечное очарование. Я все время беспристрастно изучаю тебя, я знаю всю твою жизнь вплоть до сегодняшнего дня. Странное смешение независимости и покорности, мудрости и легкости делает тебя так непохожей на всех"...

Иногда Император надевал костюм простого горожанина, круглую шляпу, повязывал большой платок и гулял с Марией по парижским улицам. Смешавшись с толпой, он показывал ей места, где жил, когда был бедным офицером, рестораны, которые посещал тогда, Елисейские поля, где гулял когда-то в унынии, думая о своем будущем. Похожие на всех влюбленных Парижа, они сидели на скамейках на набережных Сены и болтали до глубокой ночи. Когда наступила весна, любовники стали осторожнее, чтобы избежать слежки агентов Фуше. Вечерами они уезжали на городские окраины и там бродили, держась за руки, возле театриков, где играли бедные актеры. А затем ехали в предместье в какую-нибудь гостиницу, чтобы там на два или три часа забыться в любовных объятиях. На рассвете они возвращались в Париж, проезжая под окнами Тюильри, где в кабинете Императора всегда горела свеча, чтобы никто не заподозрил его в шаловливых проделках. Эти прогулки напоминали Императору время, когда он был Первым консулом и в компании с Бурьенном гулял по соседним с Тюильри улицам. Одетый, как Щеголь, он обходил лавки на Сент-Оноре, беседуя с торговцами и спрашивая их, что они думают о "болтуне Бонапарте", и был безумно счастлив, когда они с возмущением выставляли его за дверь.

Во время прогулок с Императором Мария Валевская пыталась переключить их беседы на судьбу своей страны. С чисто женским упорством она хотела во что бы то ни стало возродить свою страну. Но у Наполеона были тогда уже другие заботы...

В ноябре 1807 года армия Жюно захватила Португалию, которая единственная из европейских стран была открыта англичанам, и теперь весь мир с изумлением наблюдал, как португальские правители бежали в Латинскую Америку. После такой легкой победы аппетиты Наполеона усилились. Теперь он хотел завладеть Испанией и обосновывал свои амбиции довольно любопытными рассуждениями: "Со времен Людовика XIV испанская корона принадлежит правящей семье Франции. И так как я получил наследие великого короля, то естественно, если эта корона перейдет к одному из моих родственников. Я выбрал моего брата Жозефа преемником Карла IV".

Весной 1808 года Наполеон вознамерился покончить с анархией, царившей в Испании. Король Карл IV, увлеченный только охотой, фактически отдал власть в руки своей жены, Марии-Луизы, коронованной истерички, спавшей с конюхами, кучерами и жившей с бывшим дворцовым гвардейцем по имени Мануэль Годой, которого она сделала генералом, государственным министром и наградила орденом Золотого руна. Этот глупый и страшный человек стал полновластным хозяином Испании. Ненавидимый всем народом, он был личным врагом принца Астурийского — наследника короны.

В начале марта Наполеон послал на полуостров войска под командованием

Мюрата, которого Каролина подтолкнула вступить за короля Карла IV. Зная слабость короля и продажность фаворита королевы, Наполеон заявил: "Мы без боя завладеем Испанией".

Но непредвиденные события изменили ситуацию. 19 марта народ арестовал Годоя, разграбил его дом и заставил короля отречься от престола в пользу принца Астурийского, принявшего имя Фердинанда VII. В результате этой революции французская армия, приближаясь к Мадриду, была встречена как освободительница. "...А так как мы были уже в окрестностях Мадрида, — пишет Блаз, — народ думал, что мы пришли специально, чтобы поддержать революцию. Годоя ненавидели, а Фердинанда любили. И не надо было делать ничего большего, чтобы нас тоже полюбили".

Мюрат, вообразив, что станет королем Испании, написал Наполеону: "По-всюду ждут Ваше Величество, а вместе с Вами и счастье. Никогда народ не был более несчастным из-за такого ужасного правителя, и нет народа, более достойного лучшей участи. Я убежден, что этот добрый народ будет интересен Вам".

28 мая французская армия с барабанным боем вошла в Мадрид. Решив, что настала пора действовать, Наполеон незамедлительно отправился к границам, чтобы лично руководить военными операциями. Он уехал из Парижа 2 апреля, а Мария Валевская в слезах возвратилась в Польшу.

А теперь послушаем герцога Броли, который находился в это время на дороге в Бордо и присутствовал при проезде императорского поезда:

"Я увидел Императрицу, ехавшую с большой пышностью. Шумная толпа разодетых придворных дам и несколько чтиц, составлявших гарем нашего султана, помогли ему еще некоторое время терпеть возле себя заштукатуренную старость заслуженной султанши. Тем не менее казалось, что между императорской четой царило полное согласие, хотя через несколько дней мы увидим заплаканной одну из одалисок. Наиболее любопытные узнали от одного из слуг, что ее только что изгнали из-за слишком больших притязаний...

Эту девицу, ирландку по происхождению, звали Виргиния Гийебо. Дочь одной из фрейлин, она мечтала стать фавориткой, и однажды ей удалось проскользнуть в постель Императора в замке Маррак, где Двор остановился 17 апреля. Наше пребывание в Марраке было отмечено небольшим приключением. Императрица обладала особым складом характера: была чрезвычайно ревнива, но тем не менее любила окружать себя молодыми и красивыми дамами. Мадемуазель Гийебо удостоилась чести сопровождать Императрицу в Байон. Она отличалась очаровательной свежестью восемнадцатилетней девушки.

После длительных колебаний, когда тайный бес толкает нас делать то, о чем потом мы будем сожалеть, Ее Величество решила взять ее с собой. Она дала ей должность чтицы, хотя я не знаю никого при Дворе, кто прочел бы хоть одну страницу Императрице.

В замке Маррак Виргинии отвели отдельную комнату. Вечером Императрица велела ей прийти в салон для музицирования. Там ее впервые заметил Наполеон. Найдя ее прехорошенькой, он решил навестить ее ночью и велел Рустану предупредить о своем визите.

Обрадованная Виргиния уведомила мать о счастье, уготованном ей судьбой. Мадам Гийебо, желая помочь дочери своим богатым опытом куртизанки, написала ей длинное письмо, полное смелых советов. Лавалет, директор тай-

ного кабинета, перехватил послание и передал его Императору, который был шокирован. Он вызвал Дюрока:

— Немедленно выгони эту девицу. Она интриганка и шлюха.

Жозефина, добрая душа, попробовала вмешаться, сказав, что бедное дитя не может ехать одна.

— Ну что ж, пусть напишет своей матери, чтобы та приехала за ней, — сказал Наполеон. — Она хотела развратить свою дочь, пусть теперь защитит ее!

Сразу же известили мадам Гийебо. Но через несколько дней терпение Императора иссякло, и Виргинию отправили обратно с несколькими придворными дамами. По дороге она встретила свою мать, с которой вернулась домой".

Можно представить себе горькую беседу двух женщин по пути в Париж.

У Наполеона не было времени сожалеть о школярских ласках мадемуазель Гийебо. События в Испании разворачивались с ошеломляющей быстротой. Мюрат по приказу Императора принял под свою опеку бывших правителей, а восторги народа по отношению к Франции утихли.

Поползли слухи, что Наполеон не хочет знать ни Фердинанда, ни Карла, что его планы — захватить Испанию. В обществе появилось недовольство. Наполеон в раздражении велел препроводить всю королевскую семью в замок Маррак. План, разработанный им, являл собой пример величайшего лицемерия.

Савари отправился к Фердинанду:

— Его величество ждет вас, чтобы приветствовать в вашем лице единственного истинного правителя Испании. — Заметив колебания Фердинанда, он добавил: — Я дам на отсечение собственную голову, если через полчаса после вашего прибытия в Маррак Наполеон не признает вас королем Испании и обеих Индий.

В это же время другой посланник Императора сделал такое же предложение Карлу. Ничего не подозревая, оба правителя отправились во Францию. 2 мая, когда они находились во Франции, в Мадриде произошло восстание. Мюрат, получивший полномочия на устрашающее подавление бунта, расправился с двенадцатью тысячами испанцев, двести человек были расстреляны, и тела тысяч раненых заполнили окровавленные улицы.

Наполеон, который, скорее всего, так или иначе был причастен к этому бунту, получил великолепный повод. Он вызвал Фердинанда в замок, грубо оскорбил его, обвинил в предательстве и неспособности править страной и приказал ему без промедления отречься от престола в пользу отца. Смертельно униженный, молодой король попросил время на обдумывание своего положения. Затем Император пожелал видеть Карла IV и Марию-Луизу, которые стали бранить своего сына, как если бы он украл банку варенья. Сконфуженный Фердинанд согласился передать корону отцу, а тот тотчас же отдал ее Наполеону. Таким образом Жозеф мог теперь взойти на испанский трон. Но Мюрат был очень недоволен. Под давлением своей жены он пожаловался Наполеону и предъявил собственные претензии на этот трон. Доведенный до изнеможения, Наполеон 15 июля 1808 года отдал ему Неаполитанское королевство. Каролина ликовала...

Все только и говорили об этой политической победе, но есть факты, свидетельствующие, что она сопровождалась и разочарованием. Наполеон, узнав от своих дипломатов подробности интимной жизни Марии-Луизы, представ-

ляя ее женщиной легкого нрава, но лишенной романтических устремлений, стал подумывать о тайном свидании с ней; в его цели входило "загрузить голову Карла мыслями".

Но действительность разочаровала его. Королева была очень некрасива, она была даже отталкивающа — желтая кожа и "длинные дряблые груди". Как только переговоры закончились, Наполеон вскочил в свою карету и помчался в Париж. По дороге его нагнал курьер с неприятным известием: восстала Андалузия, французские войска вынуждены капитулировать, король Жозеф бежал. Вся Испания охвачена волнениями, и в Лиссабоне только что высадился небольшой английский десант под командованием Артура Уэллсли — будущего герцога Веллингтона.

Император испугался, что Австрия не сумеет воспользоваться ситуацией и собрать армию. Тогда он подумал, что Россия могла бы ему помочь и помешать открытию второго фронта. Он попросил царя Александра прибыть в Эрфурт и выехал туда сам.

Встреча была обставлена с такой пышностью, что вызвала изумление даже у выдавших виды послов. На ней был весь высший свет Империи и обычное дополнение к нему — театр "Комеди Франсез". Обстоятельства повелели Императору назначить новых графов, герцогов, баронов. Некоторые из них действительно были благородного происхождения, но и им в своем амбициозном безумии Наполеон присвоил новые титулы. Их прозвали "одураченные графы"...

Именно там, в Эрфурте, в перерывах между уроками хорошего тона, преподаваемыми Наполеону, играл перед "партером королей" знаменитый Тальма. Там же царь Александр влюбился в актрису мадемуазель Бургуэн, которую Наполеон некогда отбил у ученого Шапталя. Когда Александр почувствовал, что его толкают к актрисе чувства, которые магистр Дюпанлу — автор благочинного труда о брачных отношениях — со всей суровостью пригвоздил к позорному столбу, он попросил совета у Императора. Тот был категоричен:

— О! Не ввязывайтесь в авантюру!

— Но почему? Она мне откажет?

— Нет, конечно, но завтра курьер, а через пять дней и весь Париж узнают, каково ваше величество с головы до ног, а также что и как вы делали... А потом... меня заботит ваше здоровье.

Царь улыбнулся:

— Вы хотите его оценить?

Наполеон ответил с достоинством:

— Нет, но слухи...

Этот диалог со скрытым злым выпадом не помешал царю пережить заключение, удовольствие от которого Наполеон получил вечером 1804 года... Этим было подтверждено звание "кузена", которым обменялись оба государя во время встречи в Тильзите.

Конечно же, Наполеон и Александр не все свое время проводили в театре или в постелях актрис. Они занимались также и политикой. Склонившись над картой Европы, с легкостью распределяли между собой желаемые территории.

— Возьмите же Валахию, мой дорогой, и развяжите мне руки в Испании.

— Идет! — отвечал царь. — Но с условием, что я могу взять и Молдавию.

— Берите, берите! — весело говорил Император, — но в таком случае я, может быть, добавлю к моей Империи королевство Этрурию...

— Сделайте одолжение, но тогда я возьму также и Финляндию.

— Пусть будет так!

Короче, они делили на части государство, которым удалось добиться относительной независимости. Когда переговоры завершились, Наполеон был так счастлив, что опять решил рассмотреть возможность "русского брака". Слишком гордый, чтобы лично говорить об этом с Александром, он поручил сделать первый шаг Талейрану и Коленкуру, прося их для соблюдения приличий представить это как собственную инициативу. Зная, что мать царя питает непримиримую враждебность к нему, Наполеон придумал собственные доводы, чтобы уговорить ее. Он собирался уверить ее в том, что "эта женитьба успокоит его воинственный пыл и заставит полюбить новый дом".

Александр с интересом выслушал обоих дипломатов и, не будучи простофилей, заявил, что его сестра, великая княжна Екатерина, которой исполнилось двадцать лет, будет, безусловно, счастлива стать императрицей Франции, если только Наполеон не предпочтет ей великую княжну Анну четырнадцати лет...

Талейран и Коленкур передали этот ответ Императору, который счел себя удовлетворенным. Боясь быть разоблаченным, он больше не делал намеков на женитьбу, и вопрос остался открытым, к большому удивлению царя. Политический договор тем не менее был подписан. Получив гарантии от русских, позволившие ему продолжать войну в Испании, Наполеон покинул Эрфурт и отправился в Пиренеи. Там он принял командование армией. За несколько недель он расправился с англо-испанскими войсками, усадил на трон своего брата и вошел в Мадрид 4 декабря 1808 года. Расположившись во дворце, он вызвал де Боссе, которого прозвали "сверхугодником Императора", и сказал с характерной для него простотой: "Мне нужна женщина". Наполеон был человеком действия. (Как рассказывает барон Ларрей, сын главного хирурга Великой Армии, после одного из боев его отец видел, как Император с горящими глазами, задыхаясь, вбежал в палатку, воскликнув: "Женщину! Срочно женщину! Пусть мне приведут женщину!")

На следующий день префект привел к Наполеону молоденькую актрису пятнадцати лет, нежную как персик. Наполеон облизнул губы. Но увы!.. Галантное мероприятие закончилось очень неудачно. Послушаем Констанана:

"В мадридском театре была тогда очень красивая молоденькая девушка, черноволосая, с огненными глазами. Как говорят, она сумела сохранить свое целомудрие в опасных условиях профессии актрисы. У нее была прекрасная душа, доброе сердце и приятная живость темперамента. В общем, это было восхитительное создание. Вот что сказал Его Величеству мсье де Боссе, который накануне был в театре и вернулся оттуда совершенно очарованный ею:

— У этой девушки нет ни отца, ни матери; она живет у старой тетки, жадной и развратной, которая очень следит за ней, всячески выказывая свою привязанность к племяннице, повсюду расхваливает добродетели и очарование "дорогого ребенка", надеясь сколотить себе состояние на доброте какого-нибудь богатого и влиятельного покровителя.

Наполеон сразу же выразил горячее желание увидеть девушку. Де Боссе побежал к тетке, быстро договорился с ней, и вечером племянница была во двор-

це Шан-Мартен, разряженная и надушенная немислимыми духами. Я уже писал, что Наполеон питал отвращение ко многим запахам, и стоит ли говорить, что едва я ввел в комнату эту бедную девушку, которая, без сомнения, думала доставить огромное удовольствие Наполеону, вылив на себя содержимое различных флаконов, он недовольно сморщил нос. Но она была так красива, так соблазнительна, что, глядя на нее, Император почувствовал, что его антипатия рассеивается. Прошло почти два часа, как я вышел из его спальни, и вдруг раздался сильный звонок, который, казалось, оторвет сонетку. Я быстро вошел и увидел только юную особу. Император сидел в своем кабинете, закрыв лицо руками.

— Констан! — вскричал он. — Уведи эту малышку! Она чуть не убила меня своим благоуханием. Это непереносимо! Открой окна, двери... Но, главное, уведи ее — и поскорее!

Было уже очень поздно, чтобы выпроваживать таким образом женщину. Но его приказ не подлежал обсуждению. Я попытался в более деликатной форме объяснить ей намерения Его Величества. Она сначала не поняла, и я вынужден был повторить несколько раз:

— Мадемуазель, Его Величество хочет, чтобы вы ушли...

Она начала плакать, умоляя меня не выгонять ее в столь поздний час. Я как можно ласковей сказал, что она не должна ничего бояться, что карета удобная и закрытая. Но она успокоилась только при виде большой суммы денег, которые Император передал мне для нее.

Возвратившись обратно, я нашел Императора все еще сидящим в кабинете и поливающим лицо струями воды. Он в изнеможении оперся на меня, и я повел его в постель".

Согласитесь, горестная слабость для человека, который заставил дрожать всю Европу...

У Наполеона были и другие неприятности в Испании. После этого приключения, выглядевшего смешным в глазах юной девушки, он случайно узнал, что о нем думают солдаты.

Войска были недовольны расправой с испанцами, им надоела несправедливая война, утопая в грязи дорог, они устали от маршей. И однажды, при переходе по снегу через хребет Гвадалахары, Наполеон услышал, как какой-то солдат воскликнул, показывая на него: "Да подстрелите вы его, наконец!" Конечно, это не доставило ему удовольствия. Он вскочил на коня и продолжал путь во Францию, надвинув шляпу на самые глаза.

В Париже его поджидали другие неприятности. Талейран и Фуше объединились в попытке сместить его с трона и посадить на его место Мюрата. Он вызвал их к себе — выбрал одного, другого назвал "дерьмом в шелковых чулках" и отправился успокаивать нервы к красивой итальянке, которой наслаждался когда-то в военном лагере в Булони...

Но все неприятности заставила его позабыть великая княжна Екатерина, ждавшая решения своей судьбы. Молчание Императора царская семья расценила как отказ от своих намерений. Оскорбленный царь выдал сестру замуж за герцога Ольденбургского.

— Тем хуже для него! — сказал Наполеон. — Я женюсь на маленькой Анне.

Однако новые события помешали ему заняться этой женитьбой. 12 апреля его известили телеграммой, что австрийские войска только что вошли в Бава-

рию. Вынужденный констатировать, что соглашение в Эрфурте ни к чему не привело, Наполеон оставил Париж и через четыре дня прибыл к театру военных действий. 22 апреля при Экмюле он разбил войска герцога Карла и 10 мая встал у Вены, начав ее обстрел.

Судьба, как мы часто убеждаемся, обладает талантом великого драматурга. Она и на этот раз дала удивительное представление.

"Несколько ядер уже упали во двор императорского дворца, — пишет Констан, — когда из города вышел трубач и объявил, что великая герцогиня Мария-Луиза осталась во дворце одна. Она не смогла выехать со своим отцом, так как была больна, и теперь подвергается смертельной опасности из-за артиллерийского обстрела. Наполеон отдал приказ изменить направление огня, чтобы бомбы и ядра не попадали по дворцу".

Это была совершенно бескорыстная галантность — Наполеон все еще хотел жениться на сестре царя Александра, но спас ту, которая через одиннадцать месяцев станет французской Императрицей...

После падения Вены Наполеон разместился в Шенбрунне — замке, который он обожал. По любопытному совпадению оба дворца, любимых Наполеоном, имели одно и то же название — и Фонтенбло и Шенбрунн в переводе означает "прекрасный фонтан".

В Шенбрунне, между двумя сражениями, Наполеон написал Марии Валевской, связь с которой несколько раз прерывалась войной, нежное письмо, о котором граф Орнандо сказал, что это самое вдохновенное из писем, которые он ей написал:

"Дорогая Мария! Твои письма, как всегда, доставляют мне удовольствие. Я отнюдь не одобряю, что ты поехала вслед за армией в Краков, но не могу тебя упрекать. Дела с Польшей улажены, но я понимаю твои тревоги. Я действовал, и это лучше, чем успокаивать тебя. Тебе не за что благодарить меня, но я люблю твою страну, ценю все ее достоинства, которые в значительной степени связаны с тобой. Я должен взять Вену, чтобы завершить кампанию. Когда я покончу с этим, ты сможешь приехать ко мне, и я так тороплюсь, чтобы поскорее увидеть тебя. В Шенбрунне мы сможем вместе насладиться прелестью дивных садов и забудем все плохие дни. Наберись терпения и верь мне"...

Сразу же после победы в Ваграме Мария приехала в Шенбрунн и здесь, впервые на глазах у всей Европы, они стали открыто жить вместе. Их часто видели гуляющими в парке. Иногда они садились в легкую коляску и ехали по берегу Дуная или сидели на берегу и смотрели на проплывающие суда. Когда наступали сумерки, Император говорил: "Вернемся, я должен работать". Нежная полячка понимала, что означает эта фраза. Они возвращались в Шенбрунн, и там Император уводил Марию в свою комнату.

Через несколько недель Мария была счастлива сообщить Императору, что она носит под сердцем будущего князя Валевского. Император был вне себя от радости, однако это не мешало ему по-прежнему не пропускать ни одной юбки.

Послушаем Констана, верного слугу Наполеона и нескромного свидетеля его походов:

"Во время пребывания в Шенбрунне Наполеон не пренебрегал ни одним любовным приключением. Однажды, когда он с небольшой свитой прогуливался в предместье Пратер, его увидела немочка, вдова богатого торговца, и

невольно воскликнула: "Это он!" Восклициание остановило Наполеона, и он, улыбнувшись, приветствовал вдову и гуляющих с ней дам. Она вспыхнула от его взгляда, и Наполеон однозначно расценил это как знак будущей встречи. Новое завоевание Наполеона свершилось так же быстро, как и все прочие".

Впоследствии эта дама последовала за своим блестящим любовником в Баварию, а затем и в Париж, где умерла в 1812 году.

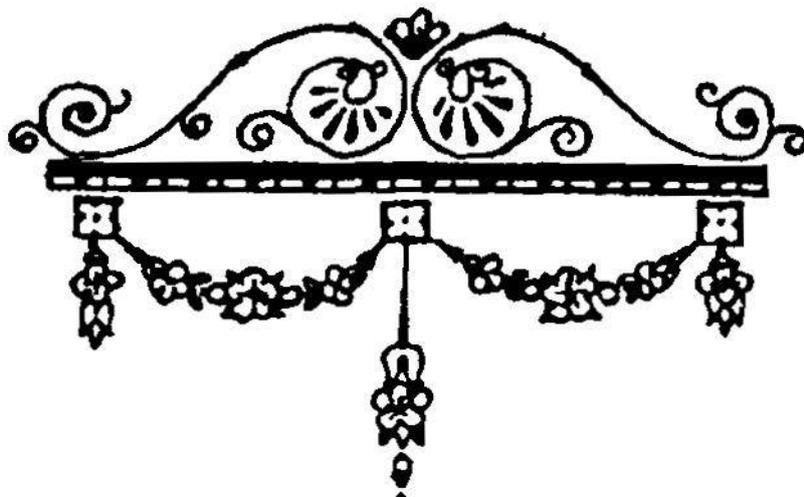
Через несколько дней произошло еще одно любопытное приключение, описанное Фредериком Массоном:

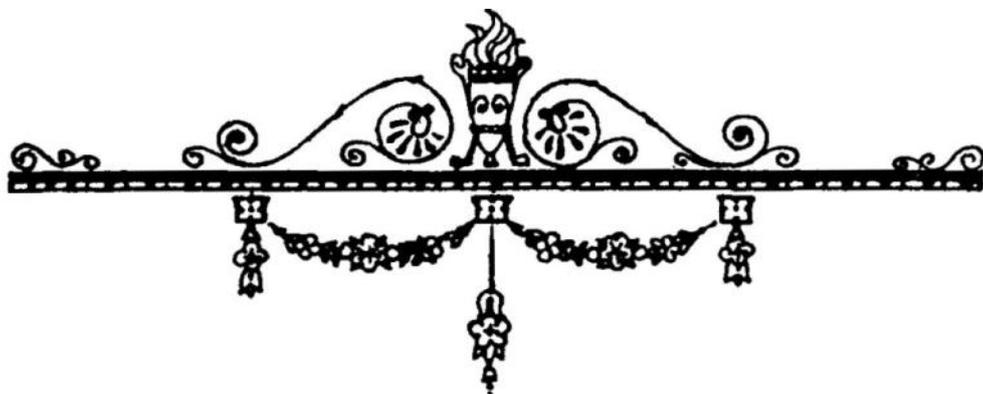
"В Вене Наполеон заметил молоденькую девушку, не сводившую с него восхищенных глаз. Он пригласил ее в Шенбрунн, и она пришла. Так как она говорила только по-итальянски и по-немецки, их беседа велась на итальянском. С первых же слов Наполеон узнал, что девушка принадлежит к весьма респектабельной семье, что она не имеет ни малейшего понятия, чего он хочет от нее, что она испытывает к нему восторженное восхищение, что она целомудренна и чиста..."

Император не любил тратить драгоценное время на девственниц. Позвав Констанана, он сказал:

— Немедленно отведи эту юную особу к родителям.

Бедняжка расплакалась. Чтобы успокоить ее, Наполеон велел выдать ей двадцать тысяч флоринов, и, поднявшись к себе, передал Марии Валевской, что у него свободный вечер и он ждет ее.

Прежде чем покинуть трон, Жозефина требует три замка и три миллиона в год

Она всегда боялась нужды.
Барон де Буйе

В этот период своей жизни Наполеон, хотя и начал сильно полнеть, продолжал скакать из одной постели в другую с легкостью, которая показывала, что у него еще многое впереди.

В конце августа он заметил в толпе, собравшейся приветствовать его у замка, молоденькую венку с пышным бюстом и бедрами, вызвавшими у него непреодолимое желание. Наведя справки, он узнал, что эту девятнадцатилетнюю чаровницу зовут Ева Краус и что она приемная дочь военного комиссара Филиппа Мерони.

Воспользовавшись моментом, когда Мария Валевская, запершись в своей комнате, оплакивала судьбу Польши, Наполеон пригласил к себе юную австриячку, раздел ее, уложил в постель и обучил нескольким упражнениям, которые лейтенант флота Эберт не приводит в своем "Трактате по естественной гимнастике". Ева, как говорят, была очень наивной девушкой. Она нашла в этих играх истинное удовольствие.

— Это полезно для здоровья?

— В высшей степени, — отвечал Наполеон не допускающим сомнений тоном, неоднократно помогавшим ему в его карьере. После чего мощным движением перевернул мадемуазель в нужное положение, и оба они продолжили занятие физкультурой...

По прошествии нескольких дней у нее заблестели глаза, через несколько недель ее походка стала уверенной, а через несколько месяцев ее талия округлилась. Таким образом Наполеон, так долго сомневавшийся в своих способностях производителя, смог осеменить подряд двух молодых женщин. Ева Краус произвела на свет мальчика, который стал впоследствии крупным ученым-юристом. Его звали Евгений Межери, а его сходство с Наполеоном было, как говорят, поразительным.

Интерес, который Император проявил к белокурой Еве, не помешал ему нежно общаться с Жозефиной, заботиться об Элеоноре Дениель и ее ребенке, писать письма Гортензии, которая только что родила от неизвестного отца будущего Наполеона III, расточать огромные суммы денег на бывших любовниц и ворковать с Марией Валевской так, словно только она одна царила в его сердце. Состояние здоровья молодой графини, к которой Наполеон питал неж-

нейшие чувства, немного тревожило его, и он пригласил в Шенбрунн лучшего врача Корвизара. Тот осмотрел Марию и многозначительно задумался, не спеша поставить диагноз.

— Что с ней? — требовательно спросил Наполеон. Корвизар поднял глаза к потолку, поправил галстук и заключил:

— Мадам Валевская беременна.

Наполеон рассердился:

— Я это знаю! Когда наступят роды?

Корвизар сдвинул брови, потер лоб и попросил разрешения еще раз осмотреть пациентку.

— Через шесть или семь месяцев, — заключил он наконец.

Через три дня Корвизар выразил желание вернуться в Париж. Наполеон удивился:

— Как, вы хотите уехать? Вам что-то не нравится?

— Нет, сир, — ответил врач. — Но я бы предпочел находиться в Париже, а не в Шенбрунне.

Император, подумав, чем бы удержать Корвизара, сказал ему:

— Оставайтесь со мной. Скоро будет большая баталия, и вы увидите, как это интересно.

Врач скорчил недовольную гримасу:

— Нет, нет, сир, благодарю вас, но я не любопытен...

Тогда Наполеон бросил ему:

— Эх вы, разиня! Вы хотите уехать в Париж, чтобы убивать своих больных постепенно...

Корвизар все же вернулся во Францию, а Император, которого беременность Евы и Марии наполняла гордостью и нетерпением поскорее продемонстрировать свои отцовские способности, решил ускорить расставание с Жозефиной. Для начала он дал короткое указание префекту дворца:

— Немедленно заделайте дверь, соединяющую мои апартаменты с половиной Императрицы.

Затем попросил Коленкура, посла Франции в Санкт-Петербурге, активизировать действия, связанные с женитьбой на сестре царя. Тем не менее, чтобы успокоить подозрения Жозефины, он послал ей нежную и лживую записку:

"Я собираюсь устроить себе праздник свидания с тобой и с нетерпением жду этого мгновения".

12 октября во время парада Фредерик Станс, молодой человек с отменной выправкой, сделал попытку вонзить лезвие своего ножа в сердце Наполеона. Генерал Раппу, не думая о последствиях, помешал покушению. Мария, присутствовавшая при этой сцене, заболела от нервного потрясения и теперь опасалась за здоровье будущего графа Валевского.

— После столь сильного переживания, — сказал ей Наполеон, — ты должна подышать свежим воздухом родной страны.

Молодая женщина заволновалась.

— Кроме того, — добавил Наполеон, — чтобы твой ребенок был Валевским, он должен родиться в Польше. Ты едва успеешь вернуться домой до родов.

И, не обращая внимания на слезы, хлынувшие из глаз графини, он втолкнул ее в карету, поцеловал и отправил в Варшаву.

На следующий день он подписал Венский договор, по которому Австрия потеряла Галицию и Иллирийские провинции, сел в карету и отправился во Францию. 26 ноября он был в Фонтенбло. Вскоре его сестра Полина, которая с удовольствием наблюдала, как закладывали дверь, соединяющую апартаменты императорской четы, решила ускорить отъезд Жозефины, найдя брату новую любовницу. Молодая женщина, на которой Полина остановила свой выбор, — немного полноватая блондинка с порочным взором родом из Пьемонта, была замужем за графом Сципионом Матис де Бра де Каччиерна и принадлежала к кругу принцессы Боргезе.

Как только Наполеон увидел ее аппетитные округлые формы, он забыл все свои неприятности и впал в сентиментальность.

За десять лет, что он вел мужчин к победе силой своего слова, а женщин заставлял отступать магией своего взгляда, Наполеон твердо уверовал в могущество и того, и другого. Но на этот раз потерпел поражение: Кристина Матис оказалась нечувствительной к воздействию его взгляда. Белокурая пьемонтка не хотела ложиться к нему в постель, как обычная вульгарная светская дама, и, прежде чем отдаться ему, решила предпринять ряд оборонительных маневров. Охваченный неотступным желанием, мешавшим ему работать и спать, Император попросил сестру вмешаться и оказать содействие в соблазнении строптивой красавицы. Полина встретила с ней и прочитала наставление, которое закончила своей исторической фразой:

— Знаете ли вы, мадам, что нельзя говорить "нет" волеизъявлению Императора? Что даже я, его сестра, если бы он сказал мне: "Я хочу", ответила ему: "Сир, я к услугам вашего величества"...

Несмотря на такое исключительное заявление, Кристина еще заставила себя поупрашивать. Император нервничал, перестал толком работать, не приглашал к себе министров, забросил Европу, забыл Испанию, где его солдаты терпели жесточайшие лишения, и целыми днями не мог избавиться от навязчивой мысли овладеть этой женщиной. Вечером, возвращаясь во Дворец, он отправлялся в свой кабинет и писал пламенные послания, которые тотчас же заставлял относить Кристине.

В конце концов, выдержав необходимое время, приличествующее для честной дамы в отличие от "женщины-чего изволите", молодая графиня согласилась прийти в императорскую спальню, где в одно мгновение была раздета и повержена в постель всепобеждающим натиском Наполеона...

Наконец-то удовлетворенный, Император с освобожденным рассудком возобновил свои обычные занятия. Окончательно решив развестись, не думая больше о Жозефине, целыми днями плакавшей у замурованной двери, он послал Коленкуру шифрованное письмо следующего содержания:

"Господин посол! Император собирается разводиться. Поводом к разводу стали слухи о намерении императора Александра отдать ему в жены принцессу Анну. Император желает, чтобы Вы откровенно обсудили этот вопрос с императором Александром. Для начала пришлите описание качеств юной принцессы и особенно обратите внимание на время, когда она сможет стать матерью".

Способность к деторождению — вот на чем хотел жениться Наполеон. К несчастью, княжне Анне было только четырнадцать лет, и мать царя была против того, чтобы отдавать ребенка монарху, известному своим сладостра-

стием.

В ожидании ответа из Санкт-Петербурга, Император все больше и больше отдалялся от Жозефины и вскоре стал видаться с нею не более часа в день и только во время обеда. 14 ноября в сопровождении Кристины, с которой он проводил страстные ночи, и несчастной Императрицы, которой теперь сочувствовал весь Двор, он возвратился в Париж.

Более двух недель Наполеон оттягивал решающее объяснение. И наконец 30 сентября после обеда объявил той, которую когда-то так любил, что она должна уйти. Жозефина вскрикнула и упала в обморок. О том, что произошло вслед за этим, рассказывают по-разному. Поэтому предоставим слово мсье де Боссе, префекту дворца, свидетелю этой печальной сцены.

"Я находился в Тюильри с 27 ноября, с понедельника. Во вторник и в среду за обедом я обратил внимание на то, что Императрица сама на себя не похожа, а Наполеон во время трапезы не произнес ни единого слова. После десерта он прервал свое молчание, задав несколько вопросов, но не слушая ответы на них. В эти дни обед продолжался не более десяти минут".

Затем де Боссе переходит к вечеру 30 ноября:

"Их Величества сидели за столом. На Жозефине была большая белая шляпа, завязанная под подбородком и скрывавшая ее лицо. Тем не менее я заметил, что оно заплакано и что она с трудом сдерживает слезы. Все говорило о боли и отчаянии в ее душе.

В этот день тишина за столом была особенно тягостной. Единственными словами, которые произнес Наполеон, обращаясь ко мне, были: "Который час?". Затем он вышел из-за стола, Жозефина медленно последовала за ним. Подали кофе. Взяв чашку из рук слуги, Император сделал всем знак удалиться.

Я быстро вышел, охваченный грустными мыслями. Сидя в кресле в соседнем салоне, служившем сервировочным залом, я рассеянно следил, как слуги переставляют предметы, предназначенные для сервировки стола Их Величеств. Внезапно послышался ужасный крик Императрицы и затем глухой стук. Один из слуг, думая, что ей стало плохо, хотел открыть дверь, но я остановил его, сказав, что, если будет необходимо, Император сам позовет на помощь. Я стоял у двери, когда Наполеон открыл ее и, заметив меня, быстро произнес:

— Входите, Боссе, и закройте дверь.

Я вошел в комнату и увидел Императрицу, лежавшую на ковре. Она застонала:

— Нет, я не переживу этого...

Наполеон обратился ко мне:

— У вас хватит сил отнести Жозефину в ее комнаты по внутренней лестнице и оказать ей необходимую помощь?

Я утвердительно кивнул. Приподняв Императрицу, я решил, что у нее нервный шок. С помощью Наполеона я поднял ее на руки, а он открыл дверь в темный коридор и, освещая дорогу канделябром, проводил меня до лестницы, о которой говорил. Дойдя до первой ступеньки, я обратил его внимание, что лестница слишком узка, чтобы можно было нести по ней Императрицу. Тогда он позвал хранителя портфеля, который днем и ночью дежурил на лестничной площадке у дверей кабинета. Наполеон передал ему канделябр, в котором уже не было необходимости, так как лестница освещалась, и приказал идти

впереди, а сам, поддерживая ноги Жозефины, помогал мне нести ее. Был момент, когда мы, споткнувшись о мою шпагу, оба упали. К счастью, все обошлось благополучно, и мы уложили нашу драгоценную ношу на оттоманке в ее спальне. Наполеон дернул сонетку и вызвал камеристок Жозефины.

Наверху, в салоне, когда я поднимал Императрицу, она не подавала признаков жизни. Тогда я подумал, что ей совсем плохо. Но, спускаясь по лестнице, я держал Императрицу на руках, обнимая за талию, ее грудь прижималась к моей груди, а голова лежала на моем правом плече, и в момент своего падения крепче прижал ее к себе, чтобы она не ушиблась. И тут Жозефина едва слышно произнесла:

— Вы слишком сильно сжимаете меня.

И я понял, что не стоит опасаться за ее здоровье, что она вовсе не потеряла сознание.

На протяжении всей этой сцены я был целиком поглощен Жозефиной и не мог наблюдать за Наполеоном. Но когда женщины занялись Императрицей, мы прошли в маленькую комнату перед ее спальней, и я вдруг увидел, что он очень взволнован и обеспокоен ее состоянием. С горячностью Император попытался объяснить мне причину этой душераздирающей сцены:

— Интересы Франции и моей династии требуют от моего сердца такой жестокости. Развод... это мой суровый долг. Я не менее Жозефины удручен... происходящим, но... моя несчастная обязанность... приговорила меня расстаться с ней... Но я думал, что у нее более сильный характер... И я оказался не готов испытать такую боль...

Действительно, чувства, которые он переживал, заставляли его с трудом произносить слова, перемежая их тяжелыми вздохами. У него был глухой, подавленный голос, а на глазах блестели слезы. Видимо, ему и впрямь было очень тяжело, раз он так разоткровенничался, хотя обычно не удостаивал меня своим доверием. Вся сцена длилась не более семи-восьми минут...

Наполеон послал за Корвизаром, королевой Гортензией, Камбасересом и Фуше. Прежде чем подняться к себе, он хотел убедиться, что состояние Жозефины больше не вызывает опасения.

Когда Император направился в свои апартаменты, я вышел вслед за ним. Оставшись в сервировочном салоне, я снял шляпу и бросил ее на ковер: мне необходимо было расслабиться и немного отдохнуть. Чтобы избежать ненужных слухов, я сказал собравшимся слугам, что у Императрицы был сильный нервный припадок".

Это особое свидетельство доказывает, что Жозефина продолжала лгать и в самые последние минуты своей жизни с Наполеоном.

Сначала она притворялась, что любит его; затем обманула относительно своего большого состояния и возраста; после этого наставляла ему рога со всем Парижем; затем ломала комедию по поводу своих несчастий и, наконец, под занавес изобразила тяжелый обморок. Бедный и наивный Император...

Еще несколько дней из-за двери Жозефины доносились стенания, отдававшиеся по всем коридорам и докатившиеся до салонов, где настороженные уши внимали последнему эху ее личной жизни. Члены семейства Бонапарт слушали эти крики с особым вниманием. Они наслаждались каждым стоном, и их радость выражалась в словах, лишенных всяких предрассудков, как и подобает сильным мира сего...

— Послушайте, как голосит эта шлюха, — говорила Неаполитанская королева.

— Да, наконец-то эта старуха получила по заслугам, — сурово добавлял король Вестфалии.

— Теперь она больше не будет приставать к мужчинам дворца, — вторил князь Боргезе.

— И слава Богу, — вежливо заключил король Голландии.

Так беседовали короли, королевы и их высочества под золочеными лепными сводами дворца Тюильри, слушая стенания отвергнутой Императрицы.

В какой-то степени Жозефина действительно страдала. Желая, чтобы все поверили страданиям любящей супруги, она преувеличенно демонстрировала горькие сожаления по поводу потери своего привилегированного положения. И эти сожаления были искренними. При мысли о почестях, деньгах, дворцах, платьях, драгоценностях, экипажах, которыми она владела, — креолка начинала рыдать и бежала, забыв о достоинстве, поверять свое горе камеристкам или модисткам.

Несмотря на свое смятение Жозефина должна была появляться с хорошей миной на всех официальных церемониях, имевших место в декабре 1809 года, чтобы почтить своим присутствием монархов, прибывших в Париж по случаю заключения Венского договора. Несколько дней Жозефина занимала место возле Императора, но на торжественной службе в Нотр-Дам де Пари он хотел публично продемонстрировать, что развод близок, и велел ей проехать по Парижу в отдельной карете. Однако досадное недоразумение помешало парижанам обратить на это внимание.

В карете с Наполеоном сидел Жером, король Вестфалии. Маленький, стройный и грациозный, брат Наполеона был одет в костюм из белого атласа, украшенный кружевным жабо, на его голове была шапочка из черного бархата с белыми перьями, прикрепленными бриллиантовой брошью. И парижане приняли его за Жозефину. Его громко приветствовали, хлопали в ладоши, а когда он в ответ помахал рукой, вся толпа закричала: "Да здравствует Императрица!" Эта путаница привела одного англичанина, наблюдавшего ее, к нелепым выводам относительно императорской семьи.

Когда празднества закончились, Наполеон велел Камбасересу, крупному юристу, подготовить развод. В то время как тот занимался деталями процедуры развода, Жозефина вела переговоры об условиях своего отступления.

Она потребовала три замка — в Париже, в предместье и в провинции. Наполеон отдал ей Елисейский дворец, Мальмезон и замок в Наварре. Затем она попросила оплатить ее долги (несколько миллионов) и выделить ежегодную ренту. Император предложил ей один миллион. Жозефина покачала головой, заявив, что для нее это смехотворная сумма и в этом случае она не подпишет акт о разводе.

— Полтора миллиона? — спросил Император. Со спокойной уверенностью немолодой многоопытной женщины креолка только недоуменно пожала плечами.

— Два миллиона?!

Она слегка стукнула по столу, улыбнулась и просто сказала:

— Три!

Наполеон подумал, что это слишком много, но согласился. Тогда Жозефина,

забыв о своей печали, с детской радостью бросилась на шею Императору.

— Кроме того, ты сохранишь за собой титул Императрицы — коронованной королевы.

На этот раз креолка смутилась, такой подарок противоречил канонам церкви и букве закона...

Через четыре дня, 15 декабря, в 9 часов вечера в присутствии всего семейства Бонапарт, заплаканной Гортензии и Евгения, перед Камбасересом, архиканцлером Империи и Реньо де Сент Жак д'Анжели — секретарем императорского дома, Императрица, одетая во все белое, без единого украшения, с волосами, перехваченными простой лентой, подписала протокол о разводе.

Наполеон, неровной рукой поставивший свой росчерк, смотрел на нее бледный, со слезами на глазах. Когда все присутствующие поставили свои подписи, Император сильно сжал руку Жозефины и вернулся во дворец. Но этому дню предстояло завершиться самым непредвиденным образом...

"Ночью, — пишет Констан, — когда Император уже лег в постель и я ожидал его последних приказаний, внезапно распахнулась дверь, и я увидел вбежавшую Императрицу с растрепанными волосами и изменившимся лицом. Ее вид ужаснул меня. Жозефина неверными шагами направилась к постели Императора. Подойдя, она остановилась и зарыдала, а затем упала на кровать, обвила руками шею Императора и стала расточать ему самые трогательные ласки. Мои чувства невозможно описать.

Император тоже заплакал. Он сел в постели, прижал Жозефину к груди, говоря ей:

— Ну же, милая Жозефина, будь благоразумной. Крепись... Я навсегда останусь твоим другом...

Задыхаясь от рыданий, Императрица не могла отвечать, и последовала немая сцена, длившаяся несколько минут, во время которых их слезы и рыдания поведали больше, чем можно было высказать в самых нежных словах...

Наконец, Его Величество вышел из этого подавленного состояния, как из забытья, заметил меня и произнес со слезами в голосе:

— Уйдите, Констан...

Я подчинился и вышел в соседний салон".

По мнению некоторых историков, которые, конечно же, не присутствовали там и не держали, как говорят, свечу, Наполеон отдал последние почести "маленькому темному лесочку" Жозефины, а мсье де Буайе конкретно заявляет в своих мемуарах, что это был "посошок на дорожку"...

Вполне возможно... После пятнадцати лет брака желание Бонапарта всегда отвечало императорской привычке Наполеона...

Как бы то ни было, Императрица провела все же один час в комнате Императора, и это уточняет Констан:

"Часом позже, — пишет он, — я опять увидел Жозефину, грустную и всю в слезах. Проходя мимо, она дружелюбно улыбнулась мне. Тогда я вошел в спальню, чтобы вынести канделябры, как обычно делал по ночам. Император лежал неподвижно, как мертвый, зарывшись головой в подушки, и было невозможно разглядеть его лица"...

На следующее утро Жозефина навсегда покинула дворец Тюильри, в котором в течении пяти лет была "больше, чем королевой", и отправилась обустриваться в Мальмезон — с восемью сотнями платьев, двадцатью норковыми

манто, двумя миллионами пар шелковых чулок, попугаем, собаками, мартышкой и... со своими воспоминаниями...

Когда она катила под проливным дождем, оплакивая утраченное величие, Наполеон другой дорогой направился в Трианон, где решил провести несколько дней... Не в состоянии оставаться в Тюильри, где еще витал запах креолки, он выбрал это бегство, чтобы спрятаться от своей тоски. Церемония развода сильно подействовала на него, и он не хотел, чтобы двор видел Императора с покрасневшими глазами...

В маленьком Трианоне, вдали от любопытных и злобных глаз, Наполеон собирался целиком посвятить себя трудам и воспоминаниям. Он расположился там со всеми удобствами.

— Я думаю, здесь нам будет хорошо, — сказал он Кристине Матис. Зная силу человеческой боли, он хотел разделить ее со своей последней любовницей...

На следующий день Император нанес краткий визит Жозефине, и та опять начала вздыхать, склонившись над вышиванием, которым занялась, чтобы скрасить свое одиночество...

Огорченный тем, что явился причиной ее нынешнего положения, Наполеон решил утешить ее, а сам вернулся домой очень грустным и принялся за написание нежного письма:

"Друг мой, я нашел тебя сегодня опечаленной, но ты не должна быть такой. Надо, чтобы ты обрела бодрость — она поддержит тебя, не надо впадать в уныние. Необходимо, чтобы ты нашла удовлетворение в новой жизни и заботилась о своем здоровье.

Если ты привязана ко мне и все еще любишь меня, ты должна стать сильной и постараться быть счастливой. Ты не можешь ставить под сомнение мою постоянную и нежную дружбу, и ты очень плохо знаешь мои чувства, если полагаешь, что я могу быть счастлив, если ты несчастна, и доволен, если ты опечалена. Прощай, моя дорогая. Крепко спи. Подумай над тем, о чем я прошу тебя".

После этого, чтобы изгнать из своей памяти грустный образ, привезенный из Мальмезона, Наполеон отправился к Кристине.

В течение последующих десяти дней Императрица каждое утро получала письмо от Императора. Два существа, которые только что расстались навсегда, горько переживали разрыв и пережили в эти дни эпистолярный медовый месяц.

На рассвете Наполеон украдкой покидал постель фаворитки, чтобы набросать маленькую записку, которую гвардеец галопом доставлял Жозефине. Ожидая ответа, Наполеон торопил время, был не в состоянии заниматься важными делами, прекращал переписку, отменял деловые встречи — и часто задумчиво сидел у камина, плакал... и в конце концов отправлялся искать утешения в объятиях Кристины.

Мольен в своих мемуарах пишет, что эти дни "быть может, были единственными в его жизни, когда чувства занимали Императора больше, чем дела".

В Рождественскую ночь Наполеон пригласил Жозефину, Гортензию и Евгения в Трианон. Это был их последний совместный ужин. Императрица вернулась в Мальмезон, а Император — в Тюильри.

Узнав, что Наполеон вновь поселился в Париже, Жозефина бросилась к мадам де Ремюза:

— Мне кажется, — сказала она, — что я уже мертва, у меня осталась способность чувствовать только, что меня больше нет...

Это состояние не мешало ей тем не менее быть в курсе матримониальных планов бывшего мужа. Она собралась даже лично вмешаться в ведение переговоров о женитьбе. В это время Наполеон все еще надеялся жениться на великой княжне Анне, сестре русского царя. Этот союз настолько привлекал его, что он был готов ради него поступиться обещаниями, данными им Марии Валевской.

В кабинете Коленкура готовились секретные соглашения. В них подтверждалось, что отныне Великое герцогство Варшавское не сможет ни стать королевством, ни называться Польшей. Когда секретный документ был готов, канцелярии всех министерств были информированы о его содержании.

Однако князь Понятовский сразу же понял, что Наполеон решил предать Польшу, задумав жениться на маленькой Анне. Князь сказал об этом Марии. Ее это известие ошеломило.

— Что я должна делать? — с готовностью спросила она.

— Ехать в Париж. Для нашего общего дела будет лучше, если ребенок Наполеона родится во Франции. Вы должны пробыть там ровно столько времени, сколько потребуется, чтобы отговорить Императора от женитьбы на русской княжне и добиться от него письменного договора об этом с Россией.

Несмотря на свое положение, Мария выехала на следующий день. В то время, пока она катила по обледенелым дорогам Восточной Европы, Наполеон узнал, что царица, мать Александра, всем рассказывает, будто он бесплоден, и по этой причине она не решается отдать за него свою дочь.

Его раздосадовал такой поворот дела, и он подумал, что стоит поискать невесту и среди принцесс. А в это время австрийский император, с ужасом наблюдавший за крепнущими связями между Россией и Францией, пытался тысячами любезностей привлечь внимание Парижа. Наполеон решил начать с рассмотрения видов на брак с девятнадцатилетней принцессой Марией-Луизой. У него возникла странная идея поручить это дело Жозефине, прежде чем официально начать переговоры (он все еще надеялся жениться на княжне Анне).

Императрица, скучавшая в Мальмезоне, сразу же согласилась содействовать ему, обрадовавшись интересному делу. Ее давние связи с Австрией, дружба с Луисом де Кобленцем, сердечные отношения с Меттернихом давали Наполеону основание считать, что она наилучшим образом устроит австрийский альянс.

1 января 1810 года Жозефина пригласила к себе мадам Меттерних.

Жена посла, несколько удивившись, отправилась в Мальмезон, где была встречена Гортензией, которая после обычных вежливых приветствий обратилась к ней со странными словами:

— Вы знаете, что все мы немного австрийцы в душе, но вам, наверное, никогда бы не пришло в голову, что моя мать имела смелость посоветовать Императору жениться на вашей великой принцессе...

Мадам Меттерних еще не успела ничего ответить, как в комнату вошла Жозефина и сразу же подхватила:

— У меня есть идея, бесконечно захватившая меня и внушающая надежду, что жертва, которую я принесла, не будет напрасной. Эта идея — женить Императора на австрийской принцессе. Я разговаривала с ним вчера, и он мне сказал, что его выбор еще до конца не сделан, но, я думаю, он смог бы определиться, если бы заручился вашей поддержкой.

Мадам Меттерних, немного сбита с толку, сказала, что расценивает эту женитьбу как большое счастье, но не знает, как отнесется Мария-Луиза к возможности жить во Франции, где была казнена Мария-Антуанетта.

Жозефина отмахнулась:

— О! Я думаю, мы уладим это.

Через несколько дней Меттерних известил Императрицу, что австрийский кабинет благопринято воспринял возможность такой женитьбы. Наполеон удовлетворенно потирал руки. Теперь он мог спокойно дождаться ответа из Санкт-Петербурга, а потом создать видимость, что сделал выбор.

Именно в это время Мария Валевская, отправленная из Польши князем Понятовским, приехала в Париж. Император, догадываясь, о чем она собирается ему напомнить, принял ее с некоторым замешательством. Он стал сердечно расспрашивать ее о здоровье, а потом сказал:

— Наш сын (пол будущего ребенка не вызывал у него сомнений) будет польским князем.

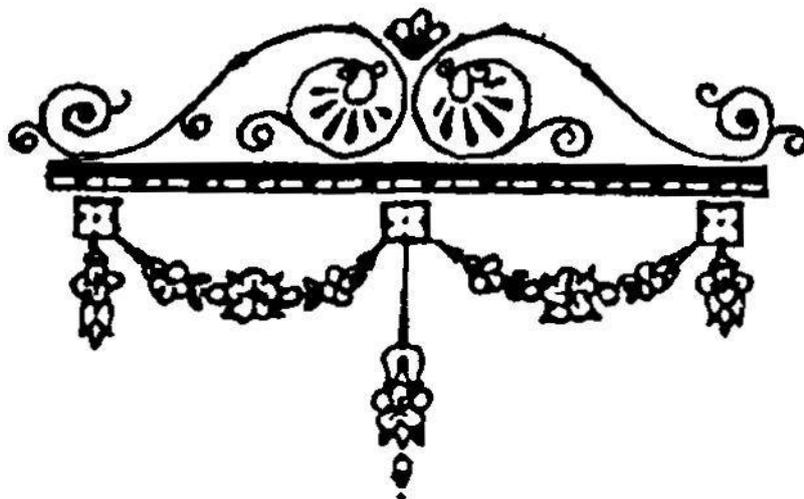
При этих словах Мария разрыдалась и высказала ему, что знает о соглашении, подготовленном в Санкт-Петербурге. Наполеон смутился и опустил голову. Молодая женщина воспользовалась этим.

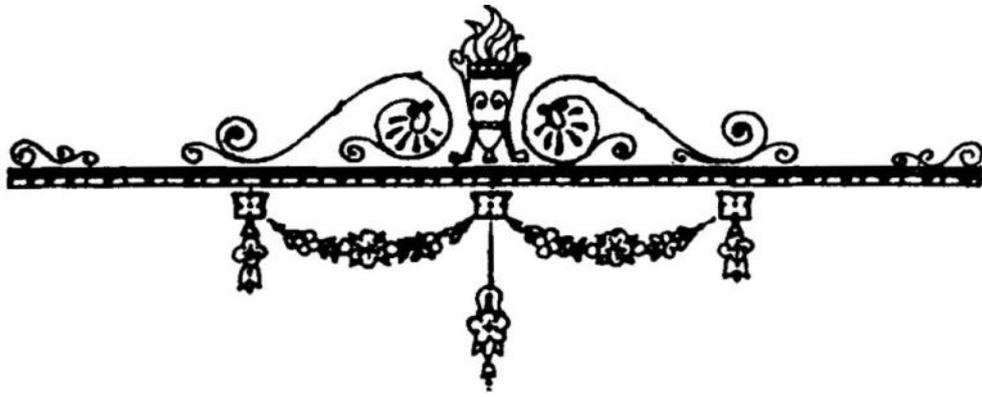
За два часа она успела стать сначала просительницей, потом душечкой, потом дипломатом и, наконец, возлюбленной. В результате растроганный Император обещал не жертвовать Польшей и жениться на австриячке.

И в решительный час выбора еще раз появилась Женщина, чтобы принять участие в решении судьбы Франции. И, что самое замечательное, — она вмешалась, чтобы позволить другой женщине сыграть главную роль в его жизни — в жизни безусловного в те годы властелина Европы.

Наполеон, достигший зенита своей славы благодаря первой жене, приблизился к своему краху с помощью второй...

Потом придут другие женщины — легкомысленные, коварные, деловые — всегда прекрасные, они придадут обновленной Империи романтический оттенок, и у них — увы! — всегда будут последовательницы...

Оглавление

Жозефина приносит Бонапарту в приданое командование итальянской армией

Беспокойная свадебная ночь Бонапарта

Бонапарт в честь Жозефины покрывает себя славой

Бонапарт хочет застрелить любовника Жозефины

Англия обнародовала супружескую неудачу Бонапарта

Чтобы поднять свой авторитет, Бонапарт заводит любовницу

Англичане нарушают идиллию Наполеона с Полиной

Подтверждение измены жены мешает Бонапарту победить турок

Бонапарт возвращается в Париж и находит свой дом пустым

Дезирэ Клари — тайная союзница Бонапарта

Любовь помогает совершить государственный переворот 18 брюмера

Грассини изменяет Наполеону со скрипачом

Бонапарт теряет сознание в объятиях мадемуазель Жорж

Бонапарт оставляет мадемуазель Жорж, чтобы стать Императором

Маршал Ней хочет сделать из своей жены новую мадам де Монтеспан

Наполеон, влюбленный в свою племянницу, бежит за ней по коридорам дворца

Жозефина предстает обнаженной перед папским камердинером

В Италии Наполеон влюбляется в чтицу

Наполеон обнаруживает в замке Аустерлиц обнаженную женщину

Жозефина подозревает, что Наполеон был любовником своей сестры Полины

Наполеон становится отцом маленького Леона

Мария Валевская от имени Польши приветствует Императора

Был ли у Наполеона сын от его падчерицы Гортензии?

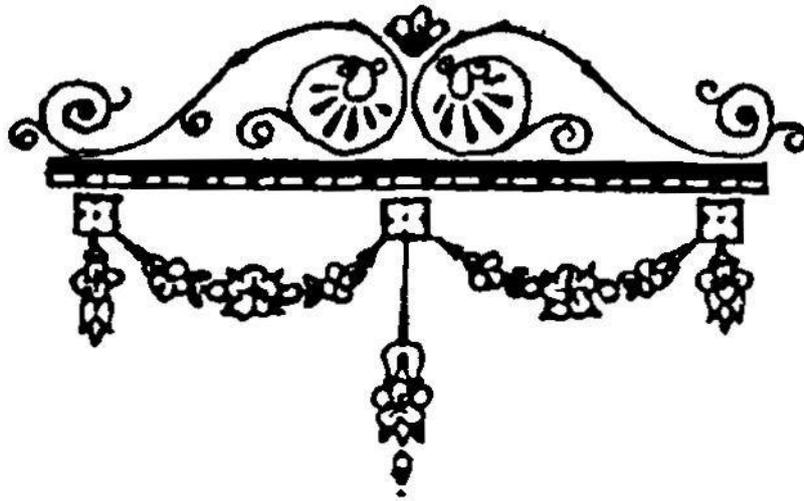
Из любви к Марии Валевской Наполеон создает Великое герцогство Варшавское

Каролина Мюрат становится любовницей Жюно, чтобы возвести на трон своего мужа

Наполеон хочет жениться на своей племяннице

В Мадриде Наполеон бежит из постели от слишком благоухающей девицы

Прежде чем покинуть трон, Жозефина требует три замка и три миллиона в год

Уважаемые читатели!

Стройиздат извещает Вас о выходе в свет в 1993—94 гг. следующих изданий:

Твен М. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура: Роман: Пер. с англ. — М.: Стройиздат, 1993.

Знаменитый историко-фантастический роман великого американского писателя XIX в. повествует о приключениях предприимчивого мастера-оружейника, который попал в VI век и создает там буржуазную цивилизацию. Используя легенды о рыцарях Круглого Стола, автор остроумно пародирует как времена рыцарского средневековья, так и современное ему общество.

Для широкого круга читателей.

Оптовых покупателей приглашает отдел маркетинга Стройиздата (101442 Москва, Долгоруковская, 23а).

Белицкий Я.М., Глезер Г.Н. Москва незнакомая. — М.: Стройиздат, 1993.

Эта книга приглашает Вас в необычное путешествие по Москве. Старинные фотографии и рисунки расскажут Вам о тайнах знаменитой Сухаревой башни, трагической участи храма Христа Спасителя — величественного памятника героям войны 1812 г., о создании кремлевских садов, о народных гуляньях с их шумными балаганами, каруселями, ледяными горами.

А слышали Вы когда-нибудь о таких профессиях, как сбитенщик, рассыльный или разносчик? Главы книги расскажут Вам и о них.

Более 250 уникальных почтовых открыток из своей коллекции включили в эту книгу авторы, и за каждой — увлекательный поиск и неожиданные открытия.

Эта книга непременно станет для Вас путеводителем в прогулках по старой и новой Москве.

Для широкого круга читателей.

Оптовых покупателей приглашает отдел маркетинга Стройиздата (101442 Москва, Долгоруковская, 23а).

Зингер Б.И. Лестница вашего дома. — М.: Стройиздат, 1993.

Приведены различные конструкции лестниц для индивидуального дома — деревянные, винтовые, трансформируемые с учетом их изготовления своими руками. Рассказано об основных принципах устройства лестниц, применяемых материалах, а также об эстетических и технических решениях ограждений лестничных маршей. Помещен большой иллюстративный материал.

Для широкого круга читателей.

Оптовых покупателей приглашает отдел маркетинга Стройиздата (101442 Москва, Долгоруковская, 23а).

Маклин А. Караван в Ваккарес: Роман: Пер. с англ. — М.: Стройиздат, 1994.

В захватывающем бестселлере всемирно известного шотландского писателя действие происходит в загадочном и диком мире цыган, полном тревог, интриг, криминальных ситуаций, музыки, романтики и жестокости.

Каждый год на протяжении столетий собирались цыгане в маленьком французском городке поклониться мощам своей покровительницы святой Сары. Однако в этот раз их паломничество стало прикрытием зловещего преступления... Похищения, убийства, тайны гаданий и любовь тесно переплетены в этой увлекательной истории.

Для широкого круга читателей.

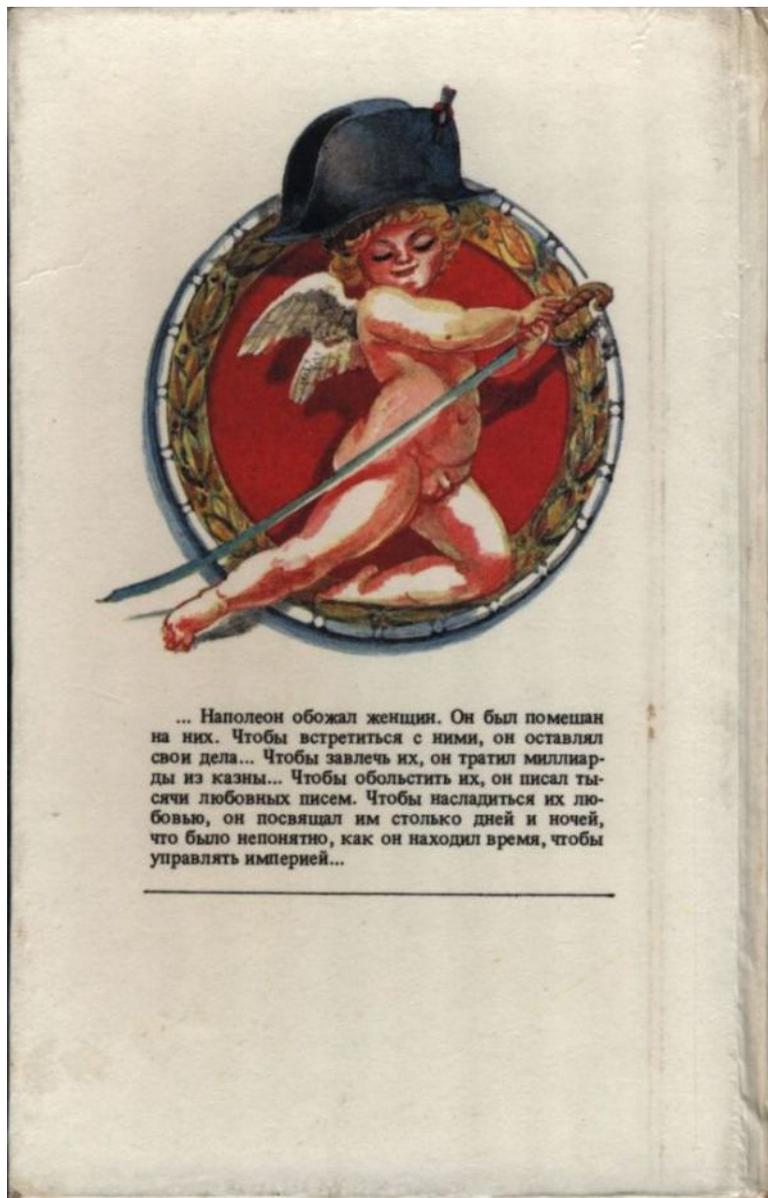
Оптовых покупателей приглашает отдел маркетинга Стройиздата (101442 Москва, Долгоруковская, 23а).

Внимание тех, кто любит животных и повествования о братьях наших меньших предпочитает всем другим жанрам литературы, предлагаем сборники рассказов и маленьких повестей известных русских и зарубежных авторов, в которых Вы не только найдете забавные и грустные, веселые и трагические истории из жизни диких и домашних животных, но и столкнетесь с серьезной проблемой взаимоотношений человека с животными, обитающими как в дикой природе, так и у него дома.

В течение 1994 г. выйдут из печати сборники: "Рассказы о кошках", "Рассказы о собаках", "Рассказы о лошадях", "Рассказы о волках", "Рассказы о медведях".

Спешите!

Эти и многие другие издания ждут Вас на прилавках фирменного магазина Стройиздата — "Книжная лавка архитектора" (Рождественка, 11. Проезд до ст. метро "Кузнецкий мост").

... **Н**аполеон обожал женщин. Он был помешан на них. Чтобы встретиться с ними, он оставлял свои дела... Чтобы завлечь их, он тратил миллиарды из казны... Чтобы обольстить их, он писал тысячи любовных писем. Чтобы насладиться их любовью, он посвящал им столько дней и ночей, что было непонятно, как он находил время, чтобы управлять империей...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Примечания

1

Это настоящее имя мадам де Богарнэ. Жозефиной ее позднее назвал Бонапарт.

[^^^]

2

26 октября 1793 года Конвент, объявив свою миссию завершенной, уступил место Директории, в которую вошли Баррас, Карно, Летурнер, Ребель и Ларевельер-Лепо.

[^^^]

3

Жозеф женился на Жюли Клари, сестре Дезирэ, с которой Бонапарт был обручен в Марселе.

[^^^]

4

Им подобные (*ит.*). — *Примеч. пер.*

[^^^]

5

Люсьен Бонапарт писал: "Баррас в приданое Жозефине отдал пост главнокомандующего итальянской армией".

[^^^]

6

По свидетельству Гурго, Наполеон говорил ему: "Баррас посоветовал мне жениться на ней, утверждая, что она уважает и старый и новый режимы и это даст прочность моему положению. Ее дом считается лучшим в Париже, и это избавит меня от моего корсиканского имени. Наконец, в этом союзе я стану настоящим французом".

[^^^]

7

Игра слов: Гап — осел (фр.). — Примеч. пер.

[^^^]

8

Bellilote — хорошенькая (*фр.*). — *Примеч. пер.*

[^^^]

9

Игра слов — *sexe de l'ange* (фр.) — секс де Ланж, или пол ангела. — *Примеч. пер.*

[^^^]

10

Игра слов: lancette — laitue — rat: l'an sept les tuera (*фр.*) — седьмой год их убьет. — *Примеч. пер.*

[^^^]

11

Победа при Маренго вызвала невероятный энтузиазм по всей Франции. Три дня все танцевали, веселились, устраивали фейерверки. Бонапарт начал принимать образ сверхчеловека. И в связи с этим один изобретатель, которого должны были отметить на выставке технических новинок, послал в Тюильри такую невероятную записку: "Если Первый консул, вместо того чтобы наградить меня медалью, смог бы сделать ребенка моей жене, я был бы счастлив".

[^^^]

12

Игра слов: согние (*фр.*) — реторта, согни (*фр.*) — рогоносец. — *Примеч. пер.*

[^^^]